

Очей
очарованье...

Вновь растворилась дверь на влажное
крыльцо,

В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Теплый ветер повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливками огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье и любовь, и юность, и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья.

Пусть же, как они, по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врагующая власть воскреснувшей природы.

АЛЕКСЕЯ К. ТОЛСТОГО

Хабаровское
книжное
издательство
1976

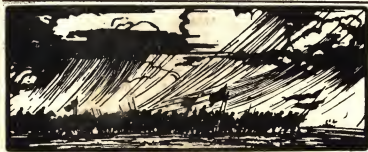

Очей
очарованье...

стихи русских поэтов
о природе

Составители
Л. Г. АНДРЕЕВ и О. К. МАМОНТОВА

Консультация
и вступительная статья
Льва ОЗЕРОВА

Художник книги Вл. МЕДВЕДЕВ

О $\frac{70500-51}{M160(03)-76}$ 34-76

© Хабаровское книжное издательство, 1976

Природу воспевают человек

Сказать человеку: не наслаждайся природой — все равно, что сказать ему: умерщвляй свою плоть.

Д. ПИСАРЕВ

Ты еще не совсем проснулся, еще не раскрыл глаза, но уже слышишь птичий щебет и чувствуешь, что солнечные лучи раздвигают шторы и врываются в комнату. Слух улавливает не то шелест листьев, не то шорох дождевых струй. Нет, не может быть дождя! Просто — похоже. Ты открываешь глаза и видишь утро. Это утро — как начало жизни. Все впервые! Пусть это не так, но мгновенное удивление тебе все же дано... Твой сон был плох, тяжелые мысли лезли в голову. Но вот пришло утро, сулящее погожий день, и вернулась к тебе полнота ощущения жизни. Ветерок входит в кроны деревьев, и листва кипит так уповательно. Природа легко и быстро восстанавливает твое душевное равновесие, возвращает воодушевление, обнадёживает. На нее можно опереться — она надежна. Природа отдает то, что забрано людьми, отдает и сверх того, щедро, с лихвой.

Природа! Как это просто. И как сложно сделать самый малый шаг в ее глубину. Она, казалось бы, раскрыта, иной раз чудится, что идет тебе навстречу. А в действительности она таится, она не подпускает к себе, протнвится твоему стремлению познать ее тайны. Но человек беспокоен, и беспокойство его восходит на гребень дерзости. До такой степени осложнились научные дисциплины, изучающие природу, так несметны их взаимосвязанные циклы, до такой степени дробятся привычные науки, появляются новые, все уменьшая и уменьшая секторы обзора и исследования. Познание уходит от универсальности и цельности. Эйнштейн мечтал свести всю сложность и многообразие наук о природе к нескольким простейшим положениям. Отдадим должное специальным исследованиям, монографиям и диссертациям, очеркам о флоре и фауне, об экологии, об озоновом щите Земли, отдадим должное публицистике, защищающей природу от хищнического обращения с ней. Однако их воздействие на миллионы людей не столь

мощно, как воздействие поэзии. Природа и поэзия выступают в некоем гармоническом единстве. В поэзии, дружной с природой, заключена огромная сила эмоционального воздействия на сердца людей.

Мы привыкаем к тому, что нас окружает природа и что мы сами составляем часть ее. Мы так привыкаем к этому, что перестаем замечать такое чудо. Человек в своем духовном росте познает законы, управляющие природой, и берет на себя право управлять ею. Ученые утверждают: в определенном смысле можно сказать, что человек — это природа, познающая самое себя.

С малолетства мы, окруженные природой, дружим с ней, познаем ее. Здесь мы многое делаем, но и многое упускаем. Мне рассказывали, что в одной из школ-десятилеток одного из крупных наших городов был произведен своеобразный опыт. Ученикам показали чучела нескольких птиц и просили назвать их. Среди этих птичьих чучел были воробей, снегирь, щегол, крапивник, скворец, чиж, дрозд-белобровик, обыкновенная чечетка, варакушка, зорянка, длиннохвостая синица, соловей, яблник, юла (лесной жаворонок), садовая горихвостка. Опыт оказался трудным и печальным. Большинство было опознано воробей. Некоторые называли воробья, но указывали на соловья. Кое-кто опознал снегиря. Остальные птицы узнаны не были. Правда, были произнесены вслух названия птиц, запомнившиеся по литературе (дрозд, чиж, щегол, скворец, по Некрасову — «поздняя осень, грачи улетели»), но эти названия не сочетались с внешним видом птиц, существовали особо, отвлеченно, то есть фактически дети не знали этих птиц. Это горожане. Сельские дети знают птиц, да и вообще природу, лучше, но и у них это знание неосновательное, не закрепленное истинным постижением природы.

Как же все-таки выигрывает в жизни человек, по-настоящему любящий природу, как широка палитра его чувствований! Для «природы праздного соглядатая» есть ветер то сильный, то слабый, и — все. Для знатока природы есть ветер, ветерок, ветерочек, ветришка, есть ровный, порывистый, шквальный, или голомянистый, пассатный, или полосовой, постоянный, изменчивый, шаткий, смерч, вихрь или заверть, то есть круговой. Есть морской, моряна, низовой, горыч, сухомень, сгон, выгон, верховой. А как богат оттенками ветер у моряков, речников, людей, выросших и работающих на больших озерах!

Мы говорим: рассвет, заря. И нам этого достаточно. Но наша речь богата оттенками смысла, рожденными человеком в его деятельном общении с природой. Есть зорька, зорюшка, зарево, заревник — пожарный год, зорник — это о том, кто живет, ходит или делает что-либо по зорям. Есть заорники — столбы, северное сияние, есть зорничий — вынашивающий ловчих птиц по зорям. Можно зоринить или зоринить пряжу, холст, то есть выстирать их по зорям на траву, белить по зорям. Возникает привлекательный мир слова, за которым — зоркость народного глаза, чуткость народного сердца. Поэзия перенимает эти качества, и она сильна ими.

Русская литература, поэзия в частности, широко пользовалась не общими словами, а их оттенками, всем богатством народного словаря, отражающего богатство природы и владеющего этим богатством человека. Читая стихи русских поэтов, мы видим всю

глубину воспронзведения в слове постижения природы. Мы наслаждаемся, читая, но вместе с тем и учимся. Учимся любовному отношению к окружающему нас богатству, чуткости к разнообразности природы, пониманию сокрытых в природе многообразных тайн.

У всех народов на всем пути их развития природа была предметом удивления, воспевания, поклонения, изучения, споров. Природа обожествлялась, о ней говорили со страхом и с недоумением, она была и во многом осталась хранительницей тайн, которые никогда не были целиком раскрыты. Пушкин назвал ее «равнодушной», Тютчев увидел «пылающую бездну» и дерзнул бросить ей в лицо утверждение, что «от века загадки нет и не было у ней».

Загадочное, таинственное, сокрытое от глаз пытаются ощутить, почувствовать, познать и наука, и искусство. Их способы постижения тайн природы совершенствовались и углублялись, но количество неразгаданных загадок никак не уменьшилось. Напротив, мы, люди XX века, вооруженные знаниями, инструментами, опытом, стоим перед не меньшим количеством их, чем наши предки. Если можно — при умении фантазировать — реально представить себе одну Галактику, то как быть с нашей ограниченной фантазией, зная, что существует множество галактик? Итак, знание оставило далеко позади фантазию. Нужны новые способы представления о размерах миров и об их взаимодействии...

Наша задача — показать, как русская поэзия осваивает природу, что говорит о ней, как говорит. Осваивает, — созерцая, любясь, чувствуя, размышляя. «Очей очарованье»... Природа становится благодаря поэзии очарованием не только для глаз, но и для сердца, и разума, и всего существа.

Каждый человек ищет наиболее близкий его сердцу уголок природы. Так же и поэт. Для одного всего краше береза, для другого — сосна, для третьего — кипарис.

Поэт улавливает в природе ритм, мелодию, интонацию. Но он не копирует их. Он воспроизводит, он творит, участь у природы ее шепоту и грому, ее ласке и гневу, ее терпению и ее нетерпению. Он прислушивается.

Было сказано: «Болящий дух врачует песнопенье». Песнь, поэзия, творчество излечивают «болящий дух». Но всего быстрее, полней, вернее излечивает их природа. Было время, когда Левитан переживал приступы тоски, доходившей до отчаяния. Художник писал, что у него «такое страшное отчаяние», которое он никогда еще не испытывал. В эту пору, созерцая природу Волги и Поволжья, он через творчество встает над своей тоской, над своим отчаянием. «Ранняя весна», «Золотая осень», «Свежий ветер», «Волга» и другие полотна внушают нам веру в жизнь, в красоту природы, вселяют в душу радость. Природа вызвала в художнике творческую думу и вернула ему ощущение жизни. Другой русский художник, живший до Левитана, — Тропинин — утверждал: «Лучший учитель — природа, нужно предаться ей всей душой, любить ее всем сердцем, и тогда сам человек делается чище, нравственнее, и работа его будет спориться... Я всем обязан природе».

Самое высокое произведение искусства — это копия по сравнению с натурой — с Природой. Природа властно, можно ска-

зять полновластно, творила по своему образу и подобию все виды искусств: живопись, скульптуру, музыку, драму, поэзию.

Как важно было — еще до попыток изобразить природу — обрести то, что именуется «чувством природы». Это чувство, обретенное человеком, не было и не могло быть раз и навсегда данным, неизменным. Оно мнялось по мере того, как менялся сам человек, его представление о природе, знание ее законов. Искусство, поэзия чутко закрепляли в краске, мелодии, слове подвижную гамму этих изменений. Иногда картина художника или слово поэта опережали выкладки ученого, потому что, наряду с чувством, художнику и поэту дано еще и предчувствие.

Классицизм понял природу как фон для портрета, как декорацию трагедии. Ода в природе не нуждалась, разве что нуждались в ней идиллия, пастораль, выбравшие для себя спокойные, ухоженные ландшафты, с пастушками и овечками. Но Жан-Жак Руссо передвинул пейзажный фон на первый план. Это он провозгласил: «назад, к природе». Это он выступил против искусственности, ратуя за естественность и еще не подозревая, что спустя некоторое время и она покажется новым поколениям искусственностью. Эти новые поколения будут именоваться романтиками, импрессионистами, постимпрессионистами. Всегда новая естественность будет отвергать старую, называя ее искусственностью, архаикой, а то и слепотой, банальностью.

Поэзия вместе с наукой, даже, пожалуй, опережая ее, устанавливает наличие всеобщей связи в природе. Ничто в природе не совершается обособленно, происходит взаимообогащение тех или иных частей природы, взаимовлияние их. И это многообразие связей не может не вызывать внимания поэта, его восторга. Он хочет закрепить эти связи в слове. Поэт спрашивает, природа не отвечает. Но в ее многозначительном молчании поэт находит ответ. Тоненький голосок пичужки и рев гигантского водопада — все это питает воображение художника.

В 1783 году Гете написал статью, всего более напоминающую стихотворение в прозе, и назвал ее «Природа». Поэт, философ, естествоиспытатель предстает здесь в чудесном триединстве. По словам Энгельса, великий поэт и философ в его работах по ботанике, зоологии, анатомии обнаруживал «гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшую тсорию развития», иными словами, учение Дарвина.

С природой одною он жизнью дышал:

Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,

И чувствовал трав прозябанье;

Была ему звездная книга ясна,

И с ним говорила морская волна.

Так писал в 1832 году в стихотворении «На смерть Гете» Евгений Баратынский. Он рисовал облик поэта, живущего одной жизнью с природой и предвидящего ее пути и перепутья. Да и сам Баратынский, зоркий и тревожный в своей зоркости поэт-мыслитель, задолго до разумных научных доводов, поощряемый каким-то дивным чутьем, пишет стихотворение «Смерть» (1828). Смерть тогда изображали сумрачно, скорбно, темно. Но вот Ба-

ратынский в руках смерти увидел не «губящую косу», а «оливу мира». И он написал неслыханно дерзкие и неожиданные по тому времени строки:

Дашь пределы ты растению,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

Воистину, это художнический конспект или предварительный очерк дарвиновского учения.

В русской поэзии мы нередко встречаем произведения, где, наряду с картинами природы, даются поистине художественные исследования природы. Не трактаты в стихах, а лирику, настроенную на убежденной мысли, мысль, переданную не умоглядно, а эмоционально.

Вериемся, однако, к статье Гете. Она начинается с восклицания: «Природа! Мы ею окружены и объаты — бессильные выйти из нее, бессильные глубже в нее проникнуть. Непрошенная, без предупреждения, она нас увлекает в свой хоровод и кружит, покуда мы, устав, не выскользнем из ее рук. Она создает вечно новые образы: то, что есть, — того не было, что было, — уже не повторится, все ново, хоть все и старо». Гете говорит о природе в ее противоречивости и единстве, в ее движении. «Она мыслила и мыслит постоянно, но не как человек, а как природа. Она таит в себе собственный, всеобъемлющий смысл, которого у нее никто не может перенять».

Поэзия пытается проникнуть в тот смысл, который природа таит в себе. Это — великая задача. В русской поэзии (еще шире — во всей русской литературе) природа — храм и природа — мастерская не противопоставлены друг другу, молитва и работа — не антиподы.

Блок любил свой «соловьиный сад». Поэзия Есенина выросла под рязанскими небесами. Без пейзажа, без разговора с природой она не может. Так же Багрицкий и Асеев, Пастернак и Казин, Ахматова и Заболоцкий, Комаров и Звягинцева.

Изображение и воспевание природы в русской поэзии имеет большую и славную историю. Уже в «Слове о полку Игореве» природа участвует в повествовании. Мы видим поле сражения, реку, на берегу которой оно происходило, слышим голос Ярославны, звучащий зегзицей-кукушкой. Природа входит в сказание и в легенду, в летопись и в житие.

В литературе нового времени первым художником природы называют Антиоха Кантемира. Вочарение Ании поэт сравнивает с приходом весны. Время подчас снимает исторический комментарий, делает ненужной параллель. Так, желая возвеличить Потемкина, Державин пишет «Водопад», который теперь прочитывается как сильно выполненная поэтическая фреска.

Постепенно панорамное, условное, обобщенное изображение природы все более уступает место реалистическому письму, передающему живое чувство. Таковы уже «Евгений, жизнь званская» Державина, «Осень» Карамзина, «Весеннее чувство» Жуковского. В той или иной степени эти стихи, а скорее всего их авторы, подготовили явление Пушкина. С его именем связана особая, ос-

новополагающая страница в поэтическом изображении природы. Пейзаж под пером Пушкина стал действующим лицом и героем повествования.

А потом был Лермонтов. Своему герою Сашке из одноименной поэмы он передает собственное ощущение:

В глуши степей дышать со всей природой
Одним дыханьем, жить ее свободой...

Поэт остро ощущал природу в ее борении, драматичности, в ее бурях. «Как жизнь скучна, когда боренья нет!» Природное проецируется на духовное и наоборот. Лермонтов воспел природу, как свою мечту о воле. «Свобода — природа» — зарифмовано по смыслу, а не только по звучанию.

Природа у Некрасова живет одной жизнью с крестьянином, выражая его горести и радости. В русской поэзии нет более впечатляющих картин природы, увиденной глазами пахаря, чем картины, созданные в стихах и поэмах Некрасова. «Несжатая полоса» поля (одна-единственная), наводящая «грустную думу», — это пейзаж и одновременно портрет государственного кормильца — русского землепашца.

Было бы интересно и, безусловно, важно проследить эволюцию взглядов русских поэтов на природу, показать, как по мере становления нового, послереволюционного социалистического общества, русские поэты обращались к природе, — творцы, создатели, вершители смелейших предначертаний. Любопытно, что, наряду с мотивом «человек — победитель природы», все сильней звучит мотив «человек — защитник природы». Все смелей раздаются голоса в защиту «зеленого друга», ибо проявление хищнического отношения к природе, забвение последствий, которое несет это хищничество, все еще имеет место и не может не беспокоить общество, а значит, и поэтов. Красота и доброта для истинных любителей и певцов природы находятся не на разных полюсах.

Это сможет почувствовать и читатель лежащей перед ним книги, книги, построенной хронологически. Этот хронологический принцип дает возможность воспринимать природу не безотносительно ко времени, а вписывать ее в историю.

Послереволюционная русская поэзия (а вместе с ней и поэзия народов СССР) на убедительных художественных образцах показала, как тонко и сильно перо поэта живописует природу, как увлеченно и проникновенно воспевают ее красоты. Но не только этим славна наша послереволюционная поэзия. Она доказала, что природа — это вовсе не способ отвлечения от общественно-значимых и граждански-важных тем. Природа подключена к общей системе идейно-художественного постижения мира. Она — огромное подспорье в этом постижении. Леонид Мартынов писал, как постепенно «намечалась меж мной и стихией разумная связь», то есть связь человека и природы. Эта «разумная связь» потому-то и образовалась, что ее подготовили великие социальные преобразования нашего Отечества, весь ход истории после Октября. Эта «разумная связь», это невиданное доселе чувство природы тот же Мартынов назвал «первородством». «Мы те, которых не бывало

прежде», и эта повизна восприятия мира, внушенная новым временем, новым социальным стрессом, во многом определила и наше восприятие природы.

В 20-е годы некоторыми поэтами природа воспринималась чужеродно функционально, она без дальних слов подключалась к индустрии, к горнозаводскому пейзажу, к нефтяным вышкам и фабричным трубам. У Г. Санникова кукушка кукует не на дереве, а в кузнице («Кукует в кузнице кукушка, выстукывая по станку такую бойкую частушку: «ку-ку, ку-ку»). Книга Н. Асеева 1922 года называлась «Стальной соловей»; здесь звонкоголосому певцу захотелось быть заодно «с гудящими всласть заводами». У Н. Ушакова подсолнух дружит с домнами, и о стали поэт говорит как о цветке: «тычинки вороненой стали». В. Казин сближает рубанок с лебедем. Вполне понятно это стремление увести поэзию «из барских садоводств», по выражению В. Маяковского, поближе к тем участкам жизни, где творилась невиданная дотоле новь.

Но с годами понимание природы углублялось, а вместе с этим расширялась сфера ее художественного постижения. Необязательно то или иное явление, происходящее в обществе, подыскивало себе аналогии в мире природы. В ней самой художник находил достаточно серьезный материал для своих раздумий. А главное — природа родной стороны естественно входила в величественный образ Отечества. В одном случае этот образ включал в себя березу перед окном родительского дома, в другом — горный склон, в третьем — океанский вал... «За тысячу верст от родимого дома вдруг ветер повеет знакомо-знакомо», — писал А. Твардовский не вообще о ветре, а о ветре родных ему смоленских мест, деревни Загорье, станции Починок. Для И. Уткина ветер из одноименного стихотворения — это, безусловно, близкий его сердцу сибирский ветер («не могу, понимаете, спать, если рядом страдает природа»). А. Яшин, обивающий снег с веток, думает о своей любимой вологодской земле («сколько я сосенок, елочек за день освобождаю!»). Безбрежье казахских степей встает за строками П. Васильева. Так близкая поэту природа становится своего рода пейзажным фоном для его портрета: А. Лебедева мы видим на сизо-синем фоне Балтики, Е. Стюарт — под сибирскими небесами, а С. Гудзенко — на зелени киевской Владимирской горки и сини Днепра.

Но человек не по-рабы привязан к земле-кормилице. Он властелин, множащий ее богатства, украшающий землю. Это действительное чувство лежит в основе многих стихотворений наших поэтов о природе. «Я землю эту люблю!» — говорил В. Маяковский в поэме «Хорошо!». Для него «земля» это не столько-то соток, столько-то квадратных метров или километров. Для него земля — это «Земля Советов»:

Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
по земле,
с которой
вдвоим голодал,

нельзя
никогда
забыть!

Так чувство природы сливается с чувством гражданина своего Отечества.

Жизнь идет, и новые певцы слагают новые песни... А потребность в них не исчезает.

Уж на что неподходящее место для созерцания природы — война, огонь, окопы. Погода здесь куда важнее, чем красоты пейзажа. Но — нет: оказывается, и здесь нужна поэзия природы. Здесь, может быть, всего острее чувствуется ее нехватка. Солдату нужна не только геронка, но и лирика. Композитор Соловьев-Седой рассказывает, как после участия в боях за венгерский город Секешфехервар приехал в Москву поэт Алексей Фатьянов. Он привез новые стихи и прочитал их другу-композитору. Еще длились бои, но победа была уже не за горами. «...В один присест я написал песню».

Это были «Соловьи»: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят»... «Соловьи» очаровали фронтовиков, и песня с невероятной быстротой распространилась повсюду. Соловьи запели на огневых позициях. Природа взяла свое.

Уходившим на фронт солдатам дарили цветы. У сибиряков сарана — красивые лилии — исстари почиталась символом геронки, и потому этими цветами награждались земляки, уходившие на фронт. Об этом пишет в своих стихах известный поэт-дальневосточник П. Комаров:

Я видал не однажды и сам,
Как бойцам, что идут на войну,
Выносили ко всем поездом
Полевые цветы — сарану.
Дорогие охажки в руках
Вся Сибирь поднимала в те дни,
И недаром в сибирских полках —
Храбрецы и герои одни.

Так лирика и геронка слились, так некогда казавшиеся далекими от забот и нужд дня стихи о природе обрели вонистину гражданское звучание.

В этой книге внимательный читатель найдет несколько книг. Одна из них вобрала стихи, изображающие времена года, стихи, в которых наблюдательность фенологов помогает воодушевлению поэтов. Другая — о таких драматических явлениях природы, как гроза, ее приближение, начало, ее неистовство и окончание. Третья — о птицах и зверях. Четвертая — о ручьях, реках, водопаядах, ключах. Пятая — об охотничьих просторах. Шестая — о жизни и смерти в природе. Седьмая — о дне и ночи. Восьмая... Да мыслимо ли перечислить все тематическое, образное, интонационное богатство русской поэзии, обращенной к природе! Надо читать стихи, надо вдумываться в них. Для того и издается эта книга.

Воля читателя — он может сопоставлять стихи разных поэтов, в том числе и тематически. Скажем, соловьи Бунина могут пере-

кликаться с соловьями Дудина и Фатьянова, а березовая роща Есенина — с березняками Рыленкова и Прокофьева.

В этой книге разные эпохи и разные поэты. Надо знать, что у разных поэтов мы находим разные весны и разные горы — даже если поэты изображают одно и то же место, одно и то же время года. Мы читаем не только строки о природе, мы видим самого поэта, его личность, его страсть.

В творческой жизни одних природа сыграла главенствующую роль, в жизни других она занимала менее видное место. Это зависело от склада характера, от характера дарования художника. Но подчас одно сильное стихотворение о природе стоит много больше десятков и сотен ординарных пейзажей.

Благоговение перед природой всегда было свойственно русской поэзии. А ведь нередко мы встречаем прямо противоположное, потребительское отношение к природе: поехать бы за город, разжечь костер в лесу, приготовить шашлык. Природа, мол, это место отдыха, дача, санаторий. Отсюда эти раскрашенные картинки с заготовленными словесными контурами, именуемые пейзажами. Отсюда это любование досужих туристов, оставляющих на коре деревьев, на скалах, на памятниках архитектуры свои «бессмертные» имена и даты. Лирик при виде таких «картинок» становится сатириком.

Русская поэзия любит природу, любит ее, славит ее красоту, но вместе с тем защищает ее от набегов хищников. Любуясь природой, но без топора, огнестрельного оружия, спичек. «Зеленый друг» нуждается в нашей защите. Поэзия ратует за нее и сама — первая! — показывает пример.

В нашей стране теперь обычны месячники леса, недели сада, дни птиц. Пластика «Мелодии» с записью голосов певчих птиц стала редкостью. Но еще слаще, чем на пластинке, звучат живые голоса птиц, запечатленные в русской поэзии вместе с шорохами леса, шелестами сада, шепотом ручьев, гулом морского прибоя...

Понадобилось бы многотомное издание, чтобы представить себе масштабы отклика русской поэзии на столь обширную и во веки неисчерпаемую тему, как тема природы. Но и в рамках одной этой книги собрано немало прекрасных созданий русской поэзии о природе. Они естественно слагаются в поэтическую летопись, в некую стихотворную галерею, питающую нашу жажду увидеть, услышать, почувствовать, познать великую мать-природу.

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, Мать-Земля, —

говорил Тютчев. Вечный источник жизни и творчества бьет из-под строк русских поэтов, обратившихся к природе. Она для русского поэта не только предмет изображения, но и источник творческой радости, восстановитель утраченных сил, надежда на еще больший расцвет.

Постигая связи в природе, поэт постигает и связи в обществе людей. Вот почему так часты параллели между явлениями природы и духовной жизнью человека. Моря и горы, сады и леса, цветы и камни, грозы и знойные полдни, восходы и закаты, — все это не только прямо и косвенно изображается в слове, но и

соотносится с жизнью души человеческой, с ее радостями, печалью, скорбями, надеждами, отчаянием, мечтой.

Эта вступительная статья вводит читателя в книгу и вместе с тем как бы предваряет разговор, который может возникнуть после ее прочтения. Положения этого разговора, отдельные темы и мотивы лишь намечены, они не развернуты, а только начаты. И начаты с единственной целью — пригласить внимательного читателя к пристальному взглядыванию в сокровищницу русской поэзии.

«Очей очарованье» — пушкинская полустрока, так пленительно звучащая для нашего слуха, вынесена в название этой книги. Обращенная к осени, она имеет в данном случае более широкий смысл, обобщенное звучание.

В стихах, написанных в разные эпохи, созданных разными авторами, запечатлена «природа русской чистая душа», — как говорил Владимир Луговской. Ощущение чистоты (читай — красоты, поэтичности, душевности, откровенности) — это ощущение, которое вынесет, должен вынести читатель после ознакомления с этой книгой. Чтение ее не может быть сравнимо с чтением романа или повести, как бы ни были они серьезны и увлекательны. Эту книгу можно и должно читать, то и дело возвращаясь к ней. Количество таких возвращений трудно предугадать. Сколько читателей — столько и ответов. К иным стихам этой книги иной читатель не захочет вернуться, мимо других, может быть, пройдет равнодушно, но вместе с тем отметит для себя насущно необходимые ему строки, с которыми захочет подружиться всерьез и надолго.

Лев ОЗЕРОВ

От составителей

Составители сразу должны признаться, что задача, которую они поставили перед собой, — дать массовому читателю сборник стихов русских поэтов о природе, — оказалась весьма нелегкой. Русская поэзия — и дореволюционная, и советская, — разрабатывая эту тему, накопила такие богатства, что представить их достаточно полно в одной книге невозможно. Поэтому нужно оговориться, что здесь представлены не все поэты, так или иначе писавшие о природе, а у тех, кто вошел в сборник, взято далеко не все достойное опубликования. Сделана попытка выбрать лучшее из классического наследия, а также познакомить читателя с творчеством современных поэтов, наиболее активно разрабатывающих тему природы.

Особое внимание в книге уделено пейзажу нашей обширной Родины — «от финских хладных скал до пламенной Колхиды», от Полесья до берегов Тихого океана.

В основу построения сборника положен хронологический принцип: поэты следуют друг за другом по датам рождения, а их стихи расположены по времени написания. Как правило, публикуются законченные стихи, но в отдельных случаях (это относится, главным образом, к обширным стихотворениям и к поэтам) составители сочли возможным дать отрывки, имеющие внутреннюю цельность и законченность, — в основном хорошо знакомые читателю по различным антологиям; эти случаи оговорены в заглавиях.

Иллюстрации

М. АКСЕЛЬРОДА

М. ВРУБЕЛЯ

М. ДОБУЖИНСКОГО

В. КОНАШЕВИЧА

Ф. КОНСТАНТИНОВА

В. МЕДВЕДЕВА

Д. МИТРОХИНА

Г. НАРБУТА

А. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ

Н. ПИСКАРЕВА

А. САПОЖНИКОВА

А. УСACHEВА

А. УШИНА

В. ФАВОРСКОГО

В. ФАЛИЛЕЕВА

М. ФРАММА

Ф. ШТЕРНБЕРГА

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧИИ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Отрывок

Лицо свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на гору черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!

Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се холодный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зным рождal пожар?

Там спорят жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомненный полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

* * *

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль большим пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, все твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому

ГАВРИЛА ДЕРЖАВИН ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Отрывок

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугуинных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давиул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Сиопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада топлятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.

.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От холодного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодные волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

ВОДОПАД

Отрывок

Алмазна сыплется гора
С высот четырех скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как спом
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

ЛАСТОЧКА

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красnobела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком, сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь.
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, песешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молнии, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот па ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;

И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, —
Но только лишь придет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сны расправля косицы,
Ты новое солнце поешь...

Душа моя! гостя ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленнира?

СОЛОВЕЙ

Отрывок

На холме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской ночи,
Вдали я слышу соловья.
По ветрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадиный слух,

На крыльях эха раздробленная
Пленяет песнь твоя всех дух.
Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напев твой яркий, голосистый
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
Не смеет двинуться луна
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живность, ясность
В созвучном пении твоём,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу, —
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар, и сила,
И чувства были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Отрывок

Блажен! — кто, удалясь от дел,
Подобно смертным первородным,
Орет отечески удел
Не откупным трудом — свободным,
На собственных своих волах;

Кого ужасный глас, от сна
На брань, трубы не возбуждает,
Морская не страшит воля,
В суд ябеда не призывает,
И господам не бьет челом.

Но садит он в саду своем
Кусты и овощи цветущи;
Иль диких древ, кривым ножом,
Обрезав пни, и плод дающи
Черенья прививает к ним;

Иль зрит вдали ходящий скот,
Рычащий в вьющихся долинах;
Иль перечищенную льет
И прячет патоку в кувшинах,
Или стрижет своих овец.

Но осень как главу в полях,
Гордась, с плодами возвышает —
Как рад! что рвет их на ветвях,
Привитых им, — и посвящает
Дар богу, пурпура краснѣй.

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу, и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед погами,
Не зрится ль на песке где человеческий след.

Увы! я помощи себе между людьми
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чет.

И мнится мне, крнчат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувства жегомы
И от дрожайших глаз что взор скрывает мой.

Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальних,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в роще умолкло —
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Страшик печальный, утешься!
Вянет природа
Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

ИВАН КОЗЛОВ

ЗАРЯ ПОГАСЛА

Заря погасла; ветерки
В поляне дуют меж кустами,
Срывают ландыш, васильки —
И вместе с алыми цветами,
Подобно пестрым мотылькам,
Кружа, разносят по лугам.
Так изумруды, аметисты,
Жемчуг и яхонты огнисты
Небрежно резвою рукой
С лилейных пальцев, в час ночной
Ложась спать, полунагие,
Роняют девы молодые.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Отрывок

Блажен, кто мирно обитает
В заветном прадедов селе
И от проезжих только знает
О белокаменной Москве.

Не вдаль стремится он мечтою,
Не к морю мысль его летит, —

Доволен речкой небольшою:
Она светла, она шумит.

Не изменясь в тихой доле,
Благословляя небеса,
Он все на то же смотрит поле,
На те же нивы и леса.

Он сердцем чист, он прав душою;
Без дум высоких он умел
Одной вседневной добротою
Украсить бедный свой удел.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

ПРИХОД ВЕСНЫ

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод, —
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

* * *

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но все с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребренный росой,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от нв в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,

И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Все там!..

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Отрывок

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашен за лучом
И, алым тонким облачком
Задержав лик усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долг путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей; тем свету дай
И всех притом благословляй.

Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напои
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.

Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей;
А тех на гнездышке согрей.

И вишням дай румяный цвет;
Не позабудь горячий свет

Рассыпать на зеленый сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

ЖАВОРОНОК

Отрывок

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазурь жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны...

ПТИЧКА

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поет;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певница?
В дальнем краю
Гнездышко вьешь ты;
Там и поешь ты
Песню свою.

НЕВЫРАЗИМОЕ

Отрывок

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разнovidное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?

Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенно...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья —
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим название дать —
И обессилению безмолвствует искусство?

МОРЕ

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земных неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полною жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горнишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя, —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны поднимаешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу..
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,

Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

НИКОЛАЙ ГНЕДИЧ

ОСЕНЬ

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,
Журчанье ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылись певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дисей?
И все уныло вокруг — леса, долины, горы!

Шумит порывистый ветер между деревьев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завоевует, —
Так все проходит здесь, явление на миг;
Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
И старость, и зима, гроза самой природы;
Оне, нещадные и быстрые, умчат,
Как у весны цветы, у нас молодые годы!

Но что ж? Крутитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коих низкие надежды и желанья
Лишь пресмыкаются над брешною землей,
И дух ваш заключен в гробах без упоенья.

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
С святой надеждою взор ясный простирает,
С презрением тот на жизнь, на мрачный мир взирает
И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вечный свой закат?
Нет! Новым пурпуром восток воспламенится,
И новою весной дубравы зашумят.

А я остануся, в ничтожность погруженный.
Как всемогущий перст цветок животворит!
Как червь, сей житель дня, от смерти пробужденный,
На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
Но некогда весна несменная сойдет!
Жив бог, жива душа! и царь земной природы,
Воскреснет человек; у бога мертвых нет!

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

ФЕДОР ГЛИНКА

ЖАТВА

Густая рожь стоит стеной!
Леса вокруг нивы, как карпицы,
И все окинул ветер сизый
Полупрозрачной пеленой...
Порою слышны отголосы
Младых косцов и сельских жниц;
Волнами зыблются колосья
Под пылкой ясностью зарниц;
И жатва, дочь золотого лета,
Небесным кормится огнем,
И жадно пьет разливы света,
И зреет, утопая в нем...
Так горный пламень вдохновенья
Горит над нивою души,
И спеет жатва дум в тиши,
И созревают песнопенья...

РОДИНА

Есть на земле безвестный уголок,
Уединенный, неприметный:
Знакомый луг, знакомый лес, поток,
И в них дух добрый и приветный.

Он издавна живет в том уголке,
Летает птичкой по дубравам,
Шумит в бору, купается в реке
И улыбается забавам.
Сберется ль в луг красавиц хоровод,
Он между ними невидимкой,
И под вечер он в сумраке поет
Любовь с пастушеской воликой.
Я не видал его в стране родной,
Но с ним почувствовал разлуку,
Когда, в очах с прощальной слезой,
Я посох странника взял в руку.
Он вокруг меня в унынии шептал:
«Куда? не я ль тебя взлелеял?»
Он за рубеж меня отчины провожал
И грустью на меня повеял.
Казалось мне, покинут детства друг,
Который вместе рос со мною.
Недаром же с тобой разлуку, добрый дух,
Зовут по родине тоскою!

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

(в 1817 году)

Отрывок

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стонал над онемевшим садом
Ветр скучной осени и влажные пары
Стояли над челом угрюмых горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье темное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.

Сегодня новый вид окрестность приняла,
Как быстрым маньем чудесного жезла;
Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдыстыми покорный пруд окован.
И синим зеркалом сравнился в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожидаемый возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой, —
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.
Покинсм, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой паряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле.
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлива, кто испытал прогулки зимней сладости!
Кто в тесноте саией с красавицей молодой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленьи,
И в сердце девственном впервой любви смятенья,

И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед приняв залог.
Кто может выразить счастливых упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылью окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!

ЕЩЕ ТРОЙКА

Отрывок

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякиет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть...

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ САД ЗИМОЮ

Отрывок

С улыбкою оледенелой
Сошла с небес суровых дочь,
И над землей сребристо-белой
Белеет северная ночь.

Давно ль здесь пестротою чудной
Сапфир, рубин и бирюза
Сливались с тенью изумрудной,
Чаруя жадные глаза?

Зимы покров однообразный
Везде сменил наряд цветной,
Окован сад броней алмазной
Рукой волшебницы седой.

В дому семьи осиротелой
Куда внезапно смерть вошла,
Задержаны завесой белой
С златою рамой зеркала.

Так снежной скатертью печальной
Покрыты и объаты сном
И озеро с волной зеркальной,
И луг с цветным своим ковром.

Природа в узах власти гневной,
С смертельной белизной в лице,
Спит заколдованной царевной
В своем серебряном дворце.

* * *

Мне нужны воздух вольный и широкий,
Здесь рощи тень, там небосклон далекий,
Раскинувший лазурную парчу,
Луга и жатва, холм, овраг глубокий
С тропинкою к студеному ключу,
И тишина, и сладость неги праздной,
И день за днем, всегда однообразный:
Я жить устал, — я прозябать хочу.

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Луг шелковый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя,
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. — во я один!..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

НИКОЛАЙ ЦЫГАНОВ

* * *

Отрывок

По полю, полю чистому,
По бархатным лужкам
Течет, струится реченька
К безвестным бережкам.

Взойдет гроза, пройдет гроза —
Всегда светла она!
От бури лишь поморщится,
Не зная, что волна...

Не рощи, не дубравушки
По берегу растут —
Кусты цветов лазоревых,
Любуясь в ней, цветут!

А речка извивается,
По травушке скользит —
То в ямке потеряется,
То снова заблестит!

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

ВЕСНА

Из поэмы «Наливайко»

Блестит весна: ее дыханьем,
Как бы волшебным врачеваньем,
Край утесненный оживлен;
Все отрясает зимний сон;
Пестреет степь, цветет долина,
Оделся лес, стада бегут,
Тяжелый плуг поселянина
Волы послушные влекут;
Кружится жаворонок звонкий,
Лазурней тихий небосклон,
И воздух чистый, воздух тонкий
Благоуханьем напоен.

ВИЛЬГЕЛЬМ КЮХЕЛЬБЕКЕР

РОДСТВО СО СТИХИЯМИ

Есть что-то знакомое, близкое мне
В пучине воздушной, в небесном огис;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умирают и день, и лазурь,
Когда завывает и ломится лес, —
Я так бы и ринулся в волны небес.

Донельзя постыли мне тина и прах;
Мне там в золотых погулять бы порах;
Туда призывают и ветер, и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить,
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы летать под безмолвной луной!

Все дале и дале и путь бы простер
Я в бездну, туда, за сапфирный шатер!
О! как бы нырял в океане светил!
О! как бы себя по вселенной разлил!

АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ

ОСЕНЬ

Отрывок

Пал туман на море синее,
Листопада первенец,
И горит в алмазах инея
Гор безлиственный венец.

Тяжко ходят волны хладные,
Буйно ветер шумит крылом,
Только выются чайки жадные
На поморни пустом.

Только блещет за туманами,
Как созвездие морей,
Над сыпучими полянами
Стая поздних лебедей.

ФЕДОР ТУМАНСКИЙ

ПТИЧКА

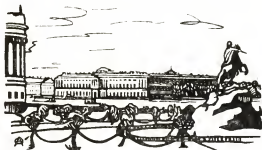
Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певичу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетаю,
Как бы молилась за меня

АНТОН ДЕЛЬВИГ

ДОМИК

За далью туманной,
За днкой горой
Стоит над рекой
Мой домик простой;
Для знати жеманной
Он замкнут ключом,
Но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью.
Они берегут
Мой скромный приют,
Дана им свобода —
В кустах огорода,
На злаке лугов
И древних дубов
В тени молчаливой,
Где, струйкой игривой
Сверкая, бежит,
Бежит и журчит
Ручей пограничный, —
С заботой привычной
Порхать и летать
И песнею сладкой
В мой домик украдкой
Друзей привлекать.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

* * *

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

ДОМОВОМУ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!

Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги:
Да в пору благотворны снега
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени.
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охраняй!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

* * *

Редееет облаков летучая гряда:
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины,
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижинки сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

Скользит отважно средь зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Одни предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразили.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как буря шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:

Где капля блага, там на страже
Иль просвещение иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою поли,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор воли.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты выиграл,
Ты прошумел красотой и славой —
И бури тучи разогнал,
И дуб извергнул величавый.

Пусть же солища ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,

То по кровле обветшалою
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываьем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Отрывок

Скворь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печальный свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,

Колокольчик однозвучный .
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег.... Навстречу мне
Только версты полосаты
ПопадаютсЯ одне...

* * *

Еще дуют холодные ветры
И несут утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки;
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка,
Показались ранние цветочки;
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостя дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста...

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;

Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

* * *

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бежит дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно...

* * *

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синяя, блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

* * *

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора:
Стоял ноябрь уж у двора.

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчиhoю голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке, распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней...

Как грустно мне твое явление,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое томное волнение
 В моей душе, в моей крови!
 С каким тяжелым умилением
 Я наслаждаюсь дуновением
 В лицо мне веющей весны
 На лоне сельской тишины!
 Или мне чуждо наслаждение,
 И все, что радует, живит,
 Все, что ликует и блестит,
 Наводит скуку и томленье
 На душу мертвую давно,
 И все ей кажется темно?

Или, не радуясь возврату
 Погибших осенью листов,
 Мы помним горькую утрату,
 Внимая и новый шум лесов;
 Или с природой оживленной
 Сближаем думою смущенной
 Мы увяданье наших лет,
 Которым возрождения нет?
 Быть может, в мысли нам приходит
 Среди поэтического сна
 Иная, старая весна
 И в трепет сердце нам приводит
 Мечтой о дальней стороне,
 О чудной ночи, о луне...

В ту пору мне казались нужны
 Пустыни, воли края жемчужины,
 И моря шум, и груды скал,
 И гордой девы идеал,
 И безыменные страдания...
 Другие дни, другие сны;
 Смирись вы, моей весны
 Высокопарные мечтанья,
 И в поэтический бокал
 Воды я много подмешал.

Иные пужны мне картины;
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...

* * *

Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана...
Вот ссвер, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравнила пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы...

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отсюда я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

БЕСЫ

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий.
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Всё дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

3*

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле,
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят,
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин..
Визжу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца ндре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре..
Сколько их? куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий,
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

ОСЕНЬ

Отрывок

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум
Г. ДЕРЖАВИН

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча, еще бежит за мельницу ручей.
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи.

И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смирению.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зова.
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье.
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолни открытом,
 Махая гривой, он всадника несет,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промерзлый дол, и трескается лед.
 Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лжет,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
 Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?..

.

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тень,
 Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с усвоенных гонит небес.

* * *

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж них златых и пажитей зеленых
Оно, синее, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривлялась мельница, насылу крылья
Ворочая при ветре...

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, неизвестное! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой впуск
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселый и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодой ревучей
Твой рев мятежный согласен.

Зачем с безумным ожидаьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

БУРЯ

Завыла буря; хлябь морская
Клоочет и ревет, и черные валы
Идут, до неба восставая,
Быют, гневно пенятся, в прибрежные скалы.

Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмутив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геены властелин,
Что по вселенной разлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля трепещет перед ним:
Он небо заслонил огромными крылами
И двигает ревущими водами,
Бунтующим могуществом своим.

Когда придет желанное мгновенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?
Но знай: красой далеких стран
Не очаровано мое воображенье.
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести.
Меж тем от прихоти судьбины,
Может быть от медленной отравы бытия,
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их,
Она отраднее гордыне человека!
Как жаждал радостей молодых
Я на заре молодого века,
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!

Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
 Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.

* * *

Где сладкий шепот
Монх лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немест.
Все цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воеет
И небо кроет
Седую мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёта?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновение
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумит, и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с пичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце, и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенные мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!

ОСЕНЬ

Отрывок

1.

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем холодным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла вьется вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины,
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2.

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.

Пробудится несчастливый Эол;
Пред ним помчится прах легучий,
Качаяся, завоюет роща, дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3.

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал.
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему, выбежав из лесу, волк,
Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним, —
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувства презрев, он доверил уму,
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

АЛЕКСАНДР ПОЛЕЖАЕВ

БЕЛАЯ НОЧЬ

Отрывок

Чудесный вид, волшебная краса!
Белы, как день, земля и небеса!
Вдали, кругом, холодная, немая —
Везде она, равнина снеговая;
Везде один безбрежный океан,
Окованный зимою великан!
Все ночь и блеск! Ни облака, ни тучи
Не пронесет по небу вихрь летучий,
Не потемнит воздушного стекла...
Природа спит, уныла и светла...
Чудесный вид, волшебная краса!
Белы, как день, земля и небеса!

Великий град на берегах Неглинной,
Святая Русь под мантией старинной.
Москва — приют радушной доброты —
Тревогой дня утомлена и ты!
Покой и мир на улицах столицы;
Еще кой-где мелькают колесницы,
Во весь опор без жалости гоня,
Извозчик бьет кой-где еще коня,
На пустырях и крик, и разговоры,
И между тем бессонные дозоры...
Чудесный вид, волшебная краса!
Белы, как день, земля и небеса!

НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

РОДИНА

Отрывок

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостиные воды —
Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов!

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,

Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вест,
Едва колыхнутся леса;
Как блески золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося берега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак зовет и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.
Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна сияя пучина,
В дубравах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сеть из воды,
Рыбак живет веселым словом
Своих товарищей труды;
Или, путем дугообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленье пропадет.

К П. А. ОСИПОВОЙ

И ныне с грустью безутешной
Мои желанья летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.

И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне.
И там, у берега, тень нивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Осенок сердца и души;
И все божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглась тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света, и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет, грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад,
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

ТРИГОРСКОЕ

Отрывок

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От селей леса над водами
Волнообразными рядами
Длиньше трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют холмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листьях темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз тяжелый и скрипучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост плавучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие, облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон, грозно тихие, — слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвне лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение nocturne;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,

Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянется.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуется,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец по тучам бурным
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным;
Все видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и берега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черисей,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрее
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

ФЕДОР ТЮТЧЕВ

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солища раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих пог ее
Коснулись ключевые воды.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трспещст
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солище нежась, блещет,
И смеется над тобой...

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

* * *

О чем ты воешь, встр почной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится.

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою вешних, чуждых сил?..

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все гонит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон:

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень синий и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полсь,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобя на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

* * *

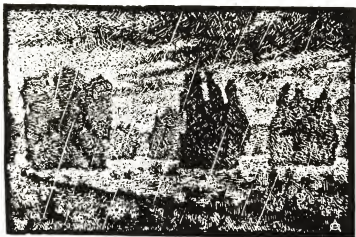
Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестя в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

* * *

Овеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьям изнуренным,
Молиневидный брызнет луч!

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набегит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримую пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не видно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

* * *

Осенней позднью порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят,
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

* * *

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

АЛЕКСЕЙ ХОМЯКОВ

ЖЕЛАНИЕ

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездой в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.

Хотел бы зыбню стеклянной
Играть в бездонной глубине
Или лучом зари румяной
Скользнуть по плещущей волне.

Хотел бы с тучами скитаться,
Туманом виться вокруг холмов
Иль буйным ветром разыграться
В седых изгибах облаков;

Жить ласточкой под небесами,
К цветам ласкаться мотыльком
Или над дикими скалами
Поспеть дерзостным орлом.

Как сладко было бы в природе
То жизнь и радость разливать,
То в грозах, вихрях, непогоде
Пространства неба обтекать!

СТЕПАН ШЕВЫРЕВ

СТАНСЫ

Когда безмолвствуешь, природа,
И дремлет шумный твой язык:
Тогда душе моей свобода,
Я слышу в ней призывный клик.

Живее сердца наслажденья,
И мысль возвышенна, светла:
Как будто в мир преображенья
Душа из тела перешла.

Ее обнял восторг спокойной,
И песни вольные живей
Текут рекою звучной, стройной,
В святом безмолвии ночей.

Когда же мрачного покрова
Ты сбросишь девственности тень,
И загремит живое слово,
И яркий загорится день:

Тогда заботы докучают,
И гонит труд души покой,
И песни сердца умолкают,
Когда я слышу голос твой.

ВЛАДИМИР БЕНЕДИКТОВ

ОЗЕРО

Я помню приволье широких дубрав;
Я помню край дикий. Там, в годы забав,
 Ребяческой резвости полный,
Я видел: синела, шумела вода;
Далеко, далеко, не знаю куда,
 Катились все волны да волны.

Я отроком часто у берега стоял,
Без мысли, но с чувством на влагу взирал,
 И всплески мне ноги лобзали,
В дали бесконечной виднелись леса;
Туда мне хотелось: у них небеса
 На самых вершинах лежали.

Забуду ль ваш вольный, стремительный бег,
О, полные силы и полные нег
 Разгульные, шумные воды?
Забуду ль тот берег, где дик и суров,
Закинувши тоню, певец-рыболов
 Затягивал песню свободы?

Нет, — врезалось, озеро, в память ты мне.
В твоей благодатной, святой тишине,

В твоём бушеванье угрюмом
Душа научилась кипеть и любить
И ныне хотела бы ропот свой слить
С твоим упонительным шумом!

ВЕЧЕРНИЕ ОБЛАКА

Уж сумрак растянул прозрачную завесу;
Последние лучи мелькают из-за лесу,
Где солнце спряталось. Волшебный час любви!
Заря затеплилась — и вот ее струи,
Объемля горизонт, проходят чрез березки,
Как лент изрезанных багряные полосы.
Там, щедрым отблеском зарн освещены,
Густые облака, сбегая с вышины,
Нависли пышными, янтарными клубами,
А дальше бросились капризными дугами,
Узлами, прядями, чертами вкривь и вкось,
И это вьется все, запуталось, сплелось
Так фантастически, так чудно, идеально,
Что если было бы художнику дано
Все это перенести к себе на полотно, —
Сказали б: хорошо, но как ненатурально!

НЕСТОР КУКОЛЬНИК

ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Ненсходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкой?

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет,
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Отрывок

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне;
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

、

КОСАРЬ

Отрывок

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее, —

И прощай-прощай
Село родное!

.
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная,
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилагается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава
Подкошная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!..

ЦВЕТОК

Природы милое творенье,
Цветок, долины украшение,
На миг взлелеянный весной,
Безвестен ты в степи глухой!

Скажи: зачем же так алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь,
И дышишь чем-то, как живым,
Благоуханным и святым?

Ты для кого в степи широкой,
Ты для кого от сел далеко?
Не для крылатых ли друзей,
Поющих в воздухе степей?

Для них ли, в роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цветами
И обаяньем для души
Вы, травы, зреете в тиши?

О, пой, косарь! зови певцу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косою,
Не тронул ты травы степной!

ЛЕС

Отрывок

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-сплач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою

Ты стоишь — поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник
И не ратуешь.

УТЕШЕНИЕ

Внимай, мой друг, как здесь прелестно
Журчит серебряный ручей,
Как свищет соловей чудесно.
А ты — один, в тоске своей.
Смотри: какой красой в пустыне
Цветы пестреются, цветут,
Льют ароматы по долине
И влагу рос прохладных пьют.
Вдали там тихо и приятно
Раскинулась березы тень,
И светит небосклон отрадно,
И тихо всходит божий день.
Там вешний резвый ветерок
Играет, плещется с водами,
Приветно шепчется с листьями
И дарит ласками цветок.
Смотри: на разноцветном поле
Гостит у жизни рой детей
В беспечной радости на воле;
Лишь ты, мой друг, с тоской своей...
Развеселись!.. Проснись душою
С проснувшейся для нас весною;
Хоть юность счастьем посвятим!
Ах! Долго ль в жизни мы гостим!..

НИКОЛАЙ ГРЕКОВ

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ

Отрывок

Мелькает желтый лист на зелени дерев;
Работу кончил серп на нивах золотистых;
И покраснел уже вдали ковер лугов,
И зрелые плоды висят в садах тенистых.

Приметы осени во всем встречает взор:
Там тянется, блестя на солнце, паутина,
Там скирд виднеется, а там через забор
Кистями красными повиснула рябина;

Там жнива колкая щетинится, а там
Уж озимь яркая блеснула изумрудом,
И курится овин, и долго по утрам,
Как белый холст, лежит туман над синим прудом.

И целый день скрипят воза, и далеко
Ток отзывается под дружными цепами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаемая порой под небесами...

НИКОЛАЙ ОГАРЕВ

ДОРОГА

Тускло месяц дальний
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок,
Запевает тихо
Мой ящик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

Туман над тусклою рекой,
Туман над дальними полями,
В тумане лес береговой
Качает голыми ветвями.
А было время — этот лес
Шумел зелеными ветвями,
И солнце с голубых небес
Блестело ярко над волнами;
И бесконечна и ясна
Долина тихая лежала...
О! помню я — в те времена
Душа для жизни расцветала.

ОСЕНЬЮ

Как были хороши порой весенней неги —
И свежесть мягкая зазеленевших трав,
И листьев молодых душистые побеги
По ветвям трепетным проснувшихся дубрав,
И дня роскошное и теплое сиянье,
И ярких красок нежное слиянье!

Но сердцу ближе вы, осенние отливы,
Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свежает с шепотом пожелклые листы,
А солнце позднее с пустынной высоты,
Унынья светлого исполнено, взирает...
Так память мирная безмолвно озаряет
И счастье прошлое, и прошлые мечты.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом. —
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны; ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит! —
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой;
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером или утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется в душе моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанник,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам, —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным произая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

* * *

Из Гейне

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал, — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

* * *

1.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3.

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя,
Я б хотел забыться и заснуть...

4.

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5.

Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел;
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

ПЕТР ЕРШОВ

ВЫЕЗД

Отрывок

Прочь убийственные цепи!
Я свободен быть хочу...
Тройку, тройку мне — и в степи
Я стрелою полечу!
Распахну в широком поле
Грудь стесненную мою
И, как птичка, я на воле
Песню громкую спою.
Звучно голос разольется
По волнам цветных лугов,
Мне природа отзовется
Эхом трепетных лесов.
Я паду на грудь природы,
Слез струями оболью
И священный день свободы
От души благословлю!

АЛЕКСЕЙ К. ТОЛСТОЙ

* * *

Отрывок

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой, —
А куда? не знаю!..

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатились слезы;
- Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечишься к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

* * *

Звонче жаворопка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звенит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

* * *

Отрывок

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад.
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

* * *

Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой солнечной перенимая свет,
То мелким золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж больше не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;

Кружась медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольно я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
— Всему настал покой, прими ж его и ты,
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна пль скудна?

ИВАН ТУРГЕНЕВ

ОСЕНЬ

Как грустный взгляд, люблю я осень.
В туманный, тихий день хожу
Я часто в лес и там сижу.
На небо белое гляжу
Да на верхушки темных сосен.

Люблю, кусая кислый лист,
С улыбкой развалясь ленивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятлов токий свист.

Трава завяла вся... холодной,
Спокойный блеск разлит по ней...
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...

Чего не вспомню я? Какие
Меня мечты не посетят?
А сосны гнутся, как живые,
И так задумчиво шумят...

И, словно стадо птиц огромных,
Внезапно ветер иалетит
И в сучьях спутанных и темных
Нетерпеливо про шумит.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.
Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

(В ДОРОГЕ)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою страпной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

ДРУГАЯ НОЧЬ

Уж поздно... Конь усталый мой
Храпит и просится домой...
Холмы пологие кругом —
Степные виды! За холмом

Печально светится пожар —
Овни горит. На небе пар;
На небе месяц золотой
Блестит холодной красотой,
И под лучом его немым
Туман волнуется, как дым.
Большие тени там и сям
Лежат недвижно по полям,
И различает глаз едва
Лесов высоких острова.
Кой-где, по берегам реки,
В кустах мерцают огоньки;
Внезапный крик перепелов
Гремит один среди лугов,
И синяя, ночная мгла
Как будто нехотя тепла.

ДРОЗД

Стихотворение в прозе

Я лежал на постели, но мне не спалось. Забота грызла меня; тяжелые, утомительно однообразные думы медленно проходили в уме моем, подобно сплошной цепи туманных облаков, безостановочно ползущих в ненастный день по вершинам серых холмов.

Ах! я любил тогда безнадежной, горестной любовью, какою можно любить лишь под снегом и холодом годов, когда сердце, не затронутое жизнью, осталось... не молодым! нет... но ненужно и напрасно моложавым...

Белесоватым пятном стоял передо мною призрак окна; все предметы в комнате смутно выдвигались: они казались еще неподвижнее и тише в дымчатом полусвете раннего летнего утра. Я посмотрел на часы: было без четверти три часа. И за стенами дома чувствовалась та же неподвижность... И роса, целое море росы!

А в этой росе, в саду, над самым моим окном уже пел, свистал, тюрюлюкал — немолчно, громко, самоуверенно — черный дрозд. Переливчатые звуки проникали в мою затихшую комнату, наполняли ее всю, наполняли мой слух, мою голову, отягченную сухостью бессонницы, горечью болезненных дум.

Они дышали вечностью, эти звуки, всю свежестью, всем равнодушием, всю силою вечности. Голос самой природы слышался мне в них, тот красивый, бессознательный голос, который никогда не начинался и не кончился никогда.

Он пел, он воспевал самоуверенно, этот черный дрозд; он знал, что скоро, обычной чередой, блеснет неизменное солнце; в его песне не было ничего своего, личного; он был тот же самый черный дрозд, который тысячу лет тому назад приветствовал то же самое солнце и будет его приветствовать через другие тысячи лет, когда то, что останется от меня, быть может, будет вертеться незримиыми пылинками вокруг его живого звонкого тела, в воздушной струе, порванной его пением.

И я, бедный, смешной, влюбленный, личный человек, говорю тебе: спасибо, маленькая птица, спасибо твоей сильной и вольной песенке, так неожиданно зазвеневшей над моим окном в тот невеселый час.

Она не утешила меня, да я и не искал утешения... Но глаза мои омочились слезами, и шевельнулось в груди, поднялось на миг недвижимое, мертвое бремя. Ах! и то существо — не так же ли оно молодо и свежо, как твои ликующие звуки, предвсвещенный певец!

Да и стоит ли горевать и томиться, и думать о самом себе, когда уже кругом, со всех сторон разлиты те холодные волны, которые не сегодня-завтра увлекут меня в безбрежный океан?

Слезы лились... а мой милый черный дрозд продолжал, как ни в чем не бывало, свою безучастную, свою счастливую, свою вечную песню!

О, какие слезы на разгоревшихся щеках моих осветило взошедшее наконец солнце!

Но я улыбался по-прежнему!

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоиет коней.

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов. —
Мне мерещатся странные сны.

Мне все чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.

И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем
В ту страну, где царица сидит под замком,
Изымая за крепкой стеной.

Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой воды —
И не вернись и вернись очам.

А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погощает коней.

НОЧЬ

Отчего я люблю тебя, светлая ночь, —
Так люблю, что, страдая, люблюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь!
Ты не мне, ты другим посылаешь покой!..

Что мне звезды — луна — небосклон — облака —
Этот свет, что, скользя на холодный гранит,
Превращает в алмазы росники цветка
И, как путь золотой, через море бежит?

Ночь! — за что мне любить твой серебряный свет!
Усладит ли он горечь скрываемых слез,
Даст ли жадному сердцу желанный ответ,
Разрешит ли сомненья тяжелый вопрос!

Что мне сумрак холмов — трепет сонных листов —
Моря темного вечно шумящий прибой, —
Голоса насекомых во мраке садов —
Гармонический говор струн ключевой?

Ночь! — за что мне любить твой таинственный шум!
Освежит ли он знойную бездну души,
Заглушит ли он бурю мятежную дум —
Все, что жарче впотьмах и слышнее в тиши!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Так люблю, что, страдая, люблюсь тобой!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Оттого, может быть, что далек мой покой!

В ИМЕРЕТИИ

Риона шум и леса тень,
Плющ, виноград и цвет граната,
Прохладный ключ и знойный день,
И воздух, полный аромата;
Кругом лесистые холмы,
Хребты, покрытые снегами, —
Надолго ль встретились мы?
Надолго ль я останусь с вами?

Или, как мимолетный сон,
Мелькнули вы передо мною —
И мне уже определен
Безвестный путь... Или судьбою
Мне будет снова суждено
Сюда надолго возвратиться —
И тем, что временно дано,
Уже навеки насладиться?

И не того бы я хотел..
На лоне матери-природы
В труде разумном бы провел
Я увядающие годы,
И здесь иные семена,
Иные мысли б я посеял;
Тебя бы, дивная страна,
В уме и сердце я лелеял!

Когда же под безвестный кров
Зайдет земляк с страны родимой —
Его б в тени моих садов
Встречал я мыслию любимой;
Я б говорил: иди сюда —
Взгляни, как радостно слиянье
Природы дивной и труда
Без угнетенья и страданья!

НОЧЬ В КРЫМУ

Помнишь лунное мерцанье,
Шорох моря под скалой,
Сонных листьев колыханье,

И цынцырны* стрекотанье
За оградой садовой;

В полумгле нагорным садом
Шли мы, — лавр благоухал;
Грот чернел за виноградом,
И бассейн под водопадом
Переполненный звучал;

Помнишь свежее дыханье,
Запах розы, говор струй —
Все природы обаянье,
И невольное слянье
Уст в неожиданный поцелуй.

Эта музыка природы,
Эта музыка души
Мне в нные, злые годы,
После бурь и непогоды,
Ясно слышалась в тиши.

Я внимал — и сердце грелось
С юга веющим теплом,
Легче верилось и пелось...
Я внимал — и мне хотелось
Этой музыки во всем...

* * *

Чтобы песня моя разлилась, как поток,
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горящий восток
Отражается в ней, отливается.
Пусть чирикают вольные птицы вокруг,
Сонный лес пусть проснется-нарядится,
И сова — пусть она не тревожит мой слух
И, слепая, подальше усядется.

* Цынцырна — татарское слово, то же, что и цикада.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон... не жди рассвета;
Но и в туманах декабря
Порой мне шлет улыбку лета
Похолодевшая заря...

На все призывы без ответа
Уходишь ты, мой серый день!
Один закат не без приветов...
И не без смысла — эта тень...

Вечерний звон — душа поэта,
Благослови ты этот звон...
Он непохож на крики света,
Спугнувшего мой лучший сон.

Вечерний звон... И в отдаленье,
Сквозь гул тревоги городской
Ты мне пророчишь вдохновенье
Или могилу и покой.

Но жизнь и смерти призрак миру
О чем-то вечном говорят,
И как ни громко пой ты, — лиру
Колокола перезвонят.

Без них, быть может, даже гений
Людьми забудется, как сон, —
И будет мир иных явлений,
Иных торжеств и похорон.

АФАНАСИЙ ФЕТ

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздь виноград,
Ветвей концы висят, —
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу с ветвей.

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

* * *

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колеблется, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечников неутомный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почившей природы,
Волнистые проходят облака.

Еще весны душистой нега
 К нам не успела низойти,
 Еще овраги полны сиега,
 Еще зарей гремит телега
 На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
 Краснеет липа в высоте,
 Сквозя, березник чуть желтеет,
 И соловей еще не смеет
 Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
 Уж есть в пролетных журавлях,
 И, их глазами провожая,
 Стоит красавица степная
 С румянцем сизым на щеках.

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
 Хотят в росе понежиться поля,
 В последний раз, за третьим перевалом,
 Пропадал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
 Вдали огня иль песни — и не ждешь!
 Все степь да степь. Безбрежная, как море,
 Волнуется и наливает рожь.

За облаком, до половины скрыта,
 Луна светить еще не смеет днем.
 Вот жук взлетел и прожужжал сердито.
 Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
 Там перепел откликнулся вдали,
 И слышу я, в излобине росистой
 Вполголоса скрипят коростели.

Уж сумраком пыливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный Путь.

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немой,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разделелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дна есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаясь, трепещет.

Но уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

* * *

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон, немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к безднe полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись,
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

* * *

По ветви нижние леса
В зеленой потонули ржи.
Семьею новой в небеса
Ныряют резвые стрижи.

Сильней и слаще с каждым днем
Несется запах медовой
Вдоль нив, лоснящихся кругом
Светло-зеленою волной.

И негой истомленных птиц
Смолкают песни по кустам,
И всеобъемлющих зарниц
Мелькают лнки по ночам.

* * *

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистный, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул свой пышный навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистный, развесистый лес!

* * *

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

С сердца куда-то слетает забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листья,

И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и радостью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

НА РАССВЕТЕ

Плавню у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жметя под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.

КУКУШКА

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце! — вот утро — любви же
Все, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое, — ку-ку.

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздается трикратно
Ясно и томно: ку-ку.

* * *

Была пора, и лед потока
Лежал под снежной пеленой,
Недосыгаемо для ока
Таился речки бег живой.

Пришла весна, ее дыхание
Над снежным пронеслось ковром,
И стали видны содроганья
Струн, бегущей подо льдом.

И близки дни, когда все блага
К нам низведет пора любви
И мне зарей раскроет влага
Объятия чистые свои.

* * *

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы!
Кажется, издала странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

* * *

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаяй за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь зануть.
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жить любя, не в силах жить.

АЛЕКСАНДР ЯХОНТОВ

Проислася гроза стороною,
Под дождем освежились поля,
Как легко после душного зною,
Как теперь отдыхает земля!

Уж недолго ей ждать до заката,
Влажный воздух так густ и душист,
Облака унеслись куда-то,
И в саду — не шелохнется лист.

Ветви там над дорожкой гнутся,
Словно в землю сквозь слезы глядя,
Но заденешь их — градом польются
С них, трепещущих, капли дождя.

Может быть, о недавнем раздоре
С бурным вихрем напомнил ты им
И нескромным движеньем своим
Разбудил задремавшее горе?..

АПОЛЛОН МАЙКОВ

ОКТАВА

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанию тростников,
Дубравы говорю; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожку лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, усталал дорогу...
Идешь как будто по водам —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,

А красных мухоморов ряд
Что карлы сказочные спят...
Уж солища луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалика...
Вот на дорогу выезжаст
Тяжелый воз — то промелькнет
На солище вдруг, то в тень уйдет..
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

* * *

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей.
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очн
Я подымаю от земли:
В лазурн темной к полуночи
Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальном
Как будто благовест идет —
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод.

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба.

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужики его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданье конь убогий
Точно вкопанный стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

ОСЕНЬ

Отрывок

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей.

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес.

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как, февраль, ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Все весною пахнет!

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! меня раздражает
И солида осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летунии!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мне!

БОЛОТО

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка, жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмости,

На старый пенё, торчащий из воды,
На солнышке нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки выются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинки тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображенье
Плеял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри да белых вила ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колоши руины молчаливой,
Над серебром с горы падучих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам выючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вот — теперь такую же мечтой
Душа полна, как и в былые годы,
И так же здесь заманчиво со мной
Беседует таинственность природы.

ВЕСНА

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огонь и воды полились...

Где царство солица и лазури!
Где блеск полей, где мир долины!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градины!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вои как дети в удалце
Ее честят! как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

ИВАН МАКАРОВ

* * *

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.
Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей холодной, остылой
Разгорелось сердце огнем.
И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.
Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ

ОСЕННИЕ ЖУРАВЛИ

Сквозь вечерний туман мне под небом стемневшим
Слышен крик журавлей все ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издавека летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и, все громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..

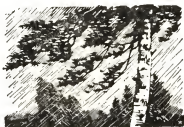
Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмых людей, вид печальной земли...
О как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

ЮЛИЯ ЖАДОВСКАЯ

НИВА

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.
По тебе от ветру —
Словно в синем море —
Волны так и ходят,
Ходят на просторе.
Над тобою с песней
Жаворонок вьется,
Над тобой и туча
Грозно пронесется.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу грозовую,
Сбереги нам, боже,
Ниву трудовую!

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!», привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит.

ЗА ГОРОДОМ

«Смешно! нас веселит ручей, вдали журчащий,
И этот темный дуб, таинственно шумящий;

Нас тешит песнею задумчивой своей,
Как праздных юношей, вечерний соловей;
Далекий свод небес, усеянный звездами,
Нам кажется, простерт с любовью над нами;
Любуясь месяцем, оглядывая даль,
Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже не дети!
Ужель поденный труд наклонности к мечтам
Еще в нас не убил?.. И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природой наслажденья
Свободы краткие истрачивать мгновенья?»

— Э! полно рассуждать! искать всему причин!
Деревня согнала с души давнишний сплин.
Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бедности бессменная забота —
И сердцу весело... И лучше поскорей
Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых сильные и сытые земли
Огня у бедняков голодных не могли...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху палегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

САША

Из поэмы

*

Дорого-любо, кормилица-ннва,
Видеть, как ты колоснишься красиво.

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно весь день тому весело будет!

*

Саше случалось зиявать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие твари таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвонел, застоял, затрещал.
Заяц послушал — и вои побежал,

В темную нору забились лисица,
Машет крылом осторожная птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корием упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна, —

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном,

Раненый стоет, зовет, проклиная.
Ветер над полем кровавым дует —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

НА ВОЛГЕ

Отрывок

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Одни, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раиную мою...

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Отрывок

Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
И земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, страшных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что, как нией, к земле прилегли, —
Все отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий соиные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы

Под играющей ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клеи ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Все, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов, —
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилась ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей спокойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Отрывок

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черника поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

Отрывок

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

.
Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом с новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

МОРОЗ — КРАСНЫЙ НОС

Из поэмы

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

.

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

.

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы из льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно спокойно текли —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

.

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство свое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро...»

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Отрывок

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Отрывок

Опять она, родная сторона,
С ее зеленым благодатным летом,
И вiovь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

.
Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги
И меж дерев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
Чем пахнут вообще дороги наши —
То запах дегтя с сеном пополам.
Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,
Он мысль мою свежит и направляет:
Куда б мечтой я ни был увлечен,
Он вмиг ее к народу возвращает...

ЛЕВ МЕЙ

СОСНА

Во сыром бору сосна стоит, растет;
Во чистом поле метель гудит, поет;
Над землею тучи серые шатром;
На земле снега пушистые ковром;
Вьюга, холод, но печальная сосна
Неизменна, как весною зелена.
Возвратится ли веселая весна,
Пробудится ли природа ото сна,
Прояснеют, улыбнутся небеса,
В листья нежные оденутся леса,
Заблестит сквозь зелень ландыш серебром,
Засинеет незабудка над ручьем,
Взглянет солнце с неба чистого светлей,
И залется звонкой трелью соловей —
Все по-прежнему печальна, зелена,
Думу думает тяжелую сосна.
Грустно, тяжело ей, раскидистой, растн:
Все цветет, а ей одной лишь не цвестн!
Собирая нглы острые свои,
Хочет в землю глубоко она уйтн
Иль, сорвавшись с извнвнстых корней,
В небо взвихрнться метелью из ветвей.
Да крепка земля, далеки небеса —
И стоит она, угрюмая краса,

И весною, и зимою зелена,
И зимою, и весною холодна...
Тяжело сосной печальною расти,
Не меняться никогда и не цвести,
Равнодушным быть и к счастью, и к беде,
Но судьбою быть прикованным к земле,
Быть бессильным — превратиться в бранный прах
Или вихрем разыграться в небесах!

СУМЕРКИ

Отрывок

Оттепель... Поле чернеет;
Кровля на церкви обмокла;
Так вот и вьет, и вьет —
Пахнет весною сквозь стекла.
С каждой новой ложбинкой
Водополь все прибывает,
И ограненною льдником
Вешняя звездочка тает.

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

КОМЕТА

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

ИВАН АКСАКОВ

* * *

Жар свалил. Повесела прохлада.
Длинный день покончил ряд забор;
По дворам давно загнали стадо
И косцы вернулись с работ.
Потемнеть заря уже готова;
Тихо все. Час ночи недалек.
Подымался и улегся снова
На закате легкий ветерок!..
Говор смолк; лишь изредка собачий
Слышен лай, промолвят голоса..
Пыль слеглась; остыл песок горячий,
Пада сильно на землю роса.
По краям темнеющего свода
Тени все, широкие, слились:
Встретить ночь готовится природа;
Запахи отовсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встает, и будто шевелится,
И растет, и шепчется трава!..

ИВАН НИКИТИН

* * *

Отрывок

Тихо ночь ложится
На вершины гор,
И луна глядится
В зеркала озер;

Над глухою степью
В неизвестный путь
Бесконечной цепью
Облака плывут;

Над рекой широкой,
Сумраком покрыт,
В тишине глубокой
Лес густой стоит;

Светлые заливы
В камышах блестят,
Неподвижно нивы
На полях стоят;

Небо голубое
Весело глядит,
И село большое
Беззаботно спит.

Когда закат прощальными лучами
 Спокойных вод озолотит стекло,
 И ляжет тень ночная над полями,
 И замолчит веселое село,
 И на цветах и на траве душистэй
 Блеснет роса, посланница небес,
 И тканью тумана серебристой
 Оденется темнокудрявый лес, —
 С какою-то отрадой непонятной
 На божий мир я в этот час гляжу
 И в тишине природы необъятной
 Покой уму и сердцу нахожу;
 И чужды мне земные впечатленья,
 И так светло во глубине души:
 Мне кажется, со мной в уединенье
 Тогда весь мир беседует в тиши.

РУСЬ

Отрывок

Под большим шатром
 Голубых небес —
 Вижу — даль степей
 Зеленеется.

И на гранях их,
 Выше темных туч,
 Цепи гор стоят
 Великанами.

По степям в моря
 Реки катятся,
 И лежат пути
 Во все стороны.

Посмотрю на юг:
 Нивы зрелые,
 Что камыш густой,
 Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляю к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

.
Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?..

.
По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь да блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ

МОЙ САДИК

Отрывок

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень;
От черемухи душистой
И от лип кудрявых — тень...

Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пестрые головки
Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых
С сетью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вкруг черемухи жужжат...

* * *

Отрывок

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

* * *

Природа-мать! К тебе иду
С своей глубокою тоскою;
К тебе усталой головою
На лоно с плачем припаду.

Твоих лесов немолчный шум
И нив златистых колыханье,
Лазурь небес и вод журчанье
Разгонят мрак гнетущих дум.

Пусть говорят, что ты к людской
Тоске и скорби безучастна,
Что исцеления напрасно
Ждать от тебя душе больной.

Нет, я не верю! С нами ты
Живешь одною жизнью полной;
Или зачем же ропщут волны
И грустно шепчутся листья?

Зачем же с неба хор светил
Земле так ласково сияет
И слезы чистые роняет
Роса на свежий дерн могил?

На все ответ в тебе найдет
Тот, кто с любовью бесконечной
К тебе и гнет тоски сердечной,
И радость светлую несет...

* * *

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним все тянет так неодолимо?..

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце иоет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,
Ни избушек этих, сереньких, как тучи;
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

* * *

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей.

Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой...

ВЕСНА

Отрывок

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала...

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ

* * *

Снова дней весенних
Дождалися мы.
Ласточки щебечут
Под окном тюрьмы.

Между гор зеленых
Светлой полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

ЛЕВ МОДЗАЛЕВСКИЙ
ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ВЕСНОЮ

Слетн к нам, тихий вечер,
На мирные поля;
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

Темнеет уж в долине,
И ночи близок час;
На маковке березы
Последний луч угас.

Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел!
И в ближней роще звонко
Уж соловей запел.

Слетн ж к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

* * *

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь, прищурясь, — блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блески;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередой
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою, —
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

РАССВЕТ В ДЕРЕВНЕ

Огонь, огонь! На небесах огонь!
Роса дымится, в воздух отлетая;
По грудь в реке стоит косматый конь,
На ранний ветер уши наостряя.

По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идет обоз с богатой кладью жита;
А за селом погост и низкие кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вот ставней хлопнули: в окне старик седой
Глядит и крестится на первый луч рассвета;
А вот и девушка извилистой тропой
Идет к реке, огнем зари пригрета.
Готово солнце встать в мерцающей пыли,
Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздиком и медом
И теплой свежестью распаханной земли...

* * *

Старый дуб листья своей лишился
И стоит умерший над межою;
Только ветви кажутся плечами,
А вершина мнится головою.

Приютил он, будучи при жизни,
Спротику-семя, что летало,
Дал ему в корнях найти местечко,
И оно тихонько задремало.

И всплзла по дубу повилика,
Мертвый остов зеленью одела,
Разубрала листьями, цветами,
Придала как будто облик тела!

Ветерок несется над межою;
Повилика веички качает...
Старый дуб в обличии забытом
Оживает, право, — оживает!

ЛЕОНИД ТРЕФОЛЕВ

ПОШЕХОНСКИЕ ЛЕСА

Отрывок

Ох, лесочки бесконечные,
Пошехонские, родимые!
Что шумите, вековечные
И никем не проходимые?

Вы стоите исполинами,
Будто небо подпираете,
И зелеными вершинами
С непогодушкой играете.

Люди конные и пешие
Посетить вас опасаются:
Заведут в трущобу дешие,
Насмеются, наругаются.

Мишки злые, неуклюжие
Так и рвутся на рогатину:
Вынимай скорей оружие,
Если любишь медвежатину!

Ох, лесочки бесконечные,
Пошехонские, родимые!
Что шумите, вековечные
И никем не проходимые?

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

ПРОСЕЛОК

Отрывок

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая...
Чрез леса да реки, по лугам, по нивам,
Все бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогой.
Утро ли займется на небе румяном —
Вся она росой блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Все молчит, все дремлет, — в утреннем покое
Только ржи мелькает поле золотое,
И куда ни глянешь освеженным взором, —
Отовсюду веет тишь да простором.

ИВАН СУРИКОВ

РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былннка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябнике
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротнике,
Век одной качаться».

* * *

Отрывок

Занялася заря —
Скоро солнце взойдет.
Слышишь... чу... соловей
Щелкнул где-то, поет.

И все ярче, светлей
Перелеты зарн;
Словно пар над рекой
Поднялся, посмотри.

От цветов на полях
Льется запах кругом,
И сняет роса
На траве серебром.

Над рекой наклонясь,
Что-то шепчет камыш;
А кругом, на полях,
Непробудная тишь.

* * *

Всю ночь кругом метель шумела
И только смолкла пред зарей;
Поутру сад стоит весь белый,
Окутан пышной пеленой.

Идешь двором — и тонут ноги,
В снег рыхлый вязнут глубоко;
Ни грусти в сердце, ни тревоги, —
Идешь и дышится легко.

В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солинышко уж село;
На краю далеком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздается:
То табуи коней в ночное
По лугам несется.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собралися дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И засиули... Не шелохнет
Лес густым навесом.

Все темней, темней и тише...
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякиет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупиет ветка, куст — и снова
Все смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несется ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый;

И какне-то все в белом
Тени в поле ходят...
Детям боязно — и дети
Огонек разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

НА БЕРЕГУ

Как в сумерки легко дышать на берегу!
Померкли краски дня, картины изменились;
Ряды больших стогов, стоящих на лугу,
Туманом голубым, как дымкою, покрылись.

На пристани давно замолкли шум и стук;
Все реже голоса доносятся до слуха;
Как будто стихло все, — но всюду слышен звук,
И тихий плеск воды так сладко нежит ухо.

Вот черный жук гудит... вот свистнул коростель...
Вот где-то вдалеке плеснулось уток стадо...
Пора бы мне домой — за ужин и в постель;
Но этой тишине душа моя так рада.

И я готов всю ночь сидеть на берегу,
И не ходить домой, и вовсе не ложиться,
Чтоб запахом травы на скошенном лугу
И этой тишиной целебной насладиться.

На ширь глухих полей, под тень лесов густых
Душа моя рвалась, измучена тревогой, —
И, может быть, вдали от горьких слез людских
Я создал бы в тиши здесь светлых песен много.

Но жизнь моя прошла в заботе городской,
И сил моих запас иссяк в борьбе суровой...
И вот теперь сюда приплелся я больной.
Природа-мать! врачуй и дай мне силы снова!

ДЕТСТВО

Отрывок

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Все лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

СПИРИДОН ДРОЖЖИН

РОДИНА

Кругом поля раздольные,
Широкие поля.
Где Волга многоводная —
Там родина моя.

Покрытые соломою
Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят,
И, словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идешь, идешь — и края нет
Далекого пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

НА СЕНОКОСЕ

Отрывок

Сенокосные дни наступили опять.
В синем небе заря занимается,
Пахист сеном в полях, а кругом благодать,
Лету красному все улыбается!
Встречу солнцу с межи поднялися цветы,
Лес зеленый вдали чуть колышется.
Сколько всюду разлито живой красоты,
Что за песня, за музыка слышится!

ВЕСЕННЕЕ ЦАРСТВО

Вернулось царство вешних дней:
Звенит по камушкам ручей,
Река шумит,
И с криком стая журавлей
Уж к нам летит.

Смолою пахнет от лесов,
Краснея, почки лепестков
Вдохнули вдруг,
И миллионами цветов
Покрылся луг.

Настала чудная пора!
Свалилась с плеч моих гора
Гнетущих бед,
Я на работу со двора
Иду чем свет.

Железо землю бороздит,
А солнце весело глядит
В сияньи дня
И все ласкает и живит
Вокруг меня.

Из иорки черный жук ползет,
И сеть прозрачную плетет
Себе паука,

Летит пчела и издает
Протяжный звук.

На распутившийся цветок
Садится пестрый мотылек,
Качаясь в нем,
Пока не тронет ветерок
Его крылом.

Лошадка весело межой
Идет, а солнце, за горой
Кончая день,
Уже бросает над землей
Ночную тень.

Пора на отдых! В деревнях
Зажглись огни; на небесах
Взошла луна,
Покой на вспаханных полях
И тишина.

АРСЕНИЙ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

* * *

Снилось мне утро лазурное, чистое,
Снилась мне родины ширь необъятная,
Небо румяное, поле росистое,
Свежесть и юность моя невозвратная...

Снилось мне, будто иду я дорогою, —
Ярче и ярче восток разгорается,
Сердце полно предрассветной тревогою,
Сердце от счастья любви разрывается.

Рощи и воды младенческим лепетом
Мне отвечают на чувство приветное;
Шепчут уста с умилением и трепетом
Имя любимое, имя заветное!..

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

МАЙ

Так нежно небо зацвело,
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

К нему прильнув из полутьмы,
В минутном млеет позлащеньи
Тот мир, которым были мы...
Иль будем, в вечном превращеньи?

И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой позолотой,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой.

Над миром, что, златим огнем,
Сейчас умрет, не понимая,
Что счастье искрилось не в нем,
А в золотом обмане мая,

Что безвозвратно синева,
Его златившая, поблекла...
Что только зарево едва
Коробит розовые стекла.

СЕНТЯБРЬ

Раззолоченные, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солища поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волиует вкрадчивый осенний аромат.

ПРОСВЕТ

Ни зноя, ни гама, ни плеска,
Но роща свежа и темна,
От жидкого майского блеска
Все утро таится она...

Не знаю, о чем, так унылы,
Клубясь, мне дымы твердят,
И день ли то пробует силы,
Иль это уж тихий закат,

Где грезы несбыточно-дальней
Сквозь дымы златятся следы?..
Как странно... Просвет... а печальной
Сплошной и туманной гряды.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

СОЙМА В БУРЮ

Озеро плещет волной беспокойною,
Словно как в море растущий прибой.
Рвется к чему-то стихия нестройная,
Спортит о чем-то с враждебной судьбой.

Знать, не по сердцу оковы гранитные!
Только в безмерном отраден покой.
Снятся былые века первобытные,
Хочется снова царить над землей.

Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вечный позор добровольным рабам.
Сбудется сон твой, стихия великая,
Будет простор всем свободным волнам.

ПЕТР ЯКУБОВИЧ

* * *

Ярко небо стран далеких,
Но затмить оно не в силах
Красоту небес родимых,
Полинялых и унылых!

И отдаст больное сердце
Все созвучья в поднебесной
За шуршание осоки
В речке мшистой и безвестной.

Красотой, довольством, счастьем
Сторона цветет чужая,
Но милей в своих лохмотьях
И слезах страна родная!

* * *

Не в шуме гроз, не в красоте стыдливой
Румяных зорь мне снится край родной,
Не в блеске дня над опаленной нивой, —
Он снится мне под утреннюю мглой.

Густой туман клубится над полями;
Как призрак, бор синее вдалеке;
Едва блестит за влажными кустами
Отсвет зари в извилистой реке.

Вот сонный пахарь едет в отдаленье, —
Поник Гнедко, чуть дребезжит соха...
Вот каркнул грач... И мертвое селенье
Рог огласил тревожный пастуха.

Промчался вдаль работы зов бодрящий,
Но солнца лик еще в туманной мгле.
И столько грусти кроткой и щемящей
Везде, во всем — на небе, на земле!

НОВАЯ ВЕСНА

С цветущих берегов, залитых солнцем стран,
Соскучась по земле родимой,
Несется вновь гостей веселых караван
На север грустный, но любимый.
Вблизи лесных озер опять и звон и гам!
И, прерывая сон глубокий,
Дивится мертвый лес: по старческим корням
Текут живительные соки...
Обласканы теплом полуденных лучей,
Глядят былинки из-под снега...
Все новой жизни ждет — приволья ясных дней,
Веселых, шумных бурь набега!

Тяжел и долговат был природы мрачный сон:
Казалось, сном он смерти будет,
Казалось, дряхлый мир ни новой жертвы стон,
Ни гром победы не разбудит.
Над степью голою лишь ворон каркал злой
Да мерзлый лист шуршал уныло:
«И я когда-то жил... давно-давно, весной...
Всесильна смерть! Крепка могила!»

И первый вольный звук стряхнул унынья гнет!
Мелькнул цветок на талом снеге...
Кричат ватаги птиц, гремят потоки вод,
Поют зеленые побеги...
И мой усталый дух поет весне привет —
Забыты дни тоски мертвящей:
— Жизнь новая, цветы! И пусть не меркнет свет
Твоей звезды путеводящей!

СЕМЕН НАДСОН

НА ЗАРЕ

Отрывок

Заревом заката даль небес объята,
Речка голубая блещет, как в огне;
Нежными цветами убраны богато,
Тучки утопают в ясной вышине.
Кое-где, мерцая бледными лучами,
Звездочкн-шалуны в небесах горят.
Лес, облитый светом, не дрогнет ветвями,
И в вечерней пеге мирно нивы спят...

* * *

Цеужели сейчас только бархатный луг
Трепетал позолотой полдневных лучей?
Неуклюжая туча ползет, как паук,
И ползет — и плетет паутину теней!..

Ах, напрасно поверил я в день золотой,
Ты лгала мне, прозрачных небес бирюза:
Неподвижнее воздух, томительней зной,
И все ближе гремнт, надвигаясь, гроза!..

Встанут серые вихри в дорожной пыли,
Заволнуется зыбкое море хлебов,
Дрогнет сад, наклоняясь челом до земли,
Облетят лепестки недоцветших цветов...

Сколько будет незримых, неслышных смертей,
Сколько восходов помятых и сломанных роз!..
Долго солнце огнем благодатных лучей
Не осушит пролитых природою слез!..

А не будь миновавшие знойные дни
Так безоблачно тихи, светлы и ясны,
Не родили б и черную тучу они —
Эту черную думу на лице весны.

СТАРАЯ БЕСЕДКА

Вся в кустах утонула беседка;
Свежей зелени яркая сетка
По стенам полустнившим ползет,
И сквозь зелень в цветное оконце
Золотое весеннее солнце
Разноцветным сиянием бьет.
В полумраке углов — паутина;
В дверь врываются ветви жасмина,
Заслоняя дорогу и свет;
Круглый стол весь исписан стихами,
Весь исчерчен кругом вензелями,
И на нем позабытый букет...

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

* * *

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листья изумрудные.

И цветы, опьяненные росамп,
Рассказали ветрам сказки нежные,
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля, под весенними ласками
Наряжая тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные.

* * *

Прекрасна ты, осенняя пора!
Задумчивой природы увяданье,
Седой туман в час раннего утра,
Лучей и птиц прощальная игра —

Все будит грусть и сны очарованья!
Прекрасна ты, осенняя пора!
От детских лет, печальный северянин,
Люблю я шум захладававших вод
И сонный лес, когда он зарумянен
Дыханием осенних непогод.
Войду ли в сад — там смолкли птичьи хоры,
Он весь поник. В нем поздние цветы
Облечены в последние уборы,
И ярче их махровые узоры
Пред бедностью грядущей наготы!
Войду ли я в редяющие рощи —
Прозрачные, багрянцами горя,
Они молчат... Их дремлющие мощи
Уж обожгла сентябрьская заря!..
Пойду ль к реке — высоко ходят волны,
Суров, тяжел свинцовый их пабег.
И тихую гармониею полны
Мои мечты, исполненные нег..
Живей встают забытые утраты,
Но не гнетут, не мучают оне,
Неясные, как сны, как ароматы,
Рожденные в осенней тишине.
Вновь кроткое доступно примиренье,
Вновь нежная слеза туманит взор..
И жизнь ясна, как светлое виденье,
Как милых строк разгаданный узор...

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Произнеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнины.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.

После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася,
Ей любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалась
И умолкла до утра!..

* * *

Не мигают зарницы вечерние,
Не поет соловей по ночам, —
Только сердце мое суевернее,
Только верю несбыточным снам.

Зашумит ли дубрава зеленая,
В туче месяц блеснет ли щитом,
Или бурей волна опененная
Загудит на просторе морском, —

Взоры вспыхнут, и сердце мятежное
Просит бурн безумных страстей,
Точно горе его неизбежное —
Горе леса, небес и морей...

И душа разверзается страстная,
Как от молний ночных вышины,
И природа ей вторит согласная,
Как покорная думам струна...

В РОЩЕ

Раннею весною роща так тиха,
Веет в ней печалью, смутною кручиною;
И сплелись ветками, словно паутиною,
Белая береза, серая ольха.

Дремлет в вязкой тине неподвижный пруд,
Дремлют камни старые, желтым мхом покрытые,
И в тени под соснами солнцем позабытые
Перелески синие медленно цветут.

Если на закате вспыхнут небеса,
Роща оживает под лучами алыми,
И блестит рубинами и горит опалами
На траве и мохе ранняя роса.

И кружит воронкой мошек черный рой,
И косые тени, пылью осребренные,
Охраняют молча ветки, преклоненные
Над землею, веющей сыростью грибной.

* * *

Вечера все белей и беззвездней,
И прозрачно и тихо в лесу,
Только слышен малиновки поздней
Робкий щебет в девятом часу.

Как свежо. Но свежо без тумана.
Вечер дремлет раздумьем в кустах.
Заживает душевная рана,
Сохнут слезы в усталых очах.

О, блаженство бессмертной природы!
Узнаю я дыханье твое,
И твоей безграничной свободы
Осеннло меня бытие.

Словно счастья я снова достоин,
И оно улынулось вдали...
Я молитвенной грустью спокоен,
Только грустью не здешней земли...

ФЕОДОСИЙ САВИНОВ

РОДНОЕ

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это — русская сторонка,
Это — родина моя!

Вижу чудное приволье,
Вижу нвы и поля...
Это — русское раздолье,
Это — русская земля!

Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака...
Это — радости народа,
Это — пляски мужика!

Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса...
Это — русские картины,
Это — русская краса!

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ

* * *

К пустыниому приволью
Склонился небосклон;
Душистый воздух смолю
И зноем напоен.

Ни зверя и ни птицы
Среди прямых стволов;
Над ними — вереницы
Жемчужных облаков.

Пески, да мхи, да хвоя
В безлюдной стороне.
Предчувствие покоя —
В природе и во мне!..

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

АВГУСТ

Как ясен август, нежный и спокойный,
Сознавший мимолетность красоты.
Позолотив древесные листья,
Он чувства заключил в порядок стройный.

В нем кажется ошибкой полдень знойный,
С ним больше сродны грустные мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха от жизни беспокойной.

В последний раз пред острием серпа
Красуются колосья наливные,
Взамен цветов везде плоды земные.

Отраден вид тяжелого снопа,
А в небе — журавлей летит толпа
И криком шлет «прости» в места родные.

АРОМАТ СОЛНЦА

Запах солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной
И смолистою сосной.

Нежно-светлоткаными
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пенем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам:
Будет вам!
Не узреть вам райских врат,
Есть у солнца аромат,
Сладко внятный только нам,
Зримый птицам и цветам!

ЗИМА

Поля затянуты недвижной пеленой,
Пушисто-белыми снегами.
Как будто навсегда простился мир с весной,
С ее цветками и листьями.

Окован звонкий ключ. Он у зимы в плену.
Одна метель поет, рыдая.
Но солнце любит круг. Оно хранит весну.
Опять вернется молодая.

Она пошла бродить в чужих краях,
Чтоб мир изведаль сновиденья,
Что видел он во сне, что он лежит в снегах
И выюгу слушает — как пенье.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

МОНОЛОГ БУСЛАЕВА

Из пьесы о Василии Буслаеве

Эхма, кабы силы да поболе мне!
Жарко бы дохнул я — снега бы растопил,
Круг земли пошел бы да всю распахал,
Век бы ходил — города городил,
Церкви бы строил да сады все сажил!
Землю разукрасил бы — как девушку,
Обнял бы ее — как невесту свою,
Поднял бы я землю ко своим грудям,
Поднял бы, понес ее ко господу:
— Глянь-ко ты, господи, земля-то какова,
Сколько она Васькой изукрашена!
Ты вот ее камнем пустил в небеса,
Я ж ее сделал изумрудом дорогим!
Глянь-ко ты, господи, порадуйся,
Как она зелено на солнышке горит!
Дал бы я тебе ее в подарочек,
Да — накладно будет — самому дорогà!

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем, и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он посится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гнев грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревающим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

ИЗ РАССКАЗА «ВЕСЕЛНИЕ МЕЛОДИИ»

ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА

И заря улыбкой нежной гасит в небе ночи звезды, ночь бледнеет, ночь трепещет, и — как лед на солнце — тает тьмы ночной покров тяжелый. Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды, встречу солнцу, встречу утру, встречу света и свободы!

ПЕСНЯ РУЧЬЕВ

Широкие быстрые волны нас примут, обнимут и в море с собой унесут, и снова, быть может, нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падём прохладной росой в ночи, снежинками или обильным дождем.

* * *

Правится мне вся земля.
Но всего лучше на ней —
Вы, молодые цветы
Около старых камней.

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

* * *

Из царства пурпура и злата,
Случайным гостем залстев,
Блеснул последний луч заката
Среди серебряных деревьев.

И вот, под лаской запоздалой,
Как мановеньем волшебства,
Затрепетала искрой алой
Оледенелая листва.

И встрепетулся лес суровый,
Стряхнул с ветвей могильный сон —
И ожил он в одежде новой,
Багряным светом озарен.

Аккордом звуков серебристых
Несется фей лукавый зов...
Клубится рой видений чистых
Вокруг сверкающих стволов...

Но гаснет дуч в борьбе бесплодной,
Еще мгновенье — и сменят
Метель и мрак зимы холодной
Природы призрачный наряд.

Быть грозе! Я вижу это
В трепетанье тополей,
В тяжком зное полусвета,
В душном сумраке аллей.

В мощи силы раскаленной
Скрытых облаком лучей,
В поволоке утомленной
Дорогих твоих очей.

НЕ УБИВАЙТЕ ГОЛУБЕЙ

Не убивайте голубей!
Их оперенье белоснежно;
Их воркование так нежно
Звучит во мгле земных скорбей,
Где все — иль тускло, иль мятежно.
Не убивайте голубей!

Не обрывайте васильков!
Не будьте алчны и ревнивы;
Свое зерно дадут вам нивы,
И хватит места для гробов.
Мы не единым хлебом живы, —
Не обрывайте васильков!

Не отрекайтесь красоты!
Она бессмертна без курений.
К чему ей слава песнопений,
И ваши гимны и цветы?
Но без нее бессилей гений, —
Не отрекайтесь красоты.

НИКОЛАЙ РЕРИХ

НАШ ПУТЬ

Путники, сейчас мы проходим
сельской дорогой. Хутора чередуются
полями и рощами. Дети заботятся
о стадах. К нам дети подходят.
Мальчик нам подал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с нею нам
будет легче идти. Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов еще не далеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую травку.
Ты сломал корзиночку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
давленную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,
что имели, чтобы украсить
наш путь.

ИВАН БУНИН

* * *

Какая теплая и темная заря!
Давным-давно закат, чуть тлея, чуть горя,
Померк над сонными весенними полями,
И мягкими на все ложится ночь теньями,
В вечерние мечты, в раздумье погрузив
Все, от затихших рощ до придорожных ив,
И только вдалеке вечерней тьмой не скрыты
На горизонте грустные ракиты.

Над садом облака нахмурившись стоят;
Весенней сыростью наполнен тихий сад;
Над лугом, над прудом, куда ведут аллеи,
Ночные облака немного посветлее,
Но в чаще, где, сокрыв весенние цветы,
Склонились куцями зеленые кусты,
И темь и теплота...

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибовой.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Считаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

* * *

Бушует полая вода,
Шумит и глухо и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело и важно.

Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И все ей радо.
Как в забытии каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
И ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

* * *

Еще от дома на дворе
Синеют утренние тени,
И под навесами строений
Трава в холодном серебре;
Но уж сияет яркий зной,
Давно топор стучит в сарае,
И голубей пугливых стаи
Сверкают снежной белизной.

С зари кукушка за рекою
Кукует звучно вдалеке,
И в молодом березняке
Грибами пахнет и листвою.
На солнце светлая река
Трепещет радостно, смеется,
И гулко в роще отдается
Над нею ладный стук валька.

* * *

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лег.
Спят грачи; далекий шум потока
В темноте таинственно заглох.

Но свежее пахнет зеленью
Молодой озябший чернозем,
И струится чище над полями
Звездный свет в молчании ночном,

По лощинам, звезды отражая,
Ямы светят тихою водой;
Журавли, друг друга окликаая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А весна в зазеленевшей роще
Ждет зари, дыханье затая, —
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в темные поля.

КОСТЕР

Ворох листьев сухих все сильней, всеелей разгорается,
И трещит, и пылает костер.
Пышет пламя в лицо; теплый дым на ветру развсвается.
Затянул весь лесной косогор.

Лес гудит на горе, низко гнутся березы ветвистые,
Меж стволами качается тень...
Блеском, шумом листвы наполняет леса золотистые
Этот солнечный ветреный день.

А в долине — затишье, светло от орешника яркого,
И по светлой долине лесной
Тянет гарью сухой от костра распаленного, жаркого,
Развевается дым голубой.

Камни, заросли, рвы. Лучезарным теплом очарованный,
В полусне я лежу у куста...
Странно желтой листвой озарен этот дол заколдованный,
Эти лисьи, глухие места!

Ветер стоны несет... Не собаки ль в дали заливаются?
Не рога ли тоскуют, вопят?
А вершины шумят, а вершины скрипят и качаются,
Однотошно шумят и скрипят...

ПЛЕЯДЫ

Стемнело. Вдоль аллей, над сонными прудами.
Бреду я наугад.
Осенней свежестью, листвою и плодами
Благоухает сад.

Давно он поредел, — и звездное сиянье
Белеет меж ветвей.
Иду я медленно, — и мертвое молчанье
Царит во тьме аллей.

И звонок каждый шаг среди ночной прохлады.
И царственным гербом
Горят холодные алмазные Плеяды
В безмолвии ночном.

ЛИСТОПАД

ОСЕННЯЯ ПОЭМА

Отрывок

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь, в листве сквозной,
Просветы в небо, что оконца.

Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

* * *

Нет солнца, но светлы пруды,
Стоят зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсем бы казались пустыми,
Но в них отразились сады.

Вот капля, как шляпка гвоздя,
Упала — и, сотнями игол
Затоны прудов бороздя,
Сверкающий дождик запрыгал —
И сад зашумел от дождя.

И ветер, играя листвою,
Смешал молодые березки,
И солнечный луч, как живой,
Зажег задрожавшие блески,
А лужи налил синевой.

Вон радуга... Весело жить
И весело думать о небе,
О солище, о зреющем хлебе,
И счастьем простым дорожить:

С открытой бродить головой,
Глядеть, как рассыпали дети
В беседке песок золотой...
Иного нет счастья на свете.

РОДНИК

В глуши лесной, в глуши зеленой,
Всегда тенистой и сырой,
В крутом овраге под горой
Бьет из камней родник студений:

Кипит, играет и спешит,
Крутятся хрустальными клубами,
И под ветвистыми дубами
Стеклом расплавленным бежит.

А небеса и лес нагорный
Глядят, задумавшись в тиши,
Как в светлой влаге голыши
Дрожат мозанкой узорной.

1877

* * *

Зеленый цвет морской воды
Сквозит в стеклянном небосклоне,
Алмаз предутренней звезды
Блестит в его прозрачном лоне.

И, как ребенок после сна,
Дрожит звезда в огне денницы,
И ветер дует ей в ресницы,
Чтоб не закрыла их она.

* * *

Еще и холоден, и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.

Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.

Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит
Любовь и радость бытия.

ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного лета.

* * *

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега,
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бшено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил.

ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилье человеке
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники ярки,
Безмятежны и жарки последние дни,

Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

ПЛОТЫ

С востока дует холодом, чернеет зыбь реки
Напротив солнца низкого и плещет на пески.

Проходит зелень бледная, на отмелях кусты,
А сй навстречу — желтые сосновые плоты.

А на плотях, что движутся с громадою реки
Напротив зыби плещущей, орут плотовишки.

Мужицким пахнет варевом, костры в дыму трещат —
И рдеет красным заревом на холоде закат.

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

Вся в снегу, кудрявом, благовонном,
Вся-то ты гудишь блаженным звоном
Пчел и ос, завистливых и злых...

Старишься, подруга дорогая?
Не беда. Вот будет ли такая
Молодая старость у других!

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

У ЗЕМЛИ

Я б хотел забыться и заснуть.
М. ЛЕРМОНТОВ

Помоги мне, мать земля!
С тишиной своей сосватай!
Глыбы черные дела,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги еыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядках, недавно взрытых.

Я — твой сын, я — тоже прах,
Я, как ты, — звено созданий.
Так откуда — страсть и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня — с могилой?

ФЕВРАЛЬ

Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.
Новых желаний — не надо,
Прошлого счастья — не жаль.

Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат.
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.

Нет, не укор, не предвестье —
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

ВЕК ЗА ВЕКОМ

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли, —
Чтоб осенью снежные вьюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И вновь все бело и все тихо,
Лишь волки проходят, как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

СЕЯТЕЛЬ

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на низах; время снова
Мне стать учеником.

От шума и толпы, от славы и приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова принимать, как в отдаленном детстве,
К тебе, живой родник!

Чтоб снова испытать раздумий одиноких
И огненность и лед
И встретить странных грез, стокрыдых и стооких,
Забывтый хоровод.

О радость творчества, свободного, без цели,
Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проспится в колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
Весь мир увнжу я
И буду заклинать простым и вещим словом
Все тайны бытия!

В МОЕЙ СТРАНЕ

В моей стране — покой осенний,
Дни отлетевших журавлей,
И, словно строгий счет мгновений,
Проходят облака над ней.

Безмолвно поле, лес безгласен,
Однн ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.

Здесь, где весна, как дева, пела
Над свежей зеленью лугов,
Где после рожь цвела и зрела
В святом предчувствии серпов,

Где ночью жгучие зарницы
Порой влюбленных стерегли,
Где в августе склоняли жницы
Свой стан усталый до земли, —

Теперь торжественность пустыни
Да ветер, бьющий по кустам,
А неба свод глубоко-синий, —
Как купол, увенчавший храм!

Свершила ты свои обеты,
Моя страна! И замкнут круг!
Цветы опали, песни спеты,
И собран хлеб, и скошен луг.

Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,
Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством сил!

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой, —
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!..

С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встретить,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом
Иль в неге сладкой умереть!

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

* * *

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как почью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

АЛЕКСАНДР БЛОК

* * *

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошеной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

* * *

Ночной туман застал меня в дороге.
Сквозь чащу леса глянул лунный лик.
Усталый конь копытом бил в тревоге —
Спокойный днем, он к ночи не привык.
Угрюмый, неподвижный, полусонный
Знакомый лес был страшен для меня,
И я в просвет, луной осеребренный,
Направил шаг храпящего коня.
Туман болотный стелется равниной,
Но церковь серебрится на холме.
Там — за холмом, за рощей, за долиной —
Мой дом родной скрывается во тьме.
Усталый конь быстрее скачет к цели,
В чужом селе мерцают огоньки.
По сторонам дороги заалели
Костры пастушьи, точно маяки.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Сирени бледные дождем к земле прибиты...
Замолкла песня соловья;
Немолчно говор слышится сердитый
Разлитого ручья.

Природа ждет лучей обетованных:
Цветы поднимут влажный лик,
И вновь в моих садах благоуханных
Раздастся птичий крик.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Закат горел в последний раз.
Светило дня спустилось с тучи,
И их края в прощальный час
Горели пламенем могучим.

А там, в неведомой дали,
Где небо мрачно и злое,
Немые грозы с вихрем шли,
Блестя порой зеницей вещей.

Земля немела и ждала,
Прошло глухое рокотанье,
И по деревьям пронесла
Гроза невольное дрожанье.

Казалось, мир — добыча гроз,
Зеницы вскрылись огневые,
И ветер ночи к нам донес
Впервые — слезы грозовые.

* * *

Ночь теплая одела острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль светла. Душа моя жива.
И вечная холодная Нева
У ног сурово колыхнулась.

Ты, счастье! Ты, радость прежних лет!
Весна моей мечты далекой!
За годом год... Все резче темный след,
И там, где мне сиял когда-то свет,
Все гуще мрак... Во мраке — одиноко —

Иду — иду — душа опять жива,
Опять весна одела острова.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

I

Медлительной чредой исходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Все кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

II

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней, —

Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волеенья
Несут, дарят последним вдохновеньем
Избыток отлетающей мечты.

* * *

Ветер принес издалика
Песни весенний намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалика
Звучные песни твои.

* * *

Золотистою долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солище, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За парядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.

* * *

Мне снились вселенные думы,
Мне спилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красивые люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И спящие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солице — как медный шлем война,
Обращенного ликом печальным
К нным горизонтам,
К нным временам...

И шишак — золотое облако —
Тянет в высь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Все дышит ленивым
И белым размером
Весны.

Пушай заманит и обманит, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по живью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темиой.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворои глухо
Зовут товарищей своих
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лёгком журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

* * *

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен,
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и снлен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редееет.

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кнльватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мно нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло зампгал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

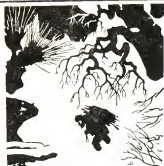
Случайно на ноже карманиом
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

* * *

На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что месяца нежней, что зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ЗИМА

Снега синей, сизга туманней;
Вновь освеженный дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зны.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прохлащет хладом в глубь аллеи;
Ломают хрупкие подвески
Ледяных, звонких хрусталей.

Навеяв синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний первый огонек;
И над деревню повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Сребро метет, и рвет, и гонит
Над садом дикая метель, —

Пусть грудой золотых камней
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, легких звеньев
Трескучий прядает рубни.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блеклой,
Сухой, сухой, сухой мороз, —
Слетит веселый рой на стекла
Алмазных, блестящих стрекоз.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

ПЕСНЯ О КАМЕ

Эй, чайки снежнокрылые,
На лодках рыбаки,
Друзья, матросы милые
Раздольницы-реки.

Гулять, кататься велено,
Кто молодостью сыт.
Кругом под небом зелено
От солнечной красы.

Мать, Кама синеокая,
Как вороная сталь,
Блестит, зовет широкая
На пароходы вдаль.

И я, послушный сын реки,
Призывностью горя,
Изведал с легкой той руки
Все суши и моря.

И вот вернулся снова я,
Скитаньями обвит,
А Кама та же повая —
Дороженька любви.

Те же чайки снежные,
Та же в волнах взмоль.
Лишь моя мятежная
Затихла в бурях быть.

Но не затихли песни ярости,
Рожденные на Кама,
Не будет, знаю, старости
На лодках с рыбаками.

Костер, как меч,
Огнист, остер,
Костром я жизнь простер,
И мой огонь, и мой шатер,
Мой мир и мой простор.

А у шатра сетей набор —
Рыбацкое шитье.
Топор.

Собака,
И ружье —
Охотничье житье.

Эх, Кама, Кама, Камушка,
Крутые берега,
Спасибо тебе, матушка,
Сердечная река.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

* * *

Нам много ль надо?
Нет: ломоть хлеба,
С ним каплю молока,
А солью будет небо
И эти облака.

* * *

Отрывок

Весеннего Корана
Веселый богослов,
Мой тополь спозаранок
Ждал утренних посллов.
Как солнца рыболов,
В надмирную синюю тоню
Закнувши мрежи,
Он ловко ловит рев волов
И тучу ловит соню,
И летней бурн запах свежий.

Весны пословицы и скороговорки
 По книгам зимним проползли.
 Глазами синими увидел зоркий
 Записки стыдесной земли.

Сквозь полет золотистого мячика
 Прямо в сеть тополиных тенет
 В эти дни золотая мать-мачеха
 Золотой черепашкой ползет.

ПОЭТ

Отрывок

Как осень изменяет сад,
 Дает багрец, цвет синей меди,
 И самоцветный водопад
 Снегов предшествует победе,
 И жаром самой яркой грезы
 Стволы украшены березы,
 И с летней зеленью проститься
 Летит зима глашатай — птица,
 Где тонкой шалью золотой
 Одет откос холмов крутой,
 И только призрачны и наги
 Равнины белые, овраги,
 Да голубая тишина
 Просила слова вещуна, —
 Так праздник масленицы вечной
 Души отрадою беспечной
 Хоронит день недолговечный,
 Хоронит солища низкий путь,
 Зимы бросает наземь ткани
 И, чтобы время обмануть,
 Бежит туда быстрее лани.
 Когда над самой головой
 Восходит призрак золотой
 И в полдень тень лежит у ног,
 Как очарованный зверок,
 Тогда людские рощи босы

Ткут пляски сердцем умиленным
И лица лип сплетают косы
Листов зеленых.
Род человечества, игрою легкою
дурачась, ты,

В себе самом меняя виды,
Зимы холодной смоешь начисто
Пустые краски и обиды.
Иди, весна! Зима, долой!
Греми весеннее трубой!
И человек, иной чем прежде,
В своей изменчивой одежде,
Одетый облаком и иаг,
Цветами отмечая шаг,
Летишь в заоблачную тишь
С весною быстрою сам-друг,
Прославив солнца летний круг...

ПАВЕЛ РАДИМОВ

СЕВЕР

Свой отблеск бросивши в зенит,
Мерцают зимние закаты,
Их пламень желто-розоватый
В тумане сумерек сквозит,

Как исчезающая тайна
Неуловимой красоты.
О, сколько милой простоты
И прелести необычайной
Во всем: в глубоком рыхлом снеге,
В примолкших избах и дворах,
В далеком вскрике, в хрустком беге,
В тычинках, вёшках и кустах,

В пустых однообразных склонах,
В леске, темнеющем едва,
И в распушившихся воронах,
Нагнувших восток кружева.

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Весна застряла в снеговых сугробах,
За непогодой не летят грачи.
Лишь стаи галок, черных, крутолобых,
Кружат в зените заревой парчи.

И рушатся на голые березы
Ватагой, говорливой без ума.
Еще гремят последние морозы,
Еще метет метелица-зима.

Но в каждый вечер золотистой зори,
И дальний лес заметно почернел.
Близка пора, как в полевом просторе
Подымет солнце алый самострел,

И рухнет наст, и струйки лужи талой
Разрыхлят снег, и желтая вода,
Забрав соломы и щепы немало,
Забулькает под корочкою льда.

САМУИЛ МАРШАК

ВЧЕРА Я ВИДЕЛ

Шумят деревья за моим окном.
Для нас они — деревья как деревья,
А для других — укромный, мирный дом
Иль временный привал среди кочевья.

Вчера я видел: съжившись в комок,
На дереве у моего окошка
Сидел хвостатый рыженький зверек
И чистился, чесался, точно кошка.

Лизал он шерстку белую брюшка,
Вертя проворно маленькой головкой.
И вдруг, услышав шорох, в два прыжка
На верхней ветке очутился ловко.

Меж двух ветвей повис он, словно мост,
И улетел куда-то без усилия.
Четыре лапы и пушистый хвост
Ему в полете заменяют крылья.

Моя сосна — его укромный дом
Иль временный привал среди кочевья.
Теперь я знаю: за моим окном
Не только мне принадлежат деревья!

ЛАНДЫШ

Чернеет лес, теплом разбуженный,
Весенней сыростью объят.
А уж на ниточках жемчужины
От ветра каждого дрожат.

Бутонов круглые бубенчики
Еще закрыты и плотны,
Но солнце раскрывает венчики
У колокольчиков весны.

Природой бережно спеленутый,
Завернутый в широкий лист,
Растет цветок в глуши нетронутой,
Прохладен, хрупок и душист.

Томится лес весною раннею,
И всю счастливую тоску,
И все свое благоухание
Он отдал горькому цветку.

* * *

Как поработала зима!
Какая ровная кайма,
Не нарушая очертаний,
Легла на кровли стройных зданий.

Вокруг белеющих прудов —
Кусты в пушистых полушубках.
И проволока проводов
Таится в белоснежных трубках.

Снежинки падали с небес
В таком случайном беспорядке,
А улеглись постелью гладкой
И строго окаймили лес.

* * *

О том, как хороша природа,
Не часто говорят народ
Под этой синью небосвода,
Над этой бледной синью вод.

Не о закате, не о зыбн,
Что золотится вдалеке, —
Народ беседует о рыбе,
О сплаве леса по реке.

Но, глядя с берега крутого
На розовеющую гладь,
Порой одно он скажет слово,
И это слово — «Благодать!»

* * *

Апрельский дождь прошел
впервые,
Но ветер облака унес,
Оставив капли огневые
На голых веточках берез.

Еще весною не одета
В наряд из молодой листвы,
Береза капельками света
Сверкала с ног до головы.

СЧАСТЬЕ

Как празднично сад расцветила сирень
Лилового, белого цвета.
Сегодня особый — сиреневый — день,
Начало цветущего лета.

За несколько дней разделись кусты,
Недавно раскрывшие листья,

В большие и пышные гроздья-цветы,
В густые и влажные кисти.

И мы вспоминаем, с какой простотой,
С какою надеждой и страстью
Искали меж звездочек в грозди густой
Пятилепестковое «счастье».

С тех пор столько раз перед нами цвели
Кусты этой щедрой сирени.
И если мы счастье еще не нашли,
То, может быть, только от лени.

* * *

Ты много ли видел на свете берез?
Быть может, всего только две, —
Когда опушил их впервые мороз
Иль в первой весенней листве.

А может быть, летом домой ты пришел,
И солнцем наполнен твой дом,
И светится чистый березовый ствол
В саду за открытым окном.

А много ль рассветов ты встретил в лесу?
Не больше, чем два или три,
Когда, на былинках тревожа росу,
Без цели бродил до зари.

А часто ли видел ты близких своих?
Всего только несколько раз, —
Когда твой досуг был просторен и тих
И пристален взгляд твоих глаз.

* * *

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льется,
И ловит капли детская рука.

АННА АХМАТОВА

* * *

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземс.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

* * *

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
И песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

* * *

Отрывок

Все мне видится Павловск холмистый,
Круглый лес, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь.
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдно рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

* * *

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища бессмертного труда.

Спокойной и уверенной любви
Не перевозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне — как льдинка в пенном вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

* * *

Отрывок

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд...

* * *

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий, —
Мне утешенье и благая весть.

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживает,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,

И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царскосельского пруда.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажн,
Хвоя, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,

Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — свою.

НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ

ПЕСНЯ О СОЛОВЬЯХ

Апрель окреп и потонул в лучах
И бьется голубем ко мне в подвал;
А я хочу вам спеть о соловьях,
О соловьях, которых не слышал.

Но только двор и снывы кусок,
И грязь цветет, н в золоте ручьи, —
По ним мальчишкой гнал я корабли,
Гнал на коленках, не жалея щек.

И ночью плыл большущий мой корабль,
А я в песках, я на коне скакал,
И утром плесень, солнечная рябь,
И утром не гудок гудел, а выл шакал.

Послушно шли большие на тот вой,
А я — к ручьям на двор, на грязь в цветах,
Но это все опять о мостовой,
Ведь я хотел вам спеть о соловьях.

Это раз, но было со мной:
Синева разгорелась кругом,
И под этой под синевой
Только рожь — золотым ковром.

А потом, когда волосы мать
Рассыпала дождем по плечам,
Золотилась рожью кровать
И подвал обливался в лучах.

Вырос я и послушен гудку,
Только ночью ждут губы дня маету,
Да вверху по тому же кусту
Звезды горсткой сверлят темноту.

На дворе я? Нет, в темном пахучем саду,
Полон он соловьев и гремящего сна.
Я в доспехах сверкаю, я рыцарем с нею
пройду,
Не помойкой — розами душист весна.

Вот почему, когда окошка сеть
Втянула голубя ко мне в подвал,
Мне хочется о соловьях вам спеть,
О соловьях, которых не слышал.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

СНЕГИРИ

Тихо-тихо сидят снегири на снегу
меж стеблей прошлогодней крапивы;
я тебе описать до конца не смогу,
как они и бедны, и красивы!

Тихо-тихо клюют на крапиве зерно, —
без кормежки прожить не шутки! —
пусть крапивы зерно, хоть не сытно оно,
да хоть что-нибудь будет в желудке.

Тихо-тихо сидят на снегу снегири —
на головках бобровые шапочки;
у самца на груди отраженье зари,
скромно-серые перья на самочке.

Поскакали вприпрыжку один за другой
по своей подкрапивенской улице;
небо взмыло над ними высокой дугой,
снег последней поземкою курится.

И такая вокруг снегирей тишина,
так они никого не пугаются,
и так явен их поиск скупого зерна,
что понятно: весна надвигается!

ИВА

У меня на седьмом этаже, на балконе, — зеленая ива.
Если ветер, то тень от ветвей ее ходит стеной;
это очень тревожно и очень вольнолюбиво —
беспокойство природы, живущее рядом со мной!

Ветер гнет ее ветви и клонит их книзу ретиво,
словно хочет вернуть ее к жизни обычной, земной,
но — со мной моя ива, зеленая гибкая ива,
в леденящую стужу и неутоляемый зной...
Критик мимо пройдет, ухмыльнувшись

презрительно-криво:

«Эко диво! Все ивы везде зеленеют весной!»
Да ведь не на седьмом же! И это действительно — диво,
что, расставшись с лесами, она поселилась со мной!

БОРИС ПАСТЕРНАК

СТЕПЬ

Отрывок

Как были те выходы в степь хороши!
Безбрежная степь, как марина.
Вздыхает ковыль, шуршат мураши,
И плавает плач комариный.

Стога с облаками построились в цепь
И гаснут, вулкан на вулкане.
Примолкла и взмокла безбрежная степь,
Колеблет, относит, толкает.

.

Туман снотворен, ковыль, как мед.
Ковыль всем Млечным Путем рассорён.
Туман разойдется, и ночь обоймет.
Омет и степь с четырех сторон.

Теиистая полночь стоит у пути,
На шлях навалилась звездами,
И через дорогу за тын перейти
Нельзя, не топча мирозданья...

ИНЕЙ

Глухая пора листопада,
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.

Пусть ветер, рябину занянчив,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.

Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед.
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет.

Все обледелено с размаху
В папaxe до самых бровей
И крадущейся росомахой
Подсматривает с ветвей.

Ты дальше идешь с недоверьем.
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь иней сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаша видна.

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

СОСНЫ

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.

Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся и слова
Меняем позы и места.

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болезней, эпидемий
И смерти освобождены.

С намеренным однообразием,
Как мазь, густая синева
Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава.

Мы делим отдых красполесья,
Под копошенье мураша
Сосновою снотворной смесью
Лимона с ладаном дыша.

И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,
И мы так долго рук не вынем
Из-под заломленных голов,

И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится все время мне.

Там волны выше этих веток,
И, сваливаясь с валуна,
Обрушивают град креветок
Со взбаламученного дна.

А вечерами за буксиром
На пробках тянется заря
И отликает рыбьим жиром
И мглистой дымкой янтара.

Смеркается, и постепенно
Луна хоронит все следы
Под белой магиею пены
И черной магией воды.

А волны все шумней и выше,
И публика на поплавке
Толпится у столба с афишей,
Неразличимой вдалеке.

ХЛЕБ

Ты выводы копишь полвека,
Но их не заносишь в тетрадь,
И если ты сам не калека,
То должен был что-то понять.

Ты понял блаженство занятий,
Удачи закон и секрет.
Ты понял, что праздность — проклятье
И счастья без подвига нет.

Что ждет алтарей, откровений,
Героев и богатырей
Дремучее царство растений,
Могучее царство зверей.

Что первым таким откровеньем
Остался в сепленьи судеб
Прапращуром в дар поколеньям
Взращенный столетьями хлеб.

Что поле во ржи и пшенице
Не только зовет к молотбе,
Но некогда эту странцу
Твой предок вписал о тебе.

Что это и есть его слово,
Его небывалый почин
Средь круговращения земного,
Рождений, скорбей и кончин.

СТОГА

Снуют пунцовые стрекозы,
Летят шмели во все концы,
Колхозницы смеются с возу,
Проходят с косами косцы.

Пока хорошая погода,
Гребут и ворошат корма
И складывают до захода
В стога величinous с дома.

Сток принимает на закате
Вид постоянного двора,
Где ночь ложится на полати
В накошенные клевера.

К утру, когда потемки реже,
Сток высится, как сеновал,
В котором месяц мимоезжий,
Зарывшись, переночевал.

Чем свет телега за телегой
Лугами катятся впотьмах.
Наставший день встает с ночлега
С трухой и сеном в волосах.

А в полдень вновь синюют выси,
Опять стога, как облака,
Опять, как водка на анисе,
Земля душиста и крепка.

СНЕГ ИДЕТ

Отрывок

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и все в смятенье,
Все пускается в полет, —
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака...

ОСЕННИЙ ЛЕС

Осенний лес заволосател.
В нем тень, и сон, и тишина.
Ни белка, ни сова, ни дятел
Его не будят ото сна.

И солнце, по тропам осенним
В него входя на склоне дня,
Кругом косится с опасеньем,
Не скрыта ли в нем западня.

В нем топи, кочки и осины,
И мхи, и заросли ольхи,
И где-то за лесной трясинной
Поют в селенье петухи.

Петух свой окрик прогорланит,
И вот он вновь надолго смолк,

Как будто он раздумьем занят,
Какой в запевке этой толк.

Но где-то в дальнем закоулке
Прокукарекает сосед.
Как часовой из караулки,
Петух откликнется в ответ.

Он отзовется, словно эхо,
И вот, за петухом петух
Отметят глоткою, как вехой,
Восток и запад, север, юг.

По петушиной перекличке
Расступится к опушке лес
И вновь увидит с непривычки
Поля и даль и синь небес.

ВСЕ СБЫЛОСЬ

Дороги превратились в кашу.
Я пробираюсь в стороне.
Я с глиной лед, как тесто, квашу,
Плетусь по жидкой размазие.

Крикливо пролетает сойка
Пустующим березняком.
Как неготовая постройка,
Они высится порожняком.

Я вижу сквозь его пролеты
Всю будущую жизнь насквозь.
Все до мельчайшей доли сотой
В ней оправдалось и сбылось.

Я в лес вхожу, и мне не к спеху.
Пластами оседает наст.
Как птице, мне ответит эхо,
Мне целый мир дорогу даст.

Среди размокшего суглинка,
Где обнажился голый грунт,
Щебечет птичка под сурдинку
С пробелом в несколько секунд.

Как музыкальную шкатулку,
Ее подслушивает лес,
Подхватывает голос гулко
И долго ждет, чтоб звук исчез.

Тогда я слышу, как верст за пять,
У дальних землемерных вех
Хрустят шаги, с деревьев капит
И шлепается снег со стрех.

ПАХОТА

Что случилось с местностью всегдашней?
С земли и неба стерта граиь.
Как клетки шашечницы, пашин
Раскинулись, куда ни гляиь.

Пробороненные просторы
Так гладко улеглись вдали,
Как будто выровняли горы
Или равнину подмели.

И в те же дни единым духом
Деревья по краям борозд
Зазеленели первым пухом
И выпрямились во весь рост.

И ни соринки в новых кленах,
И в мире красок чище нет,
Чем цвет берез светло-зеленых
И светло-серых пашен цвет.

ВЕРА ИНБЕР

* * *

Скупа в последней четверти луна,
Встает неласково, зарей гонима,
Но ни с какой луною не сравнима
Осенней звездной ночи глубина.

Не веет ветер. Не шумит листва.
Молчание стоит подобно зною.
От Млечного Пути кружится голова,
Как бы от бездны под ногою.

Неслышима никем, проносится звезда,
Пересекая путь земного взгляда,
И страшен звук из темной глубины сада,
Вещающий падение плода.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
МОСКОВСКИЙ ДОЖДИК

...Он подает куда как скупо
Свой воробьиный холодок —
Немного нам, немного купам,
Немного вишням на лоток.

И в темноте растет кипенье —
Чайник легкая возня, —
Как бы воздушный муравейник
Пирует в темных зелeneaх.

И свежих капель виноградник
Зашевелился в мураве, —
Как будто холода рассадник
Открылся в лапчатой Москве!

РЮРИК ИВНЕВ

ОДУВАНЧИК

Только дунь, и его не станет.
Но зачем на него мне дуть?
Это может смертельно ранить
Самого меня прямо в грудь.

Потому, как резвящийся мальчик,
Незнакомый еще с бедой,
Я тихонько сорвал одуванчик
И поставил в стакан с водой.

Он казался мне прямо чудом
Среди многих земных чудес,
Что лежат неразобранной грудой
От травинок до самых небес.

Окруженный воздушною пеной,
Защищенный от ветерка,
Он казался послем Вселенной,
Перекинутым через века.

Так случайно или не случайно
С детских лет мне знакомый цветок
Искрой самой глубокой тайны
Осветить мое сердце смог.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Ты медленно проходишь по дорогам,
Как сторож, совершающий обход.
Никто не знает, что твоя тревога
К истокам мироздания ведет.

Ты созерцаешь листья на деревьях,
Подернутые темной желтизной,
И вспоминаешь древние кочевья
И кости, озаренные луной.

Ты видишь все: и крепости старинной
Веками завоеванный покой,
И пену белоснежную стремнины,
И юный лик, и профиль восковой.

Ты слышишь то, что никому не слышно:
И плач земли, и вздохи черных скал,
И в облаках, от риз заката пышных,
Находишь то, чего и не искал.

Август — астры,
Август — звезды,
Август — грозди
Винограда, и рябины
Ржавой — август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! — Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных —
Август! — Месяц
Ливней звездных!

Два дерева хотят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый,
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, — смотреть жестоко,
Как тянется — к тому, другому,
Что старше, стойче и — кто знает? —
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем — еще под снегом —
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

* * *

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер — в гекзаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

СЕРГЕЙ ОБРАДОВИЧ

БЕРЕЗКА

На кровлю семя ветром занесло,
В расщелине гранитных плит запало,
Весной под солнцем щедрым проросло
Березкой над стремительным провалом.

Дымились трубы... Ни ручья, ни трав,
Ни помощи. Кто вскинет взор пытливый?
Согбенные трудом, к земле припав,
Проходят горожане торопливо,

Не ведая, как, задыхаясь в зной,
Она корнями раздирала камень
За каплю влаги, как пред вьюгой злой,
Оледенев, металася над нами,

Чтоб вновь навстречу солнцу и весне
Зазеленеть над почвой скудной, черствой...
До гроба так бы сохранить и мне
То жизнелюбие и то упорство.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штуки:

от первой до третьей — люди,
четвертая была верблюдик.

К ним, любопытством объята,
по дороге пристала пятая,

от нее в неба синем лоне
разбежались за слоником слоник.

И, не знаю, спустила шестая ли,
тучки взяли все — и растаяли.

И следом за ними, гонясь и сжирав,
солнце погналось — желтый жираф.

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС

Страшное у меня горе.
Вероятно —

лишусь сна.

Вы понимаете,
вскоре

в РСФСР
придет весна.

Сегодня
 и завтра
 и веков испокон
 шатается комната —
 солнца пропойца.
 Невозможно работать.
 Определению обеспокоен.
 А ведь откровенно говоря —
 совершенно не из-за чего беспокоиться.
 Если подойти серьезно —
 так-то оно так.
 Солнце посветит —
 и пройдет мимо.
 А вот попробуй —
 от окна оттяни кота.
 А если животное интересуется улицей,
 то мне
 это —
 просто необходимо.
 На улицу вышел
 и встал в лени я,
 не в силах...
 не сдвинуть с места тело.
 Нет совершенно
 ни малейшего представления,
 что ж теперь, собственно говоря, делать?!
 И за шиворот
 и по носу
 каплет безбожно.
 Слушаешь.
 Не смахиваешь.
 Будто стих.
 Юридически —
 куда хочешь идти можно,
 но фактически —
 сдвинуться
 никакой возможности.
 Я, например,
 считаюсь хорошим поэтом.
 Ну, скажем,
 могу
 доказать:
 «самогои — большое зло».

А что про это?

Чем про это?

Ну нет совершенно никаких слов.

Например:

город советские служащие искрапнили,
приветствуй весну,

ответь салютно!

Разучились —

нечем ответить на капли.

Ну не могут сказать

ни слова.

Абсолютно!

Стали вот так вот —

смотрят рассеянно.

Наблюдают —

скалывают дворники лед.

Под башмаками вода.

Бассейны.

Сбоку брызжет.

Сверху льет.

Надо принять какие-то меры.

Ну не знаю что, —

например:

выбрать день

самый синий,

и чтоб на улицах

улыбающиеся миллионеры

всем

в этот день

раздавали апельсины.

Если это дорого —

можно выбрать дешевле,

проще.

Например,

чтоб старики,

безработные,

неуважаемая детвора

в 12 часов

ежедневно

собирались на Советской

площади,

троекратно кричали б:

ура!

ура!

ура!

Ведь все другие вопросы

более или менее ясны.

И относительно хлеба ясно,

и относительно мира ведь.

Но этот

кардинальный вопрос

относительно весны

нужно

во что бы то ни стало

теперь же урегулировать.

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Я

два месяца

шатался по природе,

чтоб смотреть цветы

и звезд огнишки.

Таковых не видел.

Вся природа вроде

телефонной книжки.

Везде —

у скал,

на массивном грузе

Кавказа

и Крыма скалоликого,

на стенах уборных,

на небе,

на пузе

лошади Петра Великого,

от пыли дорожной

до гор,

где грозы

гремят,

грома потрясав, —

везде

отрывки стихов и прозы,

фамилии
и адреса.
«Здесь были Соня и Ваня Хайлов.
Семейство ело и отдыхало»,
«Коля и Зина
соединили души».
Стрела
и сердце
в виде груши.
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Комсомолец Петр Парулайтис».
«Мусью Гога,
парикмахер из Таганрога».
На кипарисе,
стоящем века,
весь алфавит:
а б в г д е ж з к.
А у этого
от лазанья
талант иссяк.
Превыше орлиных зон
просто и мило:
«Исаак
Лебензон».
Особенно
людей
винить не будем.
Таким нельзя
без фамилий и дат!
Всю жизнь канцелярствовали,
привыкли люди.
Они
и на скалу
глядят, как на мандат.
Такому,
глядящему
за чаем
с балкона,
как солнце
садится в чаще.
ни восход,
ни закат,
а даже солнце —

входящее
и исходящее.
Эх!
Поставь меня
часок
на место Рыкова,
я б
к весне
декрет железный выковал:
«По фамилиям
на стволах и скалах
узнать
подписавшихся малых.
Каждому
в лапки
дать по тряпке.
За спину ведра —
и марш бодро!
Подписавшимся
и Колям
и Зинам
собственные имена
стирать бензином.
А чтоб энергия
не пропадала даром,
кстати и Ай-Петри
почистить скипидаром.
А кто
до того
к подписям привык,
что снова
к скале полез, —
у этого
навсегда
закрывается лик-
без».
Под декретом подпись
и росчерк броский —

Владимир Маяковский.

АЛЕКСАНДР ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

ЛАНИ

Закрутило, засвистало,
Снегом сеяло-мело,
А потом метель устала,
Горы выбелив бело.

И к утру мороз хороший
Затрещал по всем лесам.
Заковал он в лед порошу
И узором расписал.

Каждый кустик на поляне
В кружевах и серебре.
И идут в сугробах лани
Друг за другом на заре.

Проложить им нужно тропы
В этой толще снеговой
Сквозь высокие сугробы,
Наметенные пургой

Первой лани утром ранним
Всех труднее впереди
Стену белую таранить,
Что встает на их пути.

И когда сменяться надо —
Лань с тропы слегка свернет
И в конце пристанет стада,
Отдыхая в свой черед.

Та, что следом шла за нею,
Раздувая шумно грудь
И вытягивая шею,
Пробивает дальше путь.

Так, безмолвным уговором
Поделив тяжелый труд,
По снегам в ущелье горном
Лани медленно идут.

ДМИТРИЙ СЕМЕНОВСКИЙ

ЛИЦО ЗЕМЛИ

Долго шли мы сечами, полями.
Ветерок трепал вихры овса.
Хмурыми широкими бровями
Синие вдали сошлись леса.

Как морщинка тихой долгой думы,
Пролегла лощинка по полям.
На холме под лиственные шумы
Прислонились избы к тополям.

В молодом порыве ты сказала:
— Милая земля! — И вдруг, припав
К холодку тропы, поцеловала
Шелковинки придорожных трав.

Красота родных раздолий с детства
Дорога нам, но и до сих пор
Мы не можем вдоволь наглядеться
На широкий северный простор.

Любим зиму, радуемся лету,
Росту злаков, ягод и грибов
И утратим только с жизнью эту
Теплую и верную любовь.

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

* * *

Есть между всех очарований
Неповторимое одно, —
Когда привычное название,
Слогов коротких сочетание
В живую жизнь превращено.

Я помню: поле, ветер, травы,
Веселье длительной езды...
И вдруг — как песня старой славы —
Пред нами вспыхнули Полтавы
Белоголовые сады.

Я помню острую тревогу
Сильней, чем счастье, во сто крат, —
Ту первую мою дорогу
В морозном утреннике строгом
В не виденный мной Ленинград.

Уже порядком накрепилась
Моей судьбы непрочной ось,
И многое уже отснилось,
Полузабылось, изменилось,
Но все же, все ж мне довелось

Сбежать по пристани в Касимов,
По узкой улочке пройти,
В ребячестве неугасном
Набрать каких-то некрасивых
Репьев колючих по пути.

Мне довелось сквозь ветви пшата
Увидеть близко, наяву,
Две древних кровли Арарата
И разглядеть и склон щербатый
И даже блеклую траву.

Все то, что именем звенело
На картах, в кингах и речах,
Мне воздухом ласкало тело,
Кустарникам шелестело,
Хрустело пылью на зубах.

Моя неверная подруга,
О память, подожди, оставь,
Не заматай седую вьюгой
Тех дней, когда сошлись два друга —
Воображение и явь.

КРАСОТА

Я не о том, что красота порою
Видна сквозь неприглядные черты,
Что не нужны поэту и герою
Приметы величавой красоты.

Я не о том. Но вот какое диво:
Душа горит всегда сильнее, когда
Прекрасное бывает некрасиво
И пышности в нем не найдешь следа.

Нередко и в природе, и в искусстве
Скупая грубоватость манит нас,
Овражек да седой польми кустик
Милее пестрых цветников подчас.

Огромный парк прохладный и парадный,
В магнолиях и розах берега...
А я люблю природу не нарядной,
А мне совсем другая дорога.

Не оттого ль, что некогда, девчонкой,
В одном из бедных русских городов
Я не рвала над узкою речонкой
Красивее, чем курослеп, цветов.

Не оттого ль, что по крутым дорогам
Шагали все мы в поисках тепла,
Учились видеть многое в немногом —
Ведь жизнь не очень щедрою была!

Наверное, нас приучило время
К обличию суровой простоты,
И я ищу и в жизни, и в поэме
Прекрасной — не красивой — красоты.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

БЕРЕЗА

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.
Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.
Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.
Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.
Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.
У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Теиькает сииница
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родиой!..

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

ТАБУН

Отрывок

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.

Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

* * *

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору.
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

* * *

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговнами
По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестинных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.

На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет или петух?
Может, вместо зны на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами нив.

Я поклялся родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листья целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

* * *

Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замирающим летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самым плечам
Заголил на березке подол.

И в душе, и в долине прохлада,
Синий сумрак — как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость —
Все любя, ничего не желать?

* * *

Душа грустит о небесах,
Она нездешних ив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осиям, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, злотающихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

* * * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком.
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад полыхнет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю, — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, —
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю व्यюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме व्यюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинов также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы, —
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь доли, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахинись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —
Но косою выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках — песня, в этих строчках — слово,
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живет на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоншь, нагнувшись, под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

ГРОЗА

Трава осыпана дождем,
Прозрачным, искрометным блеском;
Как будто ткань рванули с треском,
За тучей вспыхивает гром.

Гроза уходит в край иной,
Но все ее вливает жадно.
Мир обновленный, мир прохладный,
Как на ладони предо мной...

А ты, в себе найдешь ли ты,
Пробуждена дождем и громом,
Как в мире чистом, незнакомом,
Неискаженные черты?

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

ОСЕНЬ

По житвам, по дачам, по берегам
Проходит осенний зной.
Уже необычное по иочам
За хатами синий вой.
Да здравствует осень!
Сады и степь,
Горючий морской песок
Пропитаны ею, как черствый хлеб,
Который в спирту размок.
Я знаю, как тропами мрак прошит,
И полиночь пуста, как гроб;
Там дичь и туман
В травяной глуши,
Там прыгает ветер в лоб!
Охотничьей ночью я стану там,
На пыльном кресте путей,
Чтоб слушать размашистый плеск и гам
Гонимых на юг гусей!
Я на берег выйду:
Густой, густой
Туман от соленых вод
Клубится и тянется над водой,
Где рыбий косяк плывет.
И ухо мое принимает звук,
Гудя, как пустой сосуд;

И я различаю:
На юг, на юг
Осетры плывут, плывут!
Шипенье подводного песска,
Неловкого краба ход,
И чаек полет, и пробег бычка,
И круглой медузы лед.
Я утра дождусь...
А потом, потом,
Когда распахнется мрак,
Я на гору выйду...
В родимый дом
Направлю спокойный шаг.
Я слышал осеннее бытие,
Я море узнал и степь,
Я свистищу собаку, возьму ружье
И в сумку засушу хлеб...
Опять упадет осенний зной,
Густой, как цветочный мед, —
И вот над садами и над водой
Охотничий день встает...

СТАНСЫ

Он трудится не покладая рук,
Сачком выгребая икру.
Он видит, как в студии точка растет:
Жабры, глаза и рот.

Он видит, как начинается рост,
Как возникает хвост,
Как первым движением плывет малек
На водяной цветок.

И эта крупинка любви дневной,
Этот скупой осколок
В потемки кровей, в допотопный строй
Вводит тебя, ихтиолог.

Над жирыми водами встал туман,
Звезда над кустом косматым, —
И этот малек, как левиафан,
Плывет по морским закатам.

И первые ветры, и первый прибой,
И первые звезды над головой.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Отрывок

Мне было только семнадцать лет,
Поэтому эта ночь
Клубилась во мне и дышала мной,
Шагала плечом к плечу.

Я был ее зеркалом, двойником,
Вторую вселенной был.
Планеты пронизывали меня
Насквозь, как стакан воды,
И мне казалось, что легкий свет
Сочится из пор, как пот.

Трамвайную станцию я прошел.
За ней, невесом, как дым,
Асфальтовый путь улетал, клубясь,
На запад — к морским волнам.

И вдруг я услышал протяжный звук:
Над миром плыла труба,
Изнывая от страсти. И я сказал:
«Вот первые журавли!»

Над пылью, над молодостью моей
Раскатывалась труба,
И звезды шарахались, трепеща,
От взмаха широких крыл.

Еще один крутой поворот —
И море пошло ко мне,
Неся на себе обломки планет
И тени пролетных птиц.

Была такая голубизна,
Такая прозрачность шла,
Что повториться в мире опять
Не может такая ночь.

Она поселилась в каждом кремне
Гнездом голубых лучей;
Она превратила сухой бурьян
В студёные хрустали;
Она постаралась вложить себя
В травинку, в песок, во все —
От самой отдаленной звезды
До бутылки на берегу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кто слышал раковины пенье,
Бросит берег и уйдет в туман;
Даст ему покой и вдохновенье
Окруженный ветром океан...

Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,
Тот пойдет дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Так и я...
Мое перо писало,
Ум выдумывал,
А голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...

И вдаль, на берегу широком
О песок ударилась волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...
Буду скучным я или не буду —
Все равно!

Отныне я другой...
Мне матросская запела удаль,
Мне трещал костер береговой...

Ранним утром
Я уйду с Дальнишкой.
Дынь возьму и хлеба в узелке,

Я сегодня
Не поэт Багрицкий,
Я — матрос на греческом дубке...

Свежий ветер закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернется парусом бумага,
УкрепитсЯ мачтою перо...

Этой осенью я понял снова
Скуку поэтической нужды;
Не уйти от берега родного,
От павлиньей,
Радужной воды...

Только в море —
Бесшабашней пенье,
Только в море —
Мой разгул широк.
Подгоняй же, ветер вдохновенья,
На борт накренившийся дубок...

ВЕСНА, ВЕТЕРИНАР И Я

Отрывок •

Скворец распинается на шесте.
Земля — как из бани. И ветра нет.
Над мелкими птицами
В пустоте
Постукиванье булыжных планет,
И гуси летят к водяной стране;
И в город уходят служителя;
С громадными звездами наедние
Семенем истекает земля.

(Вставай же, днтя работы,
Взволнованный и босой,
Чтоб взять этот мир, как соты,
Обрызганные росой.
Ах! Вешних солнц повороты,
Морей молодой прибой.)

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

* * *

Заблудилась меж сосен звезда,
Стылой льдинкой высоко сверкая.
Что дана ей прозрачность такая,
Я и думать не мог никогда,

Вспомниаю ее, узнаю,
Рад я встрече, неожиданной и краткой...
Но глядит она в душу мою
И тревожной, и странной загадкой.

Что могу я сказать ей в ответ?
Разве то, что увидимся вскоре
Там, где больше и времени нет,
А одно только звездное море...

Но рождались когда-то слова,
Неподвластные уничтоженью,
И Земля наша тоже права,
Что не хочет стать смутною тенью.

На нее тоже кто-то глядит
Из бездонного сада вселенной,
И такой же звездою горит
Лик ее красоты неизменной!

ИЗ ОКНА

(Март)

Тропу к занесенным воротам,
Берез опушенный наряд
Из рамы с тройным переплетом
Впустил в мою комнату сад.

И радуюсь я в первопутке
Тебе, молодая заря,
Когда ты алеешь на грудке
Качнувшего куст снегиря.

И сухости рад я колючей
В сыпучей сквозной тишине,
И синей, сползающей с кручи
Морозной и хрупкой весне.

Мне б тоже на эти ступени
За тонкою пленкой стекла
Густою лиловою тенью
Прочерчено лечь от ствола!

Мне б тоже иголками жалить
Прохладную розовость щек,
Ломать чуть хрустящую наледь
На скользком раскате дорог,

Глядеть, как заря, догорая,
Плетет облаков волокно,
А птицы в соломе сарая
Клюют торопливо зерно!

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

* * *

Не заглушить, не вытоптать года, —
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

БОЛОТНЫЙ ЛЕС

Лес переполнен духотой,
Храпят седые валуны,
Хрустят хвои да плауны
Своей зеленой темнотой.

Но сладковато вьется жуть,
Когда шагнешь и, точно мыло,
Болото вспенишь, ноги в муть
Уходят, чавкая постыло.

И холод бьется под ногой,
А сверху, над моим кочевьем,
Висят мякиною рябой
От жара тусклые деревья.

Но я на слух, я наизусть
Учу на ощупь леса кручи,
Чтоб эту дичь и этот хруст
Одеть одеждою гремучей.

И я сегодня рад как раз
Пути по дебрям простодушным,
Где костяники красный глаз,
Окостеневший равнодушно,

Глядят в лесную кутерьму
На разноцветное господство,
Где я когда-нибудь пойму
Его скупое превосходство.

ДОЖДЬ

Работал дождь. Он стены сек,
Как сосны с пылу дровосек,
Сквозь меховую тишину,
Сквозь простоту уснувших рек
На город гнал весну.

Свисал и падал он точней,
Чем шаг под барабан,
Ворча ночью воркотней,
Светясь на стеклах, в желобах,
Прохладных капель беготней.

Он вымыл крыши, как полы,
И в каждой свежест занозил,

Тут огляделся — мир дремал,
Был город сделан мастерски:
Утесы впаяны в дома.

Пространства поворот
Блестел бескрайнею дугой.
Земля, как с Ноя, как сначала,
Лежала спящей мастерской,
Турбиной, вдвинутой в молчанье.

ЦИНАНДАЛИ

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Предо мною у пучины
Виноградарственных рек
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный,
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину,
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты нежных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал.

Потому что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому что поселиться
В этом крае я не мог.

Потому что я прохожий,
Легкой тени полоса,
Шел, на скалы не похожий,
Не похожий на леса.

Я прошел над Алазанию,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

ЧАС ТИШИНЫ

Настала тишина,
Не шелохнется ива,
Не плещется волна
И не трепещет ива.

И братья муравьи,
И наши сестры пчелы,
Верша дела свои,
Прервали труд тяжелый.

Ну, просто тишину
Природа предписала,
В ее чудес страну
Пока проникли мало.

Не знаем мы пока,
Что в ульях пчелам снится,
Какие там века?
Какие летописцы?

Все стихло, может быть,
Перед землетрясеньем,
И всех предупредить
Должна в своих владеньях.

Мы в этом не сильны,
И нам гордиться нечем.
Есть время тишины
И в жизни человечьей.

Ждет мир, в тиши влачась,
В безвыходном покое, —
Что дал нам этот час:
Открытие мировое?

Иль музыкальный шквал?
Поэмы чудо-строфы?
Иль сердце мира сжал
Пред новой катастрофой?

* * *

Здесь мы, родясь когда-то,
Вошли душой и телом
И в невские закаты,
И в счастье ночи белой.

Здесь поднимали чаши
Сердечного порыва,
Шуршали лыжи наши,
Скользя по льду залива.

Мы жили, мы любили
Хорошею любовью,
И нам сады светили
Своей осенней кровью.

И нам сияли песни
И вы, родные лица.
Когда умрем — воскреснем,
Чтоб снова здесь явиться.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

КАМЕНЬ

Он вырос у рыжего взморья,
Огромный, тяжелый валун,
Такого и солнце не сморит,
Не смоют и тысячи лун.

Что помнится микроцефалу
Под хвоей белесых бровей?
Как пена его целовала?
Как портер гудел в голове?
Как волны, дробившие гравий,
Шли с бешенством в белых глазах
И гибли, своих биографий
Пред гибелью не досказав?

Он вырос тупицей и высох,
Стал мрачен, скуласт и высок,
Следил, как на мелях и мысах
Хрустел сероватый песок.

Он слышит, что, как марсиане,
На доках сирены вопят.

Он чист, потому что сияньем
Полярным обрызган до пят.

Он рад, что какому-то юнге
Казался он богом. Он горд,
Что были вчера Нибелунги,
Норманны, и Нансен, и Норд.

ИЛЬЯ МУХАЧЕВ

СЕРЕБРЯНАЯ ВОДА

Уже рассвет подернул синью скалы,
Широкый гул разлился по лесам,
А песнь моя еще не умолкала,
И мой костер еще не погасал.

Мне весело. Прошла моя усталость —
И кровь свежа, и мускулы тверды.
Я праздную в кругу лесных фиалок
Открытие серебряной воды.

Недаром я окрестные лощины,
Куски камней разглядывал в упор.
Недаром я взбирался на вершинны,
Чаган-Узун*, твоих высоких гор.

Где ни травы, ни лиственниц, ни елей,
Где, россыпью зеленых льдин звеня,
Сметая снег, морозные метели
Со всех сторон бросались на меня.

Шли облака, и наступала темень,
Но, вихрями над крутизной не сбнт,
На склоне я, разбрасывая щебень,
Закладывал под камни диннамнт.

* На Алтае.

И вот на дне расселины глубокой,
Где розовый еще виднелся дым,
Вдруг киноварь густым кровоподтеком —
Желанный след серебряной воды —

Сквозь желтизну на камне проступила...
И мне тогда в ложбине ледяной
Почудилось, что не метель клубилась,
А горняки по склону шли в забой...

Вот почему в кругу лесных фиалок,
Вблизи ручья, снеговых скал
И песнь моя всю ночь не умолкала,
И мой костер всю ночь не угасал.

В ЛЕСУ

Смолой и солнцем пахнет хвоя,
Замолкнув, сосны дремлют стоя;
Сверкают на затылках пней
Серебряные капли зноя;
Березы, полные покоя,
Чуть дышат зеленью своей,
И слышно, как, жилище строя,
Шуршит быллинкой муравей.

ВАСИЛИЙ КАЗИН

БАЙДАРСКИЕ ВОРОТА

Автомобиль рванул — и за спиной,
С полусемейной флотской старинной,
Отбитый пылью, скрылся Севастополь...
И взор — нетерпеливою струной:
Скорей бы море вскинуло волной,
Чтоб осрамить пред пышною страной
Всей оглушительною вышиной
И кипарис и тополь!
Летим — и словно Крым зачах,
Летим — и, словно в обручах,
Мы в кряжах кружим ожиданье:
Да скоро ль примет волн качанье?
Летим — и прямо на плечах
Громады скал... Коснись — и трах!
Летим, поддразнивая страх,
То под горами, то на горах, —
И хоть бы моря дальнее мерцанье!
Уже черствится Крыму порицанье...
Летим, летим... Резвится пыльный прах...
Летим, летим — и впопыхах
В пролет ворот и — ой! и — ах!
Ах! — и в распахнутых глазах
Пространств блистательный размах,
Пространств морское восклицанье!

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

О РОДИНЕ

За что я родину люблю?
За то ли, что шумят дубы?
Иль потому, что в ней ловлю
Черты из собственной судьбы?

Иль попросту, что родился
По эту сторону реки —
И в этой правде тайна вся
Всем рассуждениям вопреки

И, значит, только оттого
Забить навеки не смогу
Летучий снег под рождество
И стаю галок на снегу?

Но если был бы я рожден
Не у реки, а за рекой —
Ужель душою пригвожден
Я был бы к родине другой?

Ну, нет! Родись я даже там,
Где пальмы дальние растут,
Не по судьбе, так по мечтам
Я жил бы здесь! Я был бы тут!

Не потому, что здесь поля
Пшеницей кланяются мне,
Не потому, что конопля
Вкруг дуба ходит в полусне,

А потому, что только здесь.
Для всех племен, народов, рас,
Для всех измученных сердец
Большая правда родилась.

И что бы в мире ни стряслось,
Я знаю: вот она, страна,
Которую за дымкой слез
Искала в песнях старина.

Твой путь, республика, тяжел.
Но я гляжу в твои глаза...
Какое счастье, что нашел
Тебя я там, где родился!

НИКОЛАЙ УШАКОВ

ОСЕНЬ

И тучи,
и пасмурно снова,
и ливни шумят и секут.
Спасибо за теплое слово,
за несколько ясных секунд.

За то,
что на миг улыбулась
вся в солнце акация мне,
что ветками вдруг потянулась
к открывшейся голубизне.

Спасибо за аистов стаю
в мгновенном луче между туч.
Спасибо за все,

что я знаю,
за все,
что поведал мне луч.

За все,
что лишь миг продолжалось,
по мысль увлекло на года.

За все,
что навеки осталось,
хотя и ушло навсегда.

ЛЕСОПОСАДКА

Сети в море...
И дежурит чайка
на высоком камешке морском,
будто чайка —
сосенок хозяйка,
намечающихся над песком.
Я иду меж ними аккуратно:
малый всход, прохожий, берег, —
будет вспомнить дереву приятно
осторожные
твой шаг.

НА ЛУНЕ

Ночь тележку нашу обнимает.
Острый хаос
скрыт холодной тьмой.
Щеки ящера не раздувает.
К каменной гряде
не припадает,
не взлетает
мотылек ночной.

Чайки нет,
и селезень не кричит.
И на берегах пустых морей
дальнее окошко не маячит,
дети в темных комнатах не плачут
и своих не будят матерей.

Все молчит от века и до века.
И ей снятся

наши небеса,
ровная рысца
лошадки пегой,
мягкая дорога
и телега —
теплый колос
возле колеса.

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

ВОЗЧИКИ ВЕЗУТ ЛЕД

Шумит апрель. Весь в каплях Синеж.
С реки идут со льдом воза.
Рогожу мокрую откинешь —
прозрачный лед глядит в глаза.

Река.
В ней булькали багры,
блестели звездные миры
до ранней утренней поры.

Щеглы в орешинке свистели.
Потом — зима, мели метели.

И вот со льдом идут воза.
Рогожу мокрую откинешь —
прозрачный лед глядит в глаза...
Апрель. Весь в каплях город Синеж.

* * *

Была недолгой жизнь цветка.
Зима. Метельница метет.
Буря влетает в сени.
Но аромат цветка живет
в сухом колхозном сене,

в струе парного молока
звенит степная жизнь цветка.
И если песня хороша —
любую тронь строку, —
пусть вьюги все запорошат —
и в песне жить цветку.

* * *

Себя не видят сние просторы,
И в вечном холоде светлы, чисты,
Себя не видят снеговые горы,
Цветок своей не видит красоты.

И сладко знать, идешь ли ты лесами,
Спускаешься ли горною тропой:
Твоими ненасытными глазами
Природа восхищается собой.

* * *

Стоит на пашнях талая вода;
колеса грязь проселочную месят;
стоит на пашнях талая вода,
в нее всю ночь глядеться будет месяц.

По лужам, рябоватым на ветру,
весна все дальше движется на север
с дождями, с заморозками к утру,
с бессонными заботами о севе.

ЧЕРЕМУХА

Она девически смугла.
Губами прикоснешься — терпка.
Спровадив зиму, не могла
дождаться платья на примерку.

Холодною весной,
в овражке над землею талой,
то платье пенной белизной
со смуглых плеч ее спадало.

Мы к ней на дачных поездах
спешим в каких-то числах мая.
Спокойно, на носки привстав,
не ветки — пальцы ей ломаем.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Не торопись, не спеши, подождем.
Забудем на миг неотложное дело.
Смотри: ожила трава под дождем
И старое дерево помолодело.

Шуршит под ногами влажный песок.
Чиста синева над взорванной тучей.
Горбатая радуга наискосок
Перепоясала дождик летучий.

Сдвигаются огненные столбы,
Горят облака... В такие мгновенья
Из прели лесной прорастают грибы
И песенный дар обретают растенья.

И камни, и травы поют под дождем,
Блестят серебром озерные воды.
Не торопись, не беги, подождем,
Послушаем ласковый голос природы.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.

Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.

В золоте поддья сосен верхушки
Солица звенящего — край непочат,
А из-за леса тяжелые пушки,
Не уставая, кричат и кричат

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе, —
Мы не хотим под ярмом одичать.
Радн цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико, —
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

ИВАН ДОРОНИН

* * *

На улыбку тихую зари
Улыбается и дикий камень.
Я пришел железо примирить
С нежными степными васильками.

Край ты мой, советский край!
Родина моя — дубы да клены.
Разогнал я песенную рать
По лесам зеленым.

Звонче, звонче, звездный листопад!
За бугор катись, моторик-месяц!
Чуть заметна мятная тропа —
Я иду у синих перелесниц.

За рекой горланит буйный кочет,
Мельница стрекочет за рекой.
Вижу: тополь на опушке хочет
Мне махнуть рукой.

Братец мой, зеленоглазый братец,
Мне понятен твой язык простой.
Я в осиновой родился хате,
На соломе золотой.

Говорят, что мать моя, бывало,
Любливала ельник величать,
В ельнике зеленом укрывалась,
В зелени купалась у ключа.

Над водой склоняются кусты.
Значит, голос родника не замер.
Потому-то, милый, как и ты,
Я горю зелеными глазами.

Не могу смотреть я равнодушно
На раздумье тихое берез.
В этот мир бурьянов непослушных
Сердце я рабочее принес.

Вам, поля, теперь сказать хочу я:
Поутру гоните росы в луг.
На селе, в моем саду ночует
Мой железный друг.

Не косися, филин, боязливо,
Коростель, по-прежнему стучи!
Завтра в полдень он пройдет по нивам,
Рукава по локти засучив.

Знаете, мне явь иная снится:
Будет жить орел на корпусах.
Ведь живут же голуби в столице,
Ходят же трамваи по овсам.

На селищах, за плетневой ригой,
Там, где грач садится на пенек,
В эту ночь от радости запрыгал
Электрический зверек.

По-иному о судьбе гадая,
Я узнал, что будет впереди.
Кучерявья, роща молодая!
Черная черемуха, гуди!

На улыбку тихую зарн
Улыбается и дикий камень.
Я хочу железо примирить
С нежными степными васильками.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

* * *

Густая роща в зареве заката
Вечернею водой отражена.
И кажется, вот-вот на перекатах
Замрет неугомонная волна.

Здесь все такое милое, простое:
Склонилась ива к вербе, как сестра,
В густой траве цветы заснули стоя,
Никто их не разбудит до утра.

И спето все, и все отголосило,
И пал туман на доли и поля,
И тишина — не шелохнет осина...
Спокойной ночи, русская земля!

Над ней лишь звезды не смежили очь —
Сняют мигами огней...
Так пожелай и мне спокойной ночи,
Как я желаю родине моей.

Я ВСЕ ЗОВУ ПО ИМЕНИ...

Звонят ручьи отрадные,
Звонят леса прохладные,
Капель на землю падает,
Звенит и сердце радуется.

Река, звеня осокою,
Бежит, переливается,
Сосна стоит высокая
И звоном отзывается.

Звенит волна хрустальная.
Сверкает, словно молния,
Моя сторонка дальняя
Вся звоном переполнена.

Там в бурю волны в ннее
То вскнут, то валятся...
Я все зову по имени,
И все мне отзывается.

* * *

Коль сердце любовью согрето,
Опять я стихами горю,
Опять не про то, а про это
Сегодня с тобой говорю.

Про это, про север, про север,
С кольцом краснолесья тугим,
Про север далекий, что всем —
Наверное, всем — любим.

Где, с неба глубокого свесясь,
Откнув недавний разгул,
Свернулся калачиком месяц,
И внял тишине, и заснул.

Где след на снегу — словно строчка,
Метелям раздолье дано,
Где солнце садится за кочку,
А звезды глядятся в окно!

Где байка и песня в народе,
Коньки прямо с крыши летят,
Где присказки по воду ходят,
А сказки на елках сидят!

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

ВЕТЕР

Осторожно ветер
Из калитки вышел,
Постучал в окошко,
Пробежал по крыше;

Понграл немного
Ветками черемух,
Пожурил за что-то
Воробьев знакомых

И, расправив бодро
Молодые крылья,
Полетел куда-то
Вперегонку с пылью.

ВИШНЯ

В ясный полдень, на исходе лета,
Шел старик дорогой полевой;
Вырыл вишню молодую где-то
И, довольный, нес ее домой.

Он глядел веселыми глазами
На поля, на дальнюю межу
И подумал: «Дай-ка я на память
У дороги вишню посажу.

Пусть растет большая-пребольшая,
Пусть идет и вишь, и в высоту
И, дорогу нашу украшая,
Каждый год купается в цвету.

Путники в тени ее прилягут,
Отдохнут в прохладе, в тишине,
И, отведав сочных, спелых ягод,
Может статься, вспомнят обо мне.

А не вспомнят — экая досада, —
Я об этом вовсе не тужу:
Не хотят — не вспоминай, не надо, —
Все равно я вишню посажу!»

ПЕЛИ ДВЕ ПОДРУГИ

Пели две подруги,
Пели две Маруси,
Как осенним утром
Улетали гуси;

Как прощались гуси
Со своим гнездовьем:
С речками, с лесами,
С тихим Приднепровьем;

И кричали гуси,
В небе пропадая,
Что всего дороже
Сторона родная...

Улетали гуси,
Лето закатилось,
По лесам брусника
В кузовок просилась;

По лесам орешник
Гнулся, безутешен,
И роиал орехи
Со свонх орешин.

И пошли подруги
Тропами лесными,
Поднималось небо
Высоко над ними;

Осыпались липы,
Облетали клены,
Лист на землю падал,
Словно раскаленный;

Стлалася тропинка
Золотой каемкой,
И хотелось песни —
Ласковой, негромкой.

И внезапно в небе
Гуси прокричали
О разлуке тяжелой,
О своей печали.

Прокричали гуси
Над лесной округой,
Два пера на память
Сбросили подругам.

И подруги стали,
Головы закинув,
Словио две осенних,
Две лесных рябины.

И запели разом,
Стаю провожая,
Что всего дороже
Сторона родная.

ОПЯТЬ ПЕЧАЛИТСЯ НАД ЛУГОМ

Опять печалится над лугом
Печаль пастушьего рожка,
И, словно гуси, друг за другом
Плывут по небу облака.

А я брожу неторопливо
По этим памятным местам.
Какого здесь нищу я дива,
Чего я жду — не знаю сам.

У этих сел, у этих речек,
На тихих стежках полевых
Друзей давнишних я не встречу
И не дождусь своих родных.

Одни ушли, свой дом покниув, —
И где они и что нашли?
Другим селитьбу в три аршина
Неподалеку отвели...

Какого ж здесь искать мне чуда,
Моя родная сторона!
Но я — твой сын, но я — отсюда,
И здесь прошла моя весна.

Прошла моя незолотая,
Моя незвонкая прошла.
И пусть она была такая, —
Она такая мне мила.

И мне вовеки будет дорог
Край перелесков и полей,
Где каждый дол и каждый взгорок
Напоминают мне о ней.

Пусть даже стерлись все приметы,
Пусть не найти ее следа —
И все ж меня дорога эта
Зовет неведомо куда.

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
Я я остаюсь с тобой.
Я я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не пужиа.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова —
Я снова все это пройду.
Желанья твои и надежды
Связал я навеки с тобой,
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

ЗЯБЛИК ЗАПЕЛ

Зяблик запел на березе лиловой,
Вышел из черной земли чистотел.
Это не высказать будничным словом —
Снова, как в детстве, зяблик запел.

Значит, даю мне опять насладиться
Дедовской русской, прохладной весной,
Видеть, как мчатся пролетные птицы
К старым гнездовьям, на север родной.

Слушать ручьев перезвон по инзинам,
Тихий, дремотный, клонящий ко сну,
И вспоминать отшумевшие зимы,
Зябликов детства, зовущих весну.

Заново каждой весной рождается
Мир в заповедной апрельской тиши.
Мысли летят, как пролетные птицы,
К старым, забытым гнездовьям души.

Видишь всю землю, рождению снова.
Все, что забылось, — встает наяву.
Каждая клеточка шара земного
Тайно тебе говорит: я живу!

Жизнь голубой бесконечностью манит.
Где же предел? Мне не виден предел.
Рощи берез в легкокрылом тумане.
Снова, как в детстве, зяблик запел.

Вожак разносит крылья,
Спешит на брачный пир.
То сказкою, то былью
Стаивается весь мир.

Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна.
Миллионы лет за ними
Стремилась к нам весна.

Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны — на север!
На север, как всегда.

ЗВЕЗДА

Звезда, звезда, холодная звезда,
К сосновым иглам ты все ниже ныкаешь.
Ты на заре исчезнешь без следа
И на заре из пустоты возникнешь.

Твой дальний мир — крылатый вихрь огня,
Где ядра атомов сплавляются от жара.
Что ж ты глядишь так льдисто на меня —
Песчнику на коре земного шара?

Быть может, ты погибла в этот миг
Иль, может быть, тебя давно уж нету,
И дряхлый свет твой, как слепой старик,
На ощупь нашу узнает планету?

Иль в дивной мощи длится жизнь твоя?
Я — тень песчинки пред твоей судьбою!
Но тем, что вижу я, но тем, что знаю я,
Но тем, что мыслю я, — я властен над тобою!

НИКОЛАЙ БРАУН

ШИПОВНИК

Осенний день. Поблекли травы.
Сырой, туманный холодок.
И вдруг неожиданно у канавы
Расцвел шиповника цветок.

Как будто друг, всегда желанный,
Он в этот серый день вошел
И, озарив его, румяный,
Неукротимый, цвел и цвел.

Ему и горя было мало,
Что лето за море ушло,
Что все вокруг отпирovalo,
Отрасовалось, отцвело.

В своем порыве одиноком
Он жаждой жизни пламенел,
И лес, притихший за дорогой,
«Не отцветай!» — ему шумел.

И лесу вторил шорох ветра
И голоса отлетных стай.
И я шептал посланцу лета:
«Не отцветай! Не отцветай!»

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ЛИЦО КОНЯ

Животные не спят. Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной.

Рогамн гладкими шумит в соломе
Покатая коровы голова.
Раздвинув скулы вековые,
Ее притиснул каменистый лоб,
И вот косноязычные глаза
С трудом вращаются по кругу.

Лицо коня прекрасней и умней.
Он слышит говор листьев и камней.
Внимательный! Он знает крик зверинный
И в ветхой роще рокот соловьиный.

И зная все, кому расскажет он
Свои чудесные виденья?
Ночь глубока. На темный небосклон
Восходят звезд соединенья.
И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромный мира,
И грива стелется, как царская порфира.

И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин

Иметь язык волшебный конь!
Мы услышали бы слова.
Слова большие, словно яблоки. Густые,
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются, как пламя,
И, в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое убранство освещают.
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем.
Но вот конюшня опустела,
Деревья тоже разошлись,
Скупое утро горы спеленало,
Поля открыло для работ.
И лошадь в клетке из оглобель,
Повозку крытую влача,
Гляднт покорными глазами
В таинственный и неподвижный мир.

В ЖИЛИЩАХ НАШИХ

В жилищах наших
Мы тут живем умио и некрасиво.
Справляя жизнь, рождаясь от людей,
Мы забываем о деревьях

Они поистине металла тяжелей
В зеленом блеске сомкнутых кудрей.

Иные, кроны поднимая к небесам,
Как бы в короны спрятали глаза,
И детских рук изломанная прелесть,
Одетая в кисейные листы,
Еще плодов удобных не наелась
И держит звонкие плоды.

Так сквозь века, селенья и сады
Мерцают нам удобные плоды.

Нам непонятна эта красота —
Деревьев влажное дыхание.
Вон дровосеки, позабыв топор,
Стоят и смотрят, тихи, молчаливы.

Кто знает, что подумали они,
Что вспомнили и что открыли,
Зачем, прижав к холодному стволу
Свое лицо, неудержимо плачут?

Вот мы нашли поляну молодую,
Мы встали в разные углы,
Мы стали тоньше. Головы растут,
И небо приближается навстречу.
Затвердевают мягкие тела,
Блаженно деревенеют вены,
И ног проросших больше не поднять,
Не опустить раскинутые руки.
Глаза закрылись, времена отпали,
И солнце ласково коснулось головы.

В ногах проходят влажные валы.
Уж влага поднимается, струится
И оmyвает листовые лица:
Земля ласкает детище свое.
А вдалеке над городом дымится
Густое фонарей копьe.

Был город осликом, четырехстенным домом,
На двух колесах из камней
Он ехал в горизонте плотном,
Сухие трубы накрeя.
Был светлый день. Пустые облака,
Как пузыри морщинистые, вылетали,
Шел ветер, огибая лес.
И мы стояли, тонкие дсревья,
В бесцветной пустоте небес.

ОСЕНЬ

Когда минует день и освещение
Природа выбирает не сама,
Осенних роц большие помещения
Стоят на воздухе, как чистые дома.
В них ястребы живут, вороны в них ночуют,
И облака вверху, как призраки, кочуют.

Осенних листьев сохлось вещество
И землю всю устало. В отдалении
На четырех ногах большое существо
Идет, мыча, в туманное селение.
Бык, бык! Ужели больше ты не царь?
Кленовый лист напоминает нам янтарь.

Дух Осени, дай силу мне владеть пером!
В строенье воздуха — присутствие алмаза.
Бык скрылся за углом,
И солнечная масса
Туманным шаром над землей висит,
И край земли, мерцая, кровенит.

Вращая круглым глазом из-под век,
Летит внизу большая птица.
В ее движение чувствуется человек.
По крайней мере, он таится
В своем зародыше меж двух широких крыл.
Жук домик между листьев приоткрыл.

Архитектура Осени. Расположение в ней
Воздушного пространства, рощи, реки,
Расположение животных и людей,
Когда летят по воздуху колечки
И завитушки листьев, и особый свет, —
Вот то, что выберем среди других примет.

Жук домик между листьев приоткрыл
И, рожки выставив, выглядывает,
Жук разных корешков себе нарыл
И в кучку складывает,
Потом трубит в свой маленький рожок
И вновь скрывается, как маленький божок.

Но вот приходит ветер. Все, что было чистым,
Пространственным, светящимся, сухим, —
Все стало серым, неприятным, мглистым,
Неразличимым. Ветер гонит дым,
Вращает воздух, листья валит ворохом
И верх земли взрывает порохом.

И вся природа начинает леденеть.
Лист клена, словно медь,
Звенит, ударившись о маленький сучок.
И мы должны понять, что это есть значок,
Который посылает нам природа,
Вступившая в другое время года.

ВЕНЧАНИЕ ПЛОДАМИ

Плоды Мичурина, питомцы садовода,
Вращенные усилиями народа,
Распределенные на кучи и холмы,
Как вы волнуете пытливые умы!
Как вы сияете своим прозрачным светом,
Когда, подобные светилам и кометам,
Лежите, образуя вокруг нас
Огромных яблоков живые вавилоны!
Кусочки солнц, включенные в законы
Людских судеб, мы породили вас
Для новой жизни и для высших правил.
Когда землей невежественно правил
Животному подобный человек,
Напоминали вы уродцев и калек
Среди природы дикой и могучей.
Вас червь глодал, и, налетая тучей,
Хлестал вас град по маленьким телам,
И ветер Севера бывал иеласков к вам,
И ястреб, роши царь, перед началом ночи
Выклеывал из вас сияющие очи,
И морщил кожу, и соки леденил.

Преданье говорит, что Змей определил
Быть яблоку сокровищницей знаний.
Во тьме веков и в сумраке преданий
Встает пред нами рай, страна средь облаков,
Страна, среди светил висящая, где звери
С большими лицами блаженных чудаков
Гуляют, учатся и молятся химере.
И посреди сверкающих небес
Стоит, как башня, дремлющее древо,
Оно — центр сфер и чудо из чудес.

И тайна тайн. Направо и налево
Огромные суки поддерживают свод
Густых листов. И сумрачно и строго
Сквозь яблоко вещает голос бога,
Что плод познания — запрещенный плод.

Теперь, когда, соперничая с тучей,
Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей,
Чтобы, самих себя переборов,
Вы не боялись северных ветров,
Чтоб зерна в вас окрепли и созрели,
Чтоб, дивно увеличиваясь в теле,
Не знали вы в развитии преград,
Чтоб наша жизнь была сплошной

— плодовый сад, —

Скажите мне, какой чудесный клад
Несете вы поведать человеку?

Я заключил бы вас в свою библиотеку,
Я прочитал бы вас и вычислил закон,
Хранимый вами, и со всех сторон
Измерил вас, чтобы понять строенье
Живого солища и его кипенье.

О маленькие солнышки! О свечки,
Зажженные средь мякоти! Вы — печки,
Распространяющие дивное тепло.
Отныне все прозрачно и кругло
В моих глазах. Земля в тяжелых сливах,
И тысячи людей, веселых и счастливых,
В ладонях держат персики, и барбарис
На шее девушки, блаженствуя, повис.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
Глядят на нас, из яблок приподнявшись,
И мы венчаем их, и тысячи садов
Венчают нас венчаньем плодов.

Когда плоды Мичурин создавал,
Преобразуя древний круг растений,
Он был Адам, который сознавал
Себя отцом грядущих поколений.
Он был Адам и первый садовод,
Природы друг и мудрости оплот,

И прах его, разрушенный годами,
Теперь лежит, увенчанный плодами.

НОЧНОЙ САД

О, сад ночной, таинственный орган,
Лес длинных труб, приют виолончелей!
О, сад ночной, печальный караван
Немых дубов и неподвижных елей!

Он целый день метался и шумел.
Был битвой дуб, и тополь — потрясеньем.
Сто тысяч листьев, как сто тысяч тел,
Переплетались в воздухе осеннем.

Железный Август в длинных сапогах
Стоял вдали с большой тарелкой дичи.
И выстрелы гремели на лугах,
И в воздухе мелькали тельца птичьих.

И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
Легли внизу десятки длинных теней,
И толпы лип вздымали кисти рук,
Скрывая птиц под купами растений.

О, сад ночной, о, бедный сад ночной,
О, существа, заснувшие надолго!
О, вспыхнувший над самой головой
Мгновенный пламень звездного осколка!

ВЧЕРА, О СМЕРТИ РАЗМЫШЛЯЯ

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела на меня.

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я — и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,
И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес.

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сковороды.

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

ЗАСУХА

О солнце, раскаленное чрез меру,
Угасни, смилуйся над бедною землей!
Мир призраков колеблет атмосферу,
Дрожит весь воздух ярко-золотой.
Над желтыми лохмотьями растений
Плывут прозрачные фигуры испарений.
Как страшен ты, костлявый мир цветов,
Сожженных венчиков, расколотых листов,
Обезображенных, обугленных головок,
Где бродит стадо божьих коровок!

В смертельном обмороке бедная река
Чуть шевелит засохшими устами.
Украшив дно большими бороздами,
Ползут улитки, высунув рога.
Подводные кибиточки, повозки,
Коробочки из перла и известки,
Остановитесь! В этот страшный день
Ничто не движется, пока не пала тень.
Лишь вечером, как только за дубравы
Опустится багровый солнца круг,
Заплакав жалобно, придут в сознание травы,
Вздохнут дубы, подняв остатки рук.

Но жизнь моя печальней во сто крат,
Когда болеет разум одинокий
И вымыслы, как чудища, сидят,

Поднявши морды над гнилой осокой.
И в обмороке смутная душа,
И, как улитки, движутся сомненья,
И на песках, колеблясь и дрожа,
Встают, как уголь, черные растенья.

И чтобы снова исцелился разум,
И дождь, и вихрь пускай ударят разом!
Ловите молнию в большие фонари,
Руками черпайте кристальный свет зари,
И радуга, упавшая на плечи,
Пускай дома украсит человечьи.

Не бойтесь бури! Пускай ударит в грудь
Природы очистительная сила!
Ей все равно с дороги не свернуть,
Которую сознание начертило.
Учительница, девственница, мать,
Ты не богиня, да и мы не боги,
Но все-таки как сладко понимать
Твои бессвязные и смутные уроки!

СЕВЕР

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги;
Где холодом охваченная птица
Летит, летит и вдруг, затрепетав,
Повиснет в воздухе, и кровь ее сгустится,
И птица падает, замерзшая, стремглав;
Где в желобах своих гробообразных,
Составленных из каменного льда,
Едва течет в глубинах рек прекрасных
От наших взоров скрытая вода;
Где самый воздух, острый и блестящий,
Дает нам счастье жизни настоящей,
Весь из кристаллов холода сложен;
Где солнца шар короной окружен;

Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух;
Где лошади, как мамонты в оглоблях,
Бегут, урча; где дым стоит на кровлях,
Как изваяние, пугающее глаз;
Где снег, сверкая, падает на нас
И каждая снежинка на ладони
То звездочку напомним, то кружок,
То вдруг цилиндром блеснет на небосклоне,
То крестиком опустится у ног;
В воротах Азии, в объятных метели,
Где сосны в шубах и в тулупах елц, —
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

А дальше к Северу, где океан полярный
Гудит всю ночь и перпендикулярный
Над головою поднимает лед,
Где, весь оледенелый, самолет
Свой тяжкий винт едва-едва вращает
И дальние зимовья навещает, —
Там тень «Челюскина» среди отвесных плит,
Как призрак царственный, над пропастью стоит.
Корабль недвижим. Призрак величавый,
Что ты стоишь с твоею чудной славой?
Ты — пар воображенья, ты — фантом,
Но подвиг твой — свидетельство о том,
Что здесь, на Севере, в средние льдов тяжелых,
Разрезав моря каменную грудь,
Флотилии огромных ледоколов
Необычайный вырубил путь.
Как бронтозавры каменного века,
Они прошли, создания человека,
Плавучие вместилница чудес,
Бия винтами, льдам насперез.
И вся природа мертвыми руками
Простерлась к ним, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья легла над берегами
И не посмела головы поднять.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная чаша во мраке лесном.

Сквозь битвы деревьев и волчьи сраженья,
Где пьют насекомые сок из растенья,
Где буйствуют стебли и стонут цветы,
Где хищная тварями правит природа,
Пробрался к тебе я и замер у входа,
Раздвинув руками сухие кусты.

В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок,
Убежище рыб и пристанище уток.

Но странно, как тихо и важно кругом!
Откуда в трюсках такое величье?
Зачем не беснуется полчище птичье,
Но спит, убаюкано сладостным сном?
Одни лишь кулик на судьбу негодует
И в дудку растенья бессмысленно дует.
И озеро в тихом вечернем огне
Лежит в глубине, неподвижно сияя,
И сосны, как свечи, стоят в вышине,
Смыкаясь рядами от края до края.
Бездонная чаша прозрачной воды
Сияла и мыслила мыслью отдельной.
Так око больного в тоске беспредельной
При первом сиянье вечерней звезды,

Уже не сочувствуя телу больному,
Горит, устремленное к небу ночному.
И толпы животных и диких зверей,
Просунув сквозь елки рогатые лица,
К источнику правды, к купели своей
Склонялись воды животворной напиться.

ГРОЗА

Содрогааясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Все труднее дышать, в небе облачный вал шевелится,
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь
вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещий холод на темной реке,
Эту молнию мысли и медлительное появление
Первых дальних громов — первых слов на родном языке.

Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.

А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые льется цветы.

Я НЕ ИЩУ ГАРМОНИИ В ПРИРОДЕ

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой, —
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встанет передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зняющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волю,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупление собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремление,
Волю непреклонную к борьбе, —
Все, что от бывшего поколения
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

СКВОЗЬ ВОЛШЕБНЫЙ ПРИБОР ЛЕВЕНГУКА

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капль воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено, —
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Нн большого, нн малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

В результате их общих усилий
Зажигается пламя Плеяд,
И кометы летят легкокрылей,
И быстрее созвездья летят.

И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

Там я звездное чую дыханье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.

* * *

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твердый клинок.

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появленье
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поет,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листы,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

НА ЗАКАТЕ

Когда, измученный работой,
Огонь души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошенный березняк.

На гладкой шелковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.

Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву,
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.

Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда
Всего печальней нам утрата
Незавершенного труда.

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Несоответствия огромны,
И несмотря на интерес,
Лесок березовый Коломны
Не повторял моих чудес.

Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.

Так, вероятно, мысль нагая,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

УТРО

Мелкие росинки на заре
Всю планету держат в серебре,
Но внезапно отблеск золотой
Вспыхнул над серебряной землей...
Выйди в этот час и собери
Серебро и золото зари.

Небеса, как синий шелк, висят
От Владивостока до Карпат,
Мимо городов и деревень
Путешествует весенний день,
Пробуждает молодость в ручьях,
Открывает окна в поездах.

Он лесной тропинкой поутру
Провожает в школу детвору,
Он для взрослых тоже приберег
Редкостный, приятный ветерок,
Океаном солнечных лучей
Он плывет над родной моей.

Ты прими, мой друг, товарищ мой,
Это поздравление с весной!..
Солнце низвергается с высот,
Светлый путешественник идет

Мимо городов и деревень —
Мириый день,
Весенний день, советский день!

ВЕСНА

Над первыми цветами прогудела
Налаженным моторчиком пчела...
Садовнику сегодня много дела,
Ждут пахаря великие дела.

С лица земли сметен последний снег,
И грач в таком веселом настроенье,
Как будто он не грач, а человек
И сочинил сейчас стихотворенье.

Запасом убедительных речей
Богат словоохотливый ручей,
И жаворонок стынет в ожиданье,
Готов к полету мирного заданья.

Вздывает реки буйная земля,
И травы — в наступлении зеленом...
И тракторист выходит на поля,
Где он держал когда-то оборону.

Послушен руль, уверена рука...
И песня проплывает над полями,
Где, занимая полматерика,
Лежит земля, запаханная нами.

РОССИЯ

Отрывок

Недаром я молодость отдал,
Россия, за славу твою,
Мои комсомольские годы
Еще остаются в строю.

Полвека я прожил на свете,
Но к юности все же тянусь,
Хотя подрастающим детям
Уже патриархом кажусь.

Они электричество знают,
Грядущее зрят наяву,
Пред ними с любовью склоняет
Природа седую главу.

Пред ними дубы вековые,
Как верные стражи в пути...
По мирным просторам России
Идти бы еще да идти!

Не то чтобы в славе и блеске
Другим поколениям сверкать,
А где-нибудь на перелеске
Рязанской березкою встать!

ИОСИФ УТКИН

ВЕТЕР

Одинокий, затравленный зверь, —
Как и я, вероятно, небритый, —
Он стучится то в окна, то в дверь,
Умоляя людей: «Отворите...»

Но семейные наглухо спят.
Только я, не скрывая зевоты,
Вылезаю к товарищу в сад,
Открываю окно: «Ну, чего ты?..»

Что поделаешь... ветру под стать,
У семейных считаясь уродом,
Не могу, понимаете, спать,
Если рядом страдает природа!..

ВИССАРИОН САЯНОВ

* * *

Года прошли — и сердцу пособили,
И жар остыл неукротимых лет,
По наледям моей родной Сибири
Прошел мой путь, как узкий лыжный след.

В глухую ночь в тайге кричит сохатый,
За много тысяч верст он слышит соловья.
Так я иду, кругом снегами сжатый,
Но знаю, близко выручка моя.

Два-три словца, в которых бродит солод,
Оставлю или песенку одну, —
В седой тайге, где звездный край расколот,
Всё будут славить девушки весну.

И может быть, среди других, мне равных,
Пройду походкой медленной своей,
И невзначай строку повторит правнук,
Когда в снегах, как в думах, Енисей.

Ведь свет гостил в тех песнях небогатых,
Придет пора — я другу принесу
Сказанья давних дней о кедрах и сохатых,
Тайги сибирской дикую красу.

И этот край, прославленный и зримый,
Где каждый колос выстрадал я сам,
Как часть твоей судьбы неповторимой
Я по складам потомству передам.

СОБОЛИНАЯ ОХОТА

Встану в час охоты соболиной,
Три силка поставлю на пути,
Млечный Путь раскинется былиной,
От которой следа не найти.

Будто в небе тоже эта заметь,
Шум снегов и шастанье пурги;
И ведет глухой тропой память,
И снега глушат мои шаги.

Душен мертвой лиственницы запах,
Но уже бежит навстречу мне
Бурый зверь на красноватых лапах,
С ремешком широким на спине.

Бурундук прошел за ним поодаль,
По следам разымчатым спеша,
Ноготь в ноготь пробегает соболь.
Как тоска, черна его душа.

Но дорога ринулась прямая,
Выстрел грянет издали, пока,
Ничего еще не понимая,
Держит он в зубах бурундука.

Вот звезду сдувает, как соринку.
Шкурку сняв чулком, я на заре
Куренгу соболью по старинке
Обкурю на медленном костре.

Но года пройдут с центральным боем
Доброго и верного ружья,
И когда смертельным перебоем
На весах качнется жизнь моя,

Я скажу, что прожито недаром:
Грудь под ветер подставлять любил,
Золото намыл я по бутарам,
По тайге я соболей губил, —

Чтоб в твоём, республика, богатстве
Часть была и моего пайка.
Как никто, умел я пробираться
По глухим следам бурундука.

* * *

Дай руку мне, пойдем со мною,
В тот выюжный край,
Он полонил мне сердце тишиною,
И снегом зим, и свистом птичьих стай.

Там горбоносых желтобровых птиц
Эвенк-охотник ждет, и на рассвете
Спят огни бесчисленных зарниц,
И гнет пурга тяжелых кедров ветви.

Тайга бежит по белым склонам вдоль
Последних побережий,
Где по заливам высыхает соль
И где во мхах таится след медвежий.

Там сердца моего заветная отрада,
Край детских лет.
Родной страны холодная громада,
Я — твой поэт.

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

ДЕРЕВО

Я любила проснуться
На ранней заре,
Чтоб скорей прикоснуться
К стволам и коре.

Чтобы нюхом и слухом,
Рукой и щекой
Ощутить их покой,
Насладиться их духом.

Чтобы в свежести, в шелесте,
В переплеске теней
Не забыть нам о прелести
Остающихся дней.

Не забыть нам о милости
Мира сего...
Чтобы дереву вырасти,
Нужно много всего:

Много соков земных,
Много теплых ночей,
И горячих лучей,
И дождей проливных.

МИХАИЛ СКУРАТОВ

* * *

Снег хлопьями весь день валил густыми
И скатертью разлегся по горам.
Седой Байкал в сыром осеннем дыме
Несет валы, как дань, к моим ногам.

А вдалеке, где чайки пеной плещут
И где туман сгрудился в облака,
Заныл култук*, и волны дно хлещут
В гранитные отвесные бока.

Лишь я один прислушиваюсь к буре.
Там — на скале, в пыли холодных брызг,
Стою застыв, глаза на миг зажмурил,
И вслушиваюсь в вой и визг!

* * *

Я видел далекие синие сопки.
Идешь к ним — и думаешь: «Близко,
Рукою подать!..» Но до вечера рыскай, —
Отыскивай зверя таежные тропки, —
А горы как будто все дальше отходят.

* Култук — южный байкальский ветер.

Но ты не слабеешь, ты, глаз не спуская
С их синих макушек при ясной погоде,
Идешь по тропинкам брусничного края...
Забрезжила цель — и она неуклонно,
Как эти вот синие сопки, бывало,
Манит все вперед, до границ небосклона,
И ты все идешь, от привала к привалу!

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

ДЕРЕВЬЯ

— Как ваше здоровье, — спросил я, — деревья? —
Деревья молчали вначале.
Скучали? Презреньем встречали?
Едва ли.
Они тосковали.
Вдруг скрипнула ива:
— Здорова! —
И сосны ворчливо:
— Мы живы! —
И тут зашумели и справа и слева
Деревья, качаясь от скорби и гнева:
— Твои непонятны нам мысли!
— Скажи откровенно, в каком это смысле
Ты задал вопрос?
— Расскажи нам про это!
— Здоровы ль? Какого ты хочешь ответа?
— Ты хочешь рубить? Но кому мы помеха?
— Есть люди, которым рубить нас — потеха!
— Иные же древообделочным цехом
Считают весь мир. Но имеют ли право?
— Стыдись! Незаконная это расправа! —
Вскричала крушина, гнила и корява.
Но этой старухе ответил со смехом:
— Ты мхом и грибком обросла, точно мехом,
И вовсе ты зря беспокоишься, право!

Спокойно земные посасывай соки,
О, древнее, ветхое, сонное древо!
Твое червоточинной тронута чрево.
Есть более молоды, стройны, высоки
Деревья! —
И те, что молчали вначале,
Теперь закричали в припадке печали:
— Как нас величали!
— Под нами венчали!
— Венчали венцами!
— Любили сердцами!
— Ах, вам не удастся в древесную массу
Нас всех превратить! —
И от скорби затрясся
Весь лес. И еловые лапы хлестали.
Как белые осы, пушники детали...
Восстали!
Восстали деревья!
Но крикнул тогда я:
— Вас всех обманула старуха седая!
Ее червоточинной тронута чрево.
Послушай, береза, о белая дева,
Сосна, что гордишься своей прямою,
Оси́на, обиженная клеветою, —
Послушайте все вы! Дика ваша злоба.
Вы наши друзья с колыбели до гроба,
От люльки друзья, чье качанье нам любо
В еловом тепле пятистенного сруба,
До гроба, что ждет нас, сколоченный грубо.
Венцы, на которые ставится зданье.
Венки на гуляньях и венки в бане.
Кресты, что стоят на глухих перекрестках, —
Зеленая плесень осела на досках.
Язычник из дерева идола тешет,
Коньком деревянным дитя себя тешит.
Повсюду ты, дерево! В дружбе ты с нами.
Ты, нас согревая, бросаешься в пламя,
Ты нас одаряешь своими плодами...
Но разве владеем мы только садами?
В хрустальные вазы поставлены розы,
Но слышите свист — это дикие лозы
В руках у жестокости свинцуют зловеще.
Все это весьма непохожие вещи.

Кому же и ведать об этом? Не мне ли?
Вы часто, деревья, в печах пламенели,
Но, — вам я сказать без смущенья осмелюсь, —
И сам я горел, чтоб другие согрелись!
И я топором был под корень подрубен.
Но не был погублен, я не был погублен!
И сам я летел оперенной стрелою.
Я знаю грядущее, помню бывшее! —
Сказали деревья:
— Ты должен бояться,
Что люди, прислушавшись, станут смеяться,
Как ласково ты побеседовал с нами,
О, ты, одержимый волшебными снами! —
Запели деревья:
— Мы это оценим!
Ты с нами хорош. Мы тебе не изменим.
Мы примем тебя в хоровод шелестящий,
О, ты, на деревья с любовью глядящий! —
Так пели деревья, вершины вздымая,
Желанья и мысли мои понимая.
Так пели деревья, ветвями качая,
О чем-то еще рассказать обещая.

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Слышу я
Природы голос,
Порывающийся крикнуть,
Как и с кем она боролась,
Чтоб из хаоса возникнуть,
Может быть, и не во имя
Обязательно нас с вами,
Но чтоб стали мы живыми,
Мыслящими существами.
И твердит Природы голос:
В вашей власти, в вашей власти,
Чтобы все не раскололось
На бессмысленные части!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Ты знаешь пословицу: мы говорим,
Что сладок бывает отечества дым...
Я дым этот сладкий вдыхал наяву.
Послушай! Когда ты вернешься в Москву,
Немедленно в Кунцева побывай,
Да, в Кунцева!
Кунцева —
Не забывай!
А дальше к Татаровке надо пройти,
Не так далеко это — рядом почти.
Ну, словом, к Татаровке, друг мой, пройди,
Серебряный Лог за деревней найди,
У этого Лога костер разведи и глины возьми.
Слышишь, — глины, мой друг,
Которой поблизости много вокруг.
Вот этой-то глины в костер и добавь,
И сладким ты дымом надышпшись въявь!
Горят эти глины!
Ты понял? Горят
И, жарко горя, издают аромат.
Ну да, — аромат! Верь мне, друг, — аромат!
И тот аромат, точно мед, сладковат.
Поверь — никакого тут нет волшебства,
А просто, где плещет волною Москва,
Там есть отложения юрских слоев,
Цветов отпечаток, надкрылий жуков,
И рыбьих чешуек, и игол сосны, —
Все есть в этих глинах — и сладость весны,
И осени горечь!
Но где на земле
Ты запах цветов ощутил бы в золе
Горящей земли? Где пылает она,
Даря ароматом пьянее вина?!

Да, друг мой! Ты в Кунцева часто бывал
И, кажется, даже на даче жила,
Там в парке Смириовском ты пиво пивал,
Глотал «эскимо», торопясь на вокзал,
А вот не вдыхал ты отечества дым,
О коем так часто мы все говорим!

ЛИСЕНОК

Не то ребенок, а не то бесенок,
Из леса выйдя, преградил мне путь,
И это был малюсенький лисенок,
Меня не испугавшийся ничуть.

Он понимал, что я его не трону,
Хотя бы потому, что так он мал,
Что это исключает оборону, —
Он все это прекрасно понимал!

Вот и глядел он на меня подобно
Тому, как дети на большого пса,
Присев на корточки, глядят беззлобно.
Но тут его окликинула лиса.

Он скрылся. В чаще что-то затрещало,
Должно быть, мать в норе, в лесном жилье
Его учила, мучила, страдала
Рассказами о модных ателье.

* * *

Я понял!
И ясней и резче
Жизнь обозначилась моя,
И удивительные вещи
Вокруг себя увидел я.

Увидел то, чего не видит
Иной вооруженный глаз
И что увидеть ненавидит:
Мир я увидел без прикрас!

Взор охватил всю ширь земную,
Где тесно лишь для пустоты.
И в чащу он проник лесную,
Где негде прятаться в кусты.

Я видел, как преображала
Любовь живое существо.
Я видел Время, что бежало
От вздумавших убить его.

Я видел очертанья ветра,
Я видел, как обманчив штнль.
Я видел тело километра
Через тропиночную пыль.

О вы, кто в золоченой раме
Природы видите красу,
Чтоб сравнивать луга с коврами
И с бриллиантами росу,

Вглядитесь в землю, в воздух, в воду
И убедитесь: я не лгу,
А поддурманивать природу
Я не хочу и не могу.

Не золото — лесная опаль,
В парчу не превратиться мху,
Нельзя пальто надеть на тополь,
Ольху не кутайте в доху,

Березки не рядите в ряски,
Чтоб девичью хранить их честь.
Оставьте! Надо без опаски
Увидеть мир, каков он есть!

* * *

Примерзло яблоко
К поверхности лотка,
В киосках не осталось ни цветка,
Объявлено открытие катка,
У лыжной базы — снега по колено,
Несутся снеговые облака,
В печи трещит словое полено...

Все это значит, что весна близка!

ЗЕМЛЯ

Одно
Волнение
Уляжется —
Другое сразу же готовится,
А мир еще прекрасней кажется;
Еще желаннее становится
Земля,
Укатанная гладкими
Посадочными площадками,
Увешанная виадуками,
Источенная водостоками,
Набитая золой и туками,
Насквозь пронизанная токами...
А там, вдали, —
Вчера пустынная,
Земля целинная, былинная,
Забытая и вновь открытая,
Степными ливнями отмытая,
Нигде как будто не кончается...
Над пей
Заря с зарей встречается.
Вот этим месяц май и славится
И соловьями славословится.
Земля, великая красавица,
Еще прекраснее становится!

ДРЕМА ЛУГОВАЯ

Господи Иисусе, чудно под Москвой,
В Рузе и в Тарусе, в дреме луговой!

Дрема луговая! Это к ней вчера
Не переставая липла мошкara.
Сока из надлома не дал бледный хвощ.
Чувствовала дрема: утром будет дождь!

То-то белокрыльник вовсе изнемог!
Будет в серый пыльник кутаться восток.
Смерчик еле зримый, предрассветно мглист,
Пронесется мимо, как мотоциклист.

Глухо тарарахнет предрассветный гром,
Там, где в гнездах пахнет пухом и пером.

И взлетит от грома
Мошек целый рой,
Как с аэродрома,
С дремы луговой!

* * *

Под
Зеленый тополь я прилег,
И спросил я, наслаждаясь тенью:
— Что ты скажешь, тополь-тополек? —
И в ответ услышал шелестенье.

Шелестел он только об одном,
И, прислушавшись к его рассказам:
— Тополь, — я сказал, — ты агроном,
Лишь с одной землею только связан.

Тополь
Мне сказал:
— Я астроном,
И через листву мою сочатся
Лики солнца, в сонме их хмельном
Пляшут пятна и протуберанцы.

Я сказал:
— Ты, тополь, — астролог.
Солнечными фокусами бредишь —
Вот твоих фантазий потолок.
Далеко на этом не уедешь!

Но,
Уйдя из шелеста дубрав
В небеса, что над полями стынут,
Тополь мне сказал:
— Я астронавт,
К вам из бесконечности закинут!

ЕЛИЗАВЕТА СТЮАРТ

РОДИНЕ

Я разную природу понимаю,
И пыль тропинок разных принимаю.
Но лишь тебя я так люблю и знаю
И ни на что вовек не променяю.

Не потому, что ты прекрасней многих.
А просто ты живешь в моей тревоге,
В моих решениях

и в моих крушениях

То как опора,

то как утешенье.

Ты для меня — начало всех начал:
Твой ветер колыбель мою качал,
И вручены мне до скончания дней
Полынь и солнце Родины моей.

ЖУРАВЛИ

Я не со слов чужих,

не со страницы

Постигла крик осенних журавлей:

Летели длинным клином эти птицы

Над первым робким иллем полей.

АГНИЯ БАРТО

МЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ ЖУКА

Мы не заметили жука
И рамы зимние закрыли,
А он живой,
Он жив пока,
Жужжит в окне,
Расправив крылья.

И я зову на помощь маму:
— Там жук живой!
Раскроем раму!

ЗА ЦВЕТАМИ В ЗИМНИЙ ЛЕС

Никому не верится,
Чудо из чудес:
За цветами девица
Ходит в зимний лес.

Он стоит не в зелени,
Как в июльский зной,
Он снежком побеленный,
Блещет белизной.

Но смеется девица:
— Если вам не верится,
Показать могу
Яркий коврик вереска
Прямо на снегу.

Летом он не ценится,
Скромное растеньице!

Но зато как весело
Увидать самой
Огонечки вереска
На снегу зимой.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Черемуха, черемуха
В овраге расцвела.
Черемуха, черемуха
Стоит белым бела.

Ходили за черемухой
Девчонки вчетвером,
Да оборвать черемуху
Им не позволил гром.

Сначала он не полный,
Не полный подал голос,
Потом от желтых молний
Все небо раскололось.

Все громче, громче слышится,
Гремит через огонь:
«Черемуху, черемуху,
Черемуху не тронь!»

СЕРГЕЙ МАРКОВ

СОВРЕМЕННИК

Я с жизнью кочевой сросся,
Не знал ни крова, ни огня,
Когда ружье системы Росса
В ущельях берегло меня.

И далека от сердца жалость
Была и в тот туманный день,
Когда на траверзе качалась,
Как призрак, древняя Мезень.

В еще неведомые страны
И в неоткрытые моря
Над Ледовитым океаном
Текла полярная заря.

И всюду — горизонты синни,
Светла туманов пелена,
Я видел тундры и пустыни
Твоя, великая страна!

Сочти сейчас мои скитанья,
Мои заботы и труды
И награди высоким званьем
Искателя живой воды.

НОЧЬ В ГОРАХ

Здесь совершалось чудо за чудом...
Покинув привычный круг,
Качая горбами, подобно верблюдам,
Сопки пошли на юг.

Потом ворвался ветер из Гоби,
Корни кустов обнажил,
Из красной дресвы, из гранитной дробы
Выкатил ясный берилл.

И, окруженный лазурным кипеньем
Свою обгоняя тень,
Вверх по реке, по прозрачным ступеням,
Стал подниматься таймень.

Листва зашумела, как стая воронья...
От страха еле жива,
Очнулась и стала вздыхать спросонья
Легкая сон-трава.

Долго металась в своей колыбели
И задремала виювь...
Вдруг я услышал: подобно свирели
Во мне зазвучала кровь.

И самоцветы, и быстрые воды,
И льды в сокровенном сне —
Вещие знаки дикой природы
Той ночью открылись мне.

СЕМЕН КИРСАНОВ

ОСЕНЬ

Уже светает поздно,
холодиноват рассвет,
уже сентябрь
опознан
в желтеющей листве.

Не молят о пощаде,
дрожа перед судьбой,
а шепчутся:
«Прощайте» —
цветы между собой.

ЗИМА

Хоть бы эту зиму выжить,
пережить хоть бы год,
под наркозом,
что ли, выждать
свист и вой непогод,
а очнуться
в первых грозах,
первых яблок дыму,
в первых прислаивных мимозах
из совхоза в Крыму.

И в саду, который за год
выше вырос, опять
у куста,
еще без ягод,
постоять, подышать.
А когда замрут навеки
оба бьющихся виска,
пусть положат мне
на веки
два смородинных листка.

* * *

Скоро в снег побегут струйки,
скоро будут поля в хлебе.
Не хочу я синицу в руки,
а хочу журавля в небе.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

* * *

Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый,
Но все мне кажется, что розы на окне,
И не признательность, а чувство полной меры
Бывает в этот день всегда присуще мне.
А если я неправ, тогда скажи — на что же
Мне тишина травы, и дружба рощ монахов,
И стрелы птичьих крыл, и плеск ручьев, похожий
На объяснение в любви глухонемых?

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива, неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.
Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.

КУЗНЕЧИКИ

I

Тикают ходики, ветер горячий
В полдень снует челноком по Москве,
Люди бегут к поездам, а на даче
Пляшут кузнечики в желтой траве.

Кто не видал, как сухую солому
Пилит кузнечик стальным терпугом?
С каждой минутой по новому дому
Спичечный город растет за бугром.

Если бы мог я прийти на субботник,
С ними бы стал городить городок,
Я бы им строил, бетонщик и плотник,
Каменщик, я бы им камень толк,

Я бы точил топоры — я точильщик,
Я бы ковать им помог — я кузнец,
Кровельщик я, и стекольщик, и пыльник.
Я бы им песню пропел, наконец.

II

Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не то кует, не то пророчит,
Не то свой луг разрезать хочет
На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
— Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит!

ШИПОВНИК

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнобой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль, и поперек луча.

Был очевиден и поиятен
Пространства замкнутого шар —
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляню, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое,
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

ДМИТРИЙ КЕДРИН

ПОДМОСКОВНАЯ ОСЕНЬ

В Перово пришла подмосковная осень
С грибами, с рябиной, с ремонтами дач.
Ты больше, пиджак парусиновый сбросив,
Не ловишь ракеткою теннисный мяч.

Березки прозрачны, скворечники немые,
Утрами морозец трещит по садам:
И дачница в город везет хризантемы,
И дачник увязывает чемодан.

На мокрых лугах зажелтелась морошка.
Охотник в прозрачном и шумном лесу,
По топкому дериу шагая сторожко,
Несет в ягдташе золотую лису.

Бутылка вина кисловата, как дрожжи.
Закурим, иальем и послушаем, как
Шумит элегический пушкинский дождик
И шаткую свечку колеблет сквозняк.

--

БЕССМЕРТИЕ

Кем я был? Могильною травой?
Хрупкой галькою береговой?
Круглобоким облачком над бездной?
Ноздреватою рудой железной?

Та трава могильная сначала
Ветерок дыханием встречала,
Тучка плакала слезою длинной,
Пролетая над родной долиной.

И когда я говорю стихами —
От кого в них голос и дыханье?
Этот голос — от прабабки-тучи,
Эти вздохи — от травы горючей!

Кем я буду? Комом серой глины?
Белым камнем посреди долины?
Струйкой, что не устает катиться?
Перышком в крыле у певчей птицы?

Кем бы я ни стал и кем бы ни был —
Вечен мир под этим вечным небом;
Если стану я водой зеленой —
Зазвенит она одушевленно,
Если буду я густой травой —
Побежит она волной живою.
В мире все бессмертно: даже гнилость.
Отчего же людям смерть приснилась?

ПРИРОДА

Что делать? Присяду на камень,
Послушаю иволги плач.
Брожу у забитых досками,
Жильцами покинутых дач.

Еще не промчалось и года,
Как смолкли шаги их вдали.
Но, кажется, рада природа,
Что люди отсюда ушли.

Забывши хозяев недавних,
Весь дом одряхлел и заглох,
На стенах, на крышах, на ставнях
Уже пробивается мох.

Да зелению, вьющейся дико,
К порогу забившей пути,

Повсюду бушует клубника,
Что встарь не хотела расти.

И если, бывало, в скворечнях
Скворцы приживались с трудом,
То нынче от зябликов вешних
В саду настоящий содом!

Тут, кажется, с нашего века
Прошли одичанья века...
Как быстро следы человека
Природы стирает рука!

* * *

Я не знаю, что на свете проще?
Глушь да топь, коряги да пеньки.
Старая березовая роща,
Редкий лес на берегу реки.

Капельки осеннего тумана
По стволам текут ручьями слез.
Серый волк царевича Ивана
По таким местам, видать, и вез.

Ты родись тут Муромцем Илюшей,
Ляг на мох и тридцать лет лежи.
Песня пой, грибы ищи и слушай,
Как в сухой траве шуршат ужи.

На сто верст кругом одно и то же:
Глушь да топь, чижи да дикий хмель...
Отчего ж нам этот край дороже
Всех заморских сказочных земель?

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ДАЧУ

...Итак, приезжайте к нам завтра, не позже!
У нас васильки собирай хоть охапкой.
Сегодня прошел замечательный дождик —
Серебряный гвоздик с алмазною шляпкой.

Он брызнул из маленькой-маленькой тучки
И шел специально для дачного леса,
Раскатистый гром, его верный попутчик,
Над ним хохотал, как подпивший повеса.

На Пушкино в десять идет электричка.
Послушайте, вы отказаться не вправе:
Кукушка снесла в нашей роще янчко,
Чтоб вас с наступающим счастьем поздравить!

Не будьте ленивы, не будьте упрямы.
Пораньше проснитесь, не мешкая встаньте.
В кокетливых шляпках, как модные дамы,
В лесу мухоморы стоят на пуанте.

Вам будет на сцене лесного театра
Вся наша программа показана разом:
Чудесный денек приготовлен на завтра,
И гром обеспечен, и дождик заказан!

* * *

Все мне мерещится поле с гречихою,
В маленьком доме сирень на окне,
Ясное-ясное, тихое-тихое
Летнее утро мерещится мне.

Мне вспоминается кляча чубарая,
Аист на крыше, скирды на гумне,
Темная-темная, старая-старая
Церковка наша мерещится мне.

Чудится мне, будто песню печальную
Мать надо мною поет в полусне,
Узкая-узкая, дальняя-дальняя
В поле дорога мерещится мне.

Где ж этот дом с оторвавшейся ставнею,
Комната с пестрым ковром на стене?
Милое-милое, давнее-давнее
Детство мое вспоминается мне.

ЮЛИЯ НЕЙМАН

ЗЕРНО

Как страшно, как тебе черно
Лежать в глухой земле, зерно!

Тебя сдавило тишиной
И тяжелой глыбой слюдяной,
Ты — немота, тоска и боль!..
Но что такое эта мука:
Разлука с жизнью?

Иль порука

Тому, что, претворяя соль
Страдания в живую силу,
Ты распрямишься для броска
И рассечешь свою могилу
Зеленым лезвием ростка?!

НАЧАЛО ОСЕНИ

Еще вчера все мрело, все текло,
Переливаясь медленно друг в друга,
Как свойственно июлю, полдню, югу,
А нынче — точно вставили стекло
Меж миром и тобою...

Воздух чист,

И на ветле заметен желтый лист,

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Трава и корни так набрякли влагой,
Так низко плыл земли влекущий дух,
Что стало ясно: ну, еще полшага,
Еще чуть-чуть напярчь глаза и слух —
И лопнут натянувшиеся нити
Препон, препятствий, полусгнивших пут,
И ты сольешься с лесом в том сонты,
Что смертью и рождением зовут.

ПОЛЕ ЗА ШАФРАНОВОМ

Родимый край — степной, неяркий, строгий...
В полях отцветших — серые межи...
Забудь себя. Присядь на край дороги.
На край дороги руки положи.

Увидишь неба неглубокий вырез,
Струенье тускло-розовой каймы...
Перегибаясь, иссякая, ширясь,
К тебе, как музыка, плывут холмы.

Плывут холмы. Плывет по степи стадо.
Плывут на запад чахлые кусты.
Где на ветру, по воле, без ограды
Растут из щебня мелкие кресты...

Забудь слова и домыслы сухие.
Не вспоминая, не злобствуй, не спеши.
И слушай мир, как слушают глухие —
Глазами, кожей, порами души.

БОРИС КОРНИЛОВ

* * *

Усталость тихая, вечерняя
Зовет из гула голосов
В Нижегородскую губернию
И в снть Семеновских лесов.

Сосновый шум и смех оснновый
Опять кулггами пройдет.
Я вечера припомню синие
И дымом пахнуций омет.

Березы нежной тело белое
В руках увижу ложкаря,
И вновь непочатая, целая
Заколыхается заря.

Ты не уйдешь, моя сосновая,
Моя любимая страна!
Когда-нибудь, но буду снова я
Бросать на землю семена.

Когда хозяйки хлопнут ставнями,
Дав отдых скрюченным рукам,
Я расскажу про город каменный
Седым угрюмым старикам.

Познаю вновь любовь вечернюю,
Уйдя из гула голосов
В Нижегородскую губернию,
В разбег Семеновских лесов.

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

* * *

Все богатства русского пейзажа
В полное владенье нам даны:
Вьюжных зим серебряная пряжа,
Кружева зеленые весны.

Летний полдень в поволоке зноя,
Вечер, заглядевшийся в ручей.
Узорочье луговин цветное,
Теплый воск желтеющих полей.

Расписные крылья листопада
Над бездонной синевой озер.
Все это твое, и сердце радо
Целый мир влюбить в родной простор.

* * *

Не оторвешь подошв горячих от земли,
На дерево взгляни — стоит, как вырезное.
Медлительных минут мохнатые шмели
Едва-едва ползут, отяжелев от зноя.

Чуть булькает ручей, как в горле кувшина.
С утра подкошен, луг лежит в цветных разводах.
На цыпочках стоит за стогом тишина,
Заботливо храня косцов недолгий отдых.

* * *

На опушке зной замешан густо,
А в лесу — чем дальше, тем свежей.
Есть у зайцев заячья капуста,
Ежевика зреет у ежей.

Дождались малиновки малины,
В журавлине бродят журавли...
...Позови тут детство с луговины,
И оно откликнется вдали!

* * *

Все: и вечерних облаков изломы,
И шум грачей, сводящих с летом счет,
И запах обмолоченной соломы —
Нам возвещает осени приход.

Мы встречу ей готовили весь год,
И за свое гордились ремесло мы —
Пропитанные солнцем агрономы,
Познавшие, как сладко пахнет пот.

Пусть осень, завершая круг забот,
Нежарким солнцем сентября согрета,
У наших остановится ворот.

Есть доброй встречи добрая примета:
Как с дерева упавший крупный плод,
Мы на ладонях взвешиваем лето.

* * *

В лугу отава скошена,
Туман стоит у омута.
Все сказано, все спрошено,
А сердце грустью тронута.

А ночь свежа осенняя,
Как яблоко расколота...
Так вот оно мгновение,
Когда молчанье — золото!

* * *

Как мне жалко людей, про которых
Говорят, что угрюмый их глаз
Видит лишь водоемы — в озерах,
А в лесу — древесины запас;

Кто не может с речушкой сдружиться,
Не заплачет навзрыд с куликом,
Кто не знает, как пахнет душица
На поемном лугу вечером;

Никогда не намокнет под ливнем,
Босиком по росе не пройдет
И под небом пронзительно-синим
Не забудет про дни непогод.

И — о чем бы они ни старались, —
Есть присловье одно про таких:
Ни себе, ни другим не на радость
Суетливые хлопоты их!

Пей же всласть родниковую воду,
Росной свежестью луга дыши.
Кто не любит родную природу —
Тот не знает народной души!

* * *

Вставать привыкший с детства в час восхода,
Пока в лугу не зазвенит коса,
На речку выйду, постою у брода,
Где так чисты пернатых голоса.

Я не прошу их: юность мне верните!
Пусть льется звуков благодатный дождь,
Я в нем ловлю связующие нити
Моей души с душой полей и рощ.

ИВАН БАУКОВ
ЭТО Я ПРИДУМАЛ СОЛОВЬЯ

Это я придумал соловья,
Чтоб вздохнула милая моя.
Чтоб когда ей станет тяжело,
Пусть она выходит за село,
Где так часто мы встречались с ней,
Где поет веселый соловей,
Где шумит высокая трава,
Где всегда живут мои слова.
Соловей их помнит наизусть...
И спадет с лица любимой грусть,
И вздохнет любимая легко,
Станет близким слово «далеко»,
Потому что в роще соловей
Ей расскажет о любви моей.
Это я придумал соловья,
Чтоб вздохнула милая моя.

ВИКТОР ГУСЕВ

КЛЕН

Друг мой лежал в госпитале.
Весна над ним бушевала.
Березы к нему простирали
зеленую силу свою.
Он мою руку потрогал.
— Жить мне осталось мало! —
Сказал он совсем спокойно, —
Выполни просьбу мою.
Я одинок, — ты знаешь,
может быть, это к счастью.
Мать умерла — я был маленьким.
Несколько лет назад
Была у меня невеста.
Я с нею встречался часто.
Потом она разлюбила.
Может быть, к лучшему, брат.
И может, товарищ, от жизни
такой вот моей одинокой
Иль оттого, что детишек
мне не пришлось растить,
Любил я сажать деревья
над Волгой своей широкой,
За каждым новым листочком
с отцовской любовью следить,
Глядеть, как они принимались,
как почки на них раскрывались,

Как новые веточки рвались
в мир — чужой и большой...
Стоит над рекою Волгой —
я с ним в разлуке долгой —
Клен, мой любимец маленький,
словно сынок меньшей.
Вспомню о нем сейчас я, —
и мне становится легче,
Как будто бы тень его листьев
мое освежает лицо.
Будто по мне тоскует
живою тоской человеческой
Это далекое, милое,
русское деревцо.
Верно, мне не увидеться
С сыном моим — кленом,
И я прошу тебя, брат мой,
на Волгу ко мне загляни.
Приди к моему клену
с последним моим поклоном,
Отдохни после дальней дороги
а сыновней его тени... —
Так он сказал и умер.
Простился я с ним навеки.
С лица его исхудавшего
исчезли боль и тоска.

Время вперед устремилось.
Зима заковала реки.
Весной я приехал на Волгу
и клен его отыскал.
Зашевелил его листья
ветер, с запада дуя, дунувший,
Ветер, прошедший сквозь пламя,
страдания и бои.
Клен стоял над рекою —
русский высокий юноша,
Для жизни, большой и стремительной,
расправляющий плечи свои.
Весна подожгла его листья,
превратила их в нежное пламя.
Так он стремился к небу,
столько в нем было огня,

Что мне показалось: будто
охваченная ветрами
Зеленая молодость мира
шумела вокруг меня.
И тут я подумал: как же
любил мой товарищ землю,
Как он растением новым
стремился украсить ее!
О чем он мечтал возле клена,
шуму листвы его внемля,
Реки своей ощущая
великое бытие?
Умер он в битве кровавой.
Безвестна его могила.
Он был одинокий — не оставил
ни матери, ни сирот.
Но он не исчез бесследно:
его молодая сила
Клейкой веточкой клена
стрежится в простор, вперед.
Так я стоял над Волгой,
и вдруг загремели тучи,
И клен зашумел, и Волга
загудела суровой волной,
И ливень упал на землю,
стремительный, русский, могучий,
Смерть моего товарища
оплакивая со мной.
Слезы дождя живые
заволжскую даль оросили,
И с новою силой рванулась
вверх молодая трава.
Новые люди рождались
в бессмертных просторах России,
Новые ветви вздымали
в лесах ее дерева.

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

* * *

У деревьев нет уродов,
У зверей уродов нет,
Безупречна птиц порода,
Соразмерен их скелет.

Даже там, в камнях пустыни,
В беспорядке диких скал
Совершенством мягких линий
Подкупает минерал.

МОЙ АРХИВ

Рукописи — береста.
Камни — черновик.
Буквы крупного роста
На берегу реки.

Мне не нужна бумага.
Вместо нее — леса.
Их не пугает влага:
Слезы, дожди, роса.

Дерево держит строки:
Желтый крутой затес,

Залитый светлым соком
Клейких горячих слез.

Вот надежно укрытый
Склад моего сырья,
Птицам позабытый,
Спрятанный от зверья.

* * *

Озерная вода прозрачней, чем глаза,
И заглянуть на дно не страшно и не горько,
И если щеки мне щекочет здесь слеза,
То только потому, что горек дым махорки.

И новых кустов, сплетенных крепче кос,
Касаться я могу своей рукой усталой,
Лекарством пахнет лес, лекарством сепокос,
И лесу грусть моя и вовсе не пристала.

* * *

На небе, бледно-васильковом,
Как облачко, висит луна,
И пруд морозом оценокван
И стужей высушен до дна.

Здесь солнце держат в черном теле,
И так оно истощено,
Что даже светит еле-еле
И не приходит под окно.

Здесь — вместо детского смятения
И геронческой тщеты —
Одушевленные растенья,
Деревья, камни и цветы...

ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ

* * *

Из тьмы ветвей — величье вечных дум...
Из уст листвы и птичьей переклички, —
из шума леса —
выползает шум
бегущей стоколесной электрички...

Два шума спорят — рядом и вдали —
в случайной встрече на опушке леса —
прелестный шум разбуженной земли
и грубый гул бегущего железа...

Но вот все глуше говорит металл,
он околдован воздухом свободы
и словно частью этой жизни стал,
вбежал — и слился с голосом природы.

ПЕТР СЕМЫНИН

* * *

Горит и вьется
Над цветком
Живой цветок в разводах,
И жарче
С каждым завитком
Дыханье небосвода.
А луг
Раскинулся в меду
До зарослей малины,
И солнце
Смотрит сквозь слюду
На Вавилон пчелиный.
Еще, наверное, дней пять
В сверканье
И гуденье
Продлится эта благодать
Великого
Цветенья.
Потом
С зарей придут сюда
Машины из совхоза —
И копны
Вымечет страда
Горячего покоса.

Языческие торжества
Дажбога
И Велеса
Зимой
Перенесут в хлева
Во славу
Норм привеса.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Ветер, теплый и сырой,
Спотыкающийся, пьяный,
Пахнет тополя корой,
Горьковатою и пряной.

Даже пролитый бензин
Ротозеями с трехтопки,
Даже рыбный магазин
Не забили запах тонкий.

Как высокая струна,
Что звенит не убывая,
В синем воздухе слышна
Сладость горечи живая.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ЛЕТО

Из поэмы

1

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Поводырем по всей России
Ты сказку за руку водил.
Шумели Обь, Иртыш и Волга,
И девки пели на возах,
И на закат смотрели долго
Их золоченые глаза.
Возы прошли по гребням пенным
Высоких трав, в тениях, в пыли,
Как будто б вместе с первым сеном
Июнь в деревни привезли.

.

2

Мы пьем из круглых чашек лето.
Ты в сердце вслушайся мое,
Затем так смутно песня спета,
Чтоб ты угадывал ее.
У нас загадка не простая...
Ты требуй, вопрекор молве,
Чтоб яблони собирались в стаи,

Чтоб голуби росли в траве,
Чтоб на сосне в затишье сада
Свисала тяжело гроздь сорок —
Все это сбудется, как надо,
На урожай будет срок!

ИРТЫШ

Камыш высок, осока высока,
Тоской набух тугой сосок волчицы,
Слетает птица с дикого песка,
Крылами бьет и на волиу садится.

Река просторной родины моей,
Просторная,
Иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплескивай язей —
Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый.

Светла твоя подводная гроза,
Быстры волины шатучие качели,
И в глубине раскрытые глаза
У плавуна, как звезды, порыжели.

И в погребах песчаных в глубине
С косою до пят, румяными устами
У сундуков незапертых, на дне
Лежат красавки с щучьими хвостами.

Сверкни, Иртыш, их перстнем золотым!
Сон не идет, заботы их не точат,
Течением относит груди им
И раки пальцы нежные щекочут.

Маши турецкой кистью камыша,
Теки, Иртыш! Любуясь, не дыша,
Одним тобой, красавец остроскулый,
Оставив целым меду полковша,
Роскошествуя, лето потонуло.

Мы встретились. Я чалки не отдам,
Я сердца вновь вручу тебе удары...

По гребням пенистым, по лебедям
Ударили колеса «Товар-пара».

Он шел одетый в золото и медь,
Грудастый шел. Наряженные в ситцы,
Ладоны к бровям, сбегались поглядеть
Досужие приречные станицы.

Как медлит он, течение поборов,
Покачиваясь на волнах дородных...
Приветственный погуливает рев —
Бродячий сын компаний пароходных.

Катайте бочки, сыпьте в трюмы хлеб,
Ссыпайте соль, которою богаты.
Мне б горсть большого урожая, мне б
Большой воды грудные перекаты.

Я б с милой тоже повстречаться рад —
Вновь распознать забытое в разлуке,
Из-под ресниц позолоченный взгляд,
Ее волос могучий перекат,
И зноем зацелованные руки.

Чтоб про других шепнула: не вини...
Чтоб губ от губ моих не отрывала,
Чтоб свадебные горькие огни
Ночь на баржах печально зажигала.

Чтобы Иртыш, меж рек иных скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слез на лицах оставались
Лишь яростные брызги от воды!

* * *

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песню! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!

К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

* * *

Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьн изумруды
В нелюдимом, северном краю.

Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мед.
Незаметно все приблизит сроки,
Седнна нам кудри обовьет.

Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листья,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши все...»

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Рожь отволновалась.
Дым прошел.
Налило зерно до половины.
Колос мягок, но уже тяжел,
И уже в нем запах есть овинный...

* * *

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведет неведомо куда.
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь — до свода голубого,
Чуть видишь где-нибудь вдали,
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывет в пыли.
Рожь уродилась. Близки сроки,
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге,
Нависнула — хоть подпирай.
Знать, колос, туго начиненный,
Четырехгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землей.

* * *

Как только снег начнут буравить
Ручьи апреля вдоль дорог,
Опять весна тебе представит
Всех весен прожитых урок.

В набитой густо ржавой пене
Нельзя и нынче не узнать
Всёх вод сбежавших нетерпенье,
Не возвращающихся вспять.

В цветенье голых верб, орешин
И ольх над полой ширью рек
Вновь постигаешь, как поспешен
Крутой поры кипучий бег.

Как чуток ветки сон сторожкий.
Лучом пригретые едва,
Отдать дымок спешат сережки,
Пока спеленута листва.

Как быстры смены, кратки сроки:
Еще в овраге снег прнник,
А по сухой уже дороге
В пыли несется грузовик.

И позади зимы остатки.
Машина с воем воздух рвет.
На ней березки для посадки,
И почки тронутся вот-вот...

* * *

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинутся,
И разом — в сырой ночи
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И, сонная, талая,
Земля объянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежно-зеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была, да канула,
А есть и будет с тобой.

ЕЩЕ О СИБИРИ

Сибирь не любит насаждений —
Не зря в народе говорят.
Порой пятна лиственной тени
На сто дворов не встретит взгляд.
И суть не в том, что злы морозы, —
Не о вишневых речь садах, —
Но хоть бы ствол мелькнул березы
Иль куст рябины на задах.
Домов обветренная серость,
Задворков голых скучный вид, —
Вся неприютная оседлость —

Она о многом говорит.
О том, как деды в диком крае
За трудным пашенным добром
Ходили в бой, отодвигая
Тайгу огнем и топором;
Тайгу, что их теснила тенью
И свой вела из года в год
На тех завидных, жирных землях
Извечный севооборот.
Какая к лесу будет жалость,
Зачем он был — тот самый куст:
За ним тайга вблизи держалась,
И мрак, и глушь, и зверь, и гнус...

Нет, даже спрашивать неловко
Насчет посадочных забот
В таких местах, где раскорчевка
И нынче в поле — жаркий пот;
Где ради каждой новой сотки
Земли из-под вчерашних пней
Гремят бульдозеры, лебедки,
Взрывчатка ухает на ней...

Все так. Но тем еще дороже
Душе моей, когда порой
И здесь увидишь вдоль дороги
Березок юных ровный строй;
Цепочку елей малолетних,
Подростков-тополей череду, —
Они для глаза тем приметней,
Что вся тайга еще в виду;
Вся эта просека Сибири
Вдоль знаменитого шоссе, —
Вовек без надобности были

Ей даже думы о красе.
И светлой верю я примете,
Не в дальних даях вижу срок,
Когда и этот край на свете
Мы обратим до пяди впрок, —
С не меньшей, может быть, любовью,
Чем та, что знают на земле
Сады и рощи Подмосковья
Иль Крым, ухоженный в тепле.

В ТАЙГЕ ПРИМОРЬЯ

Как будто дождь медовый выпал
Над этой чудной стороной:
Так густо дух таежной липы
Стоит, тягучий и парной.

И над дорогой, над машиной,
И надо всей самой тайгой —
Бездонный ровный звон пчелиный,
Бессонный день жары глухой.

Здесь царство липы, — клен и ясень,
Орех и дуб в ее тени...
А четкий строй таежных пасек
Поселкам нынешним сродни

И простота, и стройность та же,
И блеск проструганной сосны,
И легкость звонкая, и даже
Щеголеватость новизны.

* * *

Мне сладок был тот шум сонливый
И неусыпный полевой,
Когда в июне, до налива,
Смыкалась рожь над головой.

И трогал душу по-другому, —
Хоть с детства слух к нему привык, —
Невнятный говор или гомон
В вершинках сосен вековых.

Но эти памятные шумы —
Иной порой, в краю другом —
Как будто отзвук давней думы,
Мне в шуме слышались морском.

Распознавалась та же мера
И тоны музыки земной...
Все это жизнь моя шумела,
Что вся была еще за мной.

И все, что мне тогда вещала,
Что обещала мне она,
Я слышать вновь готов сначала,
Как песню, даром что грустна.

* * *

Спасибо за утро такое,
За чудные эти часы
Лесного — не сна, а покоя,
Безмолвной морозной красоты,

Когда над изгибом тропинки
С разлтых недвижных ветвей
Снежинки, одной порошок,
Стряхнуть опасается ель.

За тихое, легкое счастье, —
Не знаю, чему иль кому, —
Спасибо, но, может, отчасти
Сегодня — себе самому.

* * *

Чуть зацветет иван-чай, —
С этого самого цвета —
Раннее лето, прощай,
Здравствуй, полдненное лето.

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит — как будто в дупле
Скрыты горячие соты.

От перестоя трава
Никнет в сухом оперенье.
Как жестяная, мертва
Темная зелень сирени.

Где-то уже позади
День равноденствие славит.
И не впервые дожди
В теплой листве шепелявят.

Не пропускай, отмечай
Снова и снова на свете
Легкую эту печаль,
Убыли-прибыли эти.

Все их приветствуй с утра
Или под вечер с устатку...
Здравствуй, любая пора,
И проходи по порядку.

НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬЕВ

* * *

Куда ни кинут люди взгляд, —
Светлей живется,
Легче дышится:
Луга лежат,
Леса стоят,
Снега летят,
Моря колышутся.

КЛАРА АРСЕНЕВА

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА

Событий множество: вяз утром развернулся.
От снежной тишины глухой квартал очнулся.
Воспрянул и скрипач с неугомонной скрипкой.
Кустарник под окном, пахучий, свежий, липкий,
Наверно, разбудил его весенним зовом.
А красный мезонин под облаком лиловым
Тревожит мастера непостижимым цветом.
Он видит из окна сиянье крыш с рассветом,
Багровых, бурных зорь расплавленное пламя,
Рабочий городок, поросший тополями.
В садах сиреневых дни стали ожиданьем, —
Недели пролетят — однажды утром ранним
Прохожий, не узнав округи, поразится:
Сирень, сирень, сирень... весь мир преобразится.

ГРОЗОВОЕ ЛЕТО

Мрак режут молнии — синим, синим...
Сад погружается в глубину.
Черным крылом неизвестной птицы
Перечеркнуло луну.

И распускается на глазах
В темени сада ночная лилия.
Словно сорвавшийся ритм стиха —
Сил растревоженных изобилие.

ОСЕНЬ В ГОЛИЦЫНЕ

Вчера протапливали дом,
И стало вновь уютно в нем.
Дождь обложной пройдет не скоро.
Рябина мокнет у забора.
Здесь можно жить, читать, мечтать,
Писателем, быть может, стать,
Когда б от одного желанья
Проснулся дух повествованья...
В дыхании осенних дней
Былое кажется ясней:
Ценою гибели любимых,
Ценой для них наставшей тьмы
Узнали цену жизни мы
И смысл вещей неповторимых.
И каждая с тех пор весна
Такой нам кажется, как предку
Казалась в первый день она.
И осени багровой ветку,
Что поздним солнцем налилась,
Мы видим словно в первый раз.
Сильнее запах тополиный
Средь наступившей тишины...
И желто-красные рябины
Одни за ливнями видны.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ
ЛАСТОЧКИ НАД ОБРЫВОМ

*...О, домовитая! ласточка,
О, милосизая птичка!*

Г. ДЕРЖАВИН

1

Пришла к тому обрыву
судьбе взглянуть в глаза.
Вот здесь была счастливой
я много лет назад...

Морская даль синела,
и бронзов был закат.
Трава чуть-чуть свистела,
как много лет назад.

И так же пахло мятой,
и плакали стрижи...
Но чем свои утраты,
чем выкуплю — скажи?

Не выкупить, не вымолить
и снова не начать.
Проклятия не вымолвить.
Припомнить и — молчать.

Так тихо я сидела,
Закрыв лицо платком,

что ласточка задела
плечо мое крылом...

2

Стремясь с безумной высоты,
задела ласточка плечо мне.
А я подумала, что ты
рукой коснулся, что-то вспомнив.

И обернулась я к тебе,
забыв обиды и смятение,
прощая все своей судьбе
за легкое прикосновение.

3

Как обрадовалась я
твоему прикосновению,
ласточка, судьба моя,
трепет, дерзость, искушенье!

Точно встала я с земли,
снова миру улыбнулась.
Точно крылья проросли
там, где ты
крылом коснулась.

БАБЬЕ ЛЕТО

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется
бабье лето
и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, легкая паутина...
Как звонко поют запоздалые птицы!
Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно оттремели могучие ливни,
все отдано тихой и темною нивой...

Все чаще от взгляда бываю счастливой,
все реже и горше бываю ревнивой.

О, мудрость щедрейшего бабьего лета,
с отрадой тебя принимаю... И все же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звезды все строже..

Вот видишь — проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться...

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

СО МНОЙ ЗАОДНО...

Мело и в трубах подвывало,
И было смутно и бело,
И, как из старого подвала,
От речки сырость волокло.

Она пока еще не стала,
Была озябшей и нагой
И лишь наращивала сало,
Чтоб после зашуметь шугой.

Просеивая света с горстку
Сквозь ледяные облака,
День мерк и в белой шубе гостью
Встречал растерянно слегка.

И две нахохленных вороны,
Пока не сделалось темно,
Что краски лета разворованы —
Со мной грустили заодно.

ПЕТР КОМАРОВ

КЕДР

На вершине горного хребта
Он стоял ветрам наперекор,
Где орлица смелая — и та
Редко пролетала из-за гор.

А внизу, где сыростью пропах
Камень обомшелый у ствола,
Чахлая, колючая, в шипах,
Дикая аралия цвела.

И когда тайфун или гроза,
Великан противился седой,
А она сгибалась, как лоза,
Перед каждой новой бедой.

Годы шли без счета и числа,
Годы не тревожили ее.
А над кедром буря занесла
Молнии гилеяцкое копье.

Среди мглы — тяжелой и густой —
Старый кедр метался до утра,
И на нем, как панцирь золотой,
Вековая треснула кора.

Словно кровь в груди богатыря,
Смола закипели под корой,

Потекли ручьями янтара
К почве неуютной и сырой.

Тысячами белок по стволу
Желтые запрыгали огни,
Рассыпались, падая во мглу,
Где цвела аралния в тени.

И ее коричневая ветвь
В этот час шептала все сильней,
Что ветрам неистовым в ответ
Лучше пролежать между камней.

Где-то грохот слышался вдали,
Крик орлицы в сумраке глухом.
А она склонилась до земли —
Обрастать лишайником и мхом...

На скалу поднялся человек —
И ему ответила скала,
Где тут жизнь прославилась навек,
Где тут смерть хозяйкою была.

Если мне придется умереть —
Кедром упаду я поутру.
Лучше сразу факелом сгореть,
Чем всю жизнь сгибаться на ветру!

ЗЕЛЕНЫЙ ПОЯС

Мохнатый ельник.
Свежий след лося.
Глухарь токует, за ветвями кроясь...
Вам нет границы, русские леса!
Из края в край шумит Зеленый пояс.

А выйдешь в степь —
Ей тоже нет конца,
И степь родную не охватишь глазом...
Вокруг нее —
Так нам диктует разум —
Зеленый пояс ляжет в три кольца.

И это будет делом наших рук...
Придет пора —
Мы одолеем вьюгу,
Сады перешагнут Полярный круг,
И лиственница выберется к югу.

И вижу я тот благодатный год —
И зной песков,
Где рощи зашумели,
И полюс холода,
Где мы достигли цели:
Там ртуть мертва, но яблоня цветет!

ДУБ

Словно часовой, в широкой пойме
Он стоит, оберегая рожь;
И недаром на патрон в обойме
Каждый желудь у него похож.

ОЛЕНЬ-ЦВЕТOK

В тигровой пади спозаранок
Я каждый день услышать мог
Короткий свист пугливых ланок,
Изюбра осторожный вздох.

Шумит, клубится, как живая,
Лесная речка за спиной,
И егерь, зверя подзывая,
Трубит в рожок берестяной.

Тут позабудешь все на свете:
Долину, лес, речной поток, —
Когда к тебе на звуки эти
С горы бежит олень-цветок.

Вот он идет, трубит невятно
В ответ певучему рожку,
И пляшут солнечные пятна
На разрисованном боку.

За ним другой подходит просто,
Совсем не чувствуя беды,
Туда, где тонкая береста
Поет на разные лады.

И вот уже их здесь немало
Спустилось в дол, подняв рога,
Как будто разом замелькала
Живыми бликами тайга.

Рожок трубил, и мне казалось,
Я не звериный слышу бег, —
Но вся природа отзывалась,
Когда к ней вышел человек.

НА КРАЮ РОССИИ

Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропой маньчжура
Ты пугал меня, край лесной.

Ни церковей на холмах зеленых,
Ни плакучих берез в полях —
Только кедры на горных склонах,
Где за соболем шел гилек.

Но сейчас, кого ни спроси я,
Все ответят наперебой:
Нам и здесь ты мила, Россия,
Край суровый наш, край родной!

Ты укрылась от недруга тыном.
Сопки. Мари. Тайга. Вода.
С Ерофеем — крестьянским сыном —
Ты из Вологды шла сюда.

На чукотский всходила берег,
Где туманы плывут с утра,
Где над скалами поднял Беринг
Государственный флаг Петра.

Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрый именем помянуть!

Не найдешь той минуты краше.
Когда люди сказать смогли:
Все здесь русское, все здесь наше —
От Москвы до конца земли...

Где-то есть, под Рязанью, что ли,
Не такие, как здесь места:
За селом — с васильками поле,
Неба звонкая высота.

Что же, пусть небеса другие
Опускаются надо мной —
Ты и здесь мне мила, Россия,
Край суровый мой, край родной!

ПРИАМУРЬЕ

Край далекий — с лесами да сопками,
С поздней жалобой птиц, — это ты
Разбудил голосами высокими
Сыновей золотые мечты.

Много стран в эти годы видали мы,
По дорогам солдатским пыля.
Только нам и за дальними далями
Снилась наша родная земля:

Небеса с колдовскими закатами
И тайги вековечный покой,
И Амур с берегами покатыми,
И весенний туман над рекой.

Выйдешь в поле — весна над равниною
Из цветов вышивает узор,
Вереницу следит журавлиную
Голубыми глазами озер.

И любая березка знакома нам.
Только крикнешь — на все голоса
Птичьим щебетом, свистом и гомоном
В тот же миг отзовутся леса.

Лось идет ли по склону отлогому,
Головой раздвигая кусты,
Или рысь возвращается к логову —
В каждом шорохе слышишься ты.

Я бы ветры вдохиул твои с жаждою,
Я бы выпил ручьи до глотка,
Я тропинку бы выходил каждую,
Да моя сторона велика.

Как посмотришь — не хватит и месяца
Обойти и объехать ее.
Только в песне да в сказке уместится
Приамурье мое!

СЕМЕН ЛИПКИН

В РОЩЕ

Синица, твой русский свист,
Я знаю, звучит не праздно,
Как узкий специалист,
Ты дивно однообразна,

Но только тебе невдомек,
Что песня твоя голубит
Вот этот безвестный листок
Породы «любит не любит».

Безвестный? Как бы не так!
Быть может, соседним листьям
Известен он как чудак
И славится бескорыстьем?

Неужто всю жизнь воробей
Бренчит для себя на гитаре
И знать не знает друзей —
Ромашек, иван-да-марий?

Неужто жители рощ
Друг другу чужды от века
И лишь обретают мощь,
Сливаясь в душе человека?

Пусть эта душа узка, —
Земля к ней спешит за данью,
А радость ее и тоска
Равны всему мирозданью.

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

ГРИБЫ

Случалось ли вам собирать грибы
В лесу, где тропинки протоптаны деши?
Где кони тумана встают на дыбы
В проемах полян и зеленых проплешии?
Известно ли вам, как старик подосиновик
В траву загоняет свою детвору,
Как в желтых платочках и ярко-малиновых
Ведут хоровод сыроежки в бору?
Видали ли вы, как под хвойною крышей
Гуляет в сапожках сафьяновых рыжик,
И гриб-боровик входит в сумрак глубокий,
За юбки молоденьких елок держась?
Ложилась ли вам на горячие щеки
Лесных паутинок прохладная вязь?
А если вам это знакомо и дорого,
То, значит, вы знаете, как хороши
Внезапные встречи средь хвойного шороха
В местах, где, казалось бы, нет ни души...

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

ЖИВОЙ ДОЖДЬ

Дождь был живым. Ну только если —
Не говорил. А так — живой.
Дома и камни пели песни,
Когда он шел по мостовой.

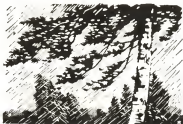
Он все спешил навстречу лету.
В садах судачили грачи.
И глухо бились о планету
Его упругие мячи.

Свивались синие спирали.
И струи были так легки —
Как будто мальчики играли
И бегали вперегойки.

РАЗНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Я в лес вхожу, как в пеструю толпу.
Не смейте говорить мне, что деревья
Друг друга повторяют. Это ложь.
Вы только к ним позорче присмотритесь.
Деревья тоже разные. Как люди.
Одни растут в тени. И незаметны.
Другие на виду. Как на базаре.

И если ты их громко не похвалишь —
Страшись, несчастный! Месть тебя пайдет!
А вот стоит ветвистый великан,
А рядом с ним невестится березка.
Они друг другу нравятся, наверно.
По принципу контрастности. Как в жизни.
Как у людей. Совет им да любовь.
А это кто? Глядит чернее ночи.
Все норовит схватиться за соседа.
Сам махонький, плюгавенький, невзрачный.
Он, говорят, от зависти так высох.
Все злобится. Все сохнет на корню.
Кому же он завидует? Соседу!
А почему завидует? Тот выше.
Тот даже в бурю листьев не роняет.
А ночью виден всем издалика.
Ах, эти мне завистники, ей-богу!
Завидуют всему, что ни случится.
Не знаю, как у вас, а в нашем доме
Один жилец от зависти умрет.
А вот стоят две елки. Две подружки.
Одна из них шершава. Узловата.
Другая гладкокожа. Как игла.
Вам кто милей! Которая поглаже?
А мне милее та, что пошершавей.
Люблю характер, выраженный броско.
А гладеньких и скрытных не люблю.
Вчера в лесу, когда деревья спали,
Скончался клен. Вы слышали? А рядом
Вдруг засветился пламенем зеленым
Поднявшийся над травами дубок.
Бушует жизнь. Таков лесной закон.
Деревья гибнут — лес не умирает.
Теперь вы понимаете, надеюсь,
Что значит лес! И если кто-то скажет,
Что будто я от жизни оторвался,
Что я в лесу скрываюсь от людей —
Не верьте вздору этому. Не надо.
Деревья тоже разные. Как люди.
Вы только в них попристальней взглянитесь.
И обнажится сердце перед вами.
И распахнется этот мир зеленый.
И настезь лес! Как перед другом друг!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Я помню, ранило березу
осколком бомбы на заре.
Студеный сок бежал, как слезы
по изувеченной коре.

За лесом пушки грохотали,
клубился дым пороховой.
Но мы столицу отстояли,
спасли березу под Москвой.

И рано-раненько весною
береза белая опять
оделась новою листвою
и стала землю украшать.

И с той поры на все угрозы
мы неизменно говорим:
родную русскую березу
в обиду больше не дадим!

КСЕНИЯ НЕКРАСОВА

ВЕСНА

Босоногая роща
Всплеснула руками
И разогнала грачей из гнезд.
И природа,
По последнему слову техники,
Тонко-лиственные приборы
Расставила у берез.
А прохожий сказал о них,
Низко склоняясь:
«Тише, пожалуйста, —
Это подснежники...»

НА ЗАКАТЕ

Я сидела ниже травы,
тише листвы.
А выше моей головы
двели на грядах цветы.
И лиловые залы видела я
и оранжевое убранство их.
Цветочный паломник —
косматый шмель
в дом голубой
на зеленом стебле,
не стуча, не спрося, влетел.

А в зале чаши
нет никого,
и тычинки стволы пусты,
и лапы шмеля ни к чему
без желтых следов пыльцы
И незванный гость
зажужжал в усы
и вылетел вои, сердясь.
А в синем небе гасла заря,
и в цветах закрывался вход...

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

ПЕЙЗАЖ

Сегодня в утреннюю пору,
когда обычно даль темна,
я отодвинул набок штору
и молча замер у окна.

Небес сняющая сила
без суеты и без труда
сосняк и ельник просквозила,
да так, как будто навсегда.

Мне — как награда без привычки
вся освещенная земля
и drobный стрекот электрички,
как шов, сшивающий поля.

Я плотью чувствую и слышу,
что с этим зимним утром слит,
и жизнь моя, как снег на крыше,
в спокойном золоте блестит.

Еще покроют небо тучи,
еще во двор заглянет зло.
Но все-таки насколько лучше,
когда за окнами светло!

ПЕЙЗАЖ У ОКНА

Безмятежна и нежна,
как-то непривычно
под окном стоит сосна
местности больничной.

По утрам, пока темно,
и при солнце знойном
на нее гляжу в окно
прямо и достойно.

Променив свое жилье
на бивак палатный
пью спокойствие ее
даром и бесплатно.

В сием мареве снегов
нашу зыбкость чуя,
лучше всяких докторов
нас она врачует.

В тишине ее ветвей,
словно бы с наброска,
приютилась рядом с ней
слабая березка.

Красный лозунг кумача,
птиц бесшумных стая,
Белый ситец и парча,
солнцем залитая.
Подвечечная свеча,
риза золотая.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В гудки индустрии поверя,
спав от волнения с лица,
мы вышли все из сельской двери,
сошли с крестьянского крыльца.

И нас от старого крылечка
и вдоль села, и за село,

кружась и прыгая, колечко
в далекий город увело.

Нет, это вовсе не отсталость,
что с той поры до этих дней
вся та земля, что там осталась,
осталась в памяти твоей.

Ты весь засветишься на рынке
среди повседневной тесноты,
в крестьянской ивовой корзинке
увидев сельские цветы.

Оттуда, от полян и речек,
с какой-то детскою тоской
они пришли к тебе навстречу,
бывалый житель городской.

Вези их в утреннем трамвае,
не суетясь и не спеша,
неловко к сердцу прижимая,
увялой свежестью дыша.

Тебе цветы расскажут эти,
их полевая простота,
что где-то там на белом свете,
как рожь на утреннем рассвете,
шумят родимые места;

что светит небо дорогое
и так, да и не так, как тут,
и за собою, за собою
тебя обратно позовут.

Любовь к земле на расстояние
нехлопотлива, хоть трудна.
Но это все не покаянье,
а только лирика одна.

Одна страна, одна Россия
взяла под собственную сень
и наши судьбы городские,
и судьбы наших деревень.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Сошли снега.
В степи весенней
Стихал заметно шум воды.
На новых землях с нетерпеньем
Мы ждали первой борозды.

А первой не было.
И многим
День показался слишком прост:
Без напряженья, от дороги
Взял трактор целых пять борозд.

СОСНОВАЯ ГРИВА

Бор — как озеро в разливе.
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на гриве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Солицем даже темный ельник
В заовражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,

И везде, стройны и строги,
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней,
А без песен не живем,
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гривы достаем.

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Разве видать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стежки,
Красные клены — расшитый плат,
Гроздья рябины — в ушах сережки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках — мягка дорога! —
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей?
Посеяно, сжато...
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой —
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят,
А махнет другой —
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

ДЫХАНИЕ

Пока весну томит истома
летучих звезд,
текучих вод,
пока в прямой громоотвод
летит косая искра грома, —
вставай и на реку иди,
на берегу поставь треножник
и наблюдай весну, художник.

Пускай прошелестят дожди,
пускай гроза по-над землею
пройдет и громом оглушит
закат, что наскоро пришит
к сырому небу, чтобы мглою
покрыться через полчаса,
чтоб видеть свет правобережный,
чтоб новый мир —
промытый, свежий —
в твоём сознании начался.

Тогда — писать, но без корысти,
сушь равнодушья заменив
единоборством грозных нив,
полетом сердца,
взора,
кисти!

ОСЕНЬ

Звезд тишина неизменная,
Сумерек зыбкая просинь.
Первая послевоенная
милая русская осень.

Тихо пришла она — вкрадчивая,
судя по звукам — тугая,
песни и дни укорачивая,
свет в куреньях зажигая.

В пору такую караичи
к лунным лучам приторочены,
в пору такую, играючи,
пробуют усики заячьи
танковый след вдоль обочины.

Все мне и любо, и дорого:
и безразличьем простора
суженное до шороха
сердцебиенье мотора;

и журавлиная ижица,
что под луной воровато
древней дорогою движется
к знойному устью Евфрата;
и неземная, отпетая,
вешняя юность акаций...
Осень относится к этому
с невозмутимой прохладцей.

Кочет горластый
неистово
прясла и птичник окликал.

...Осень сады перелистывает
после учебных каникул.

ПАВЕЛ ШУБИН

УТРЕННИЙ СВЕТ

В том городе, где жили мы с тобой,
К заборам ник подсолнечник рябой,
И журавли, спеша на водопой,
Вплетались в сон трубою зоровой.
Потом скрипел на все лады обоз,
Ругал кобылу сонный водовоз,
И рыболов катился под откос,
Гремя ведром, седобород и бос.
А утро разгоралось все смелей
В голубоватых кропах тополей,
И запах меда долетал с полей
На крыльях ос и золотых шмелей.
Мы в сад входили. От незримых дел
Он, словно улей, целый день гудел:
Дрались жуки, за мухой стриж летел,
Шли муравьи войной в чужой предел.
Давным-давно, ветрамп обнесен,
Замолк тот сад. Но, памятью спасен,
Как первый вздох,
Как звон струны сквозь сон,
В моей душе не умолкает он.
И, может быть, счастливый я такой
Затем, что где-то, за степной лукой,
Есть городок над тихою Окой,
Одетый в синий полевой покой.

ЛЕВ ОЗЕРОВ

* * *

Сад изнывал от птичьей ворожбы,
Неистовства певцов своей судьбы,
Среди которых не было льстецов —
Подобострастье не попало в щебет, —
Ковала счастье сотня кузнецов,
А горн рассвета раздувался в небе.
Он полыхал. От птичьей ворожбы
Сад изнывал. В нем были все звучанья,
Но не было валторны и трубы, —
Полутона, намеки и мельканья.
Все пели вместе — каждый за себя,
Все пели разом, соло и попарно,
Заливисто, но не высокопарно,
Раскатисто, как дробь, но не трубя.
Все пели на заре самозабвенно,
Как будто пел я сам в счастливый миг,
Не зная, что вне нас, что в нас самих,
Не ведая, что вечно, что мгновенно.

* * *

В каждом колосе вижу поле,
В каждом голосе слышу хор.
За крупницей азовской соли
Моря видится мне простор.

В каждой капле лесных росинок
Светит в радости и в беде
Лебединое небо России,
Повторенное в волжской воде.

НАДПИСЬ НА ТОМЕ ПРИШВИНА

Я в лес вхожу: мельканье, лепет, шелест,
И птичий разговор вокруг меня,
И светлые пластины лезут в щели.
Их точит мошкара.
Начало дня.
Лежу в траве.
За путаницей игл —
Простор, освистанный голубизной.
Не то вершины ветер вдруг задвигал,
Не то земля качнулась подо мной.
Стволы стоят, повернутые боком
К багрянцу угасающих лучей.
Им не шуметь бы в синеве глубокой,
Когда б их не поил лесной ручей.
К чему клоню?
Шумит ветвями слово,
Затем, что в переменчивой тиши,
Подобно току ручейка лесного,
Идет работа творческой души.

* * *

Краюха озера с отломленным бочком
Красна, вкусна и так необходима —
С надутым парусом, с витком седого дыма,
С глядящим из воды сверкающим зрачком, —
Так солнце повторилось в этой глуби,
Чтобы смотреть, как люди, снизу вверх
И видеть облаков разбросанные клубы
И листьев и камней полдневный пересверк.

ВИКТОР БОКОВ

* * *

Отыми соловья от зарослей,
От родного ручья с родником,
И искусство покажется замыслом,
Неоконченным черновиком.

Будет песня тогда соловьиная,
Будто долька луны половинная,
Будто колос, налитый не всклесть,
А всего и немного потеряно:
Родничок да ольховое дерево,
Дикий хмель да прохлада и тень!

* * *

Без радуги, без грома и без молнии
Прошел едва заметный миру дождь.
Прошел в людском бесславье и безмолвии,
Никто ему не выкрикнул: — Хорош!

Он был настолько тих и незаметен,
Что в памяти мог сразу умереть.
И было б так, когда бы вслед за этим
Луга не стали буйно зеленеть!

Ельничек-березничек,
Рыжики, волнушки.
Хорошо сумерничать
У лесной избушки.

В туеске берестяном
Спелая брусница.
Тихо над деревьями
Пролетает птица.

Муравьи шевелятся
В куче листвоваля,
Все еще не ленятся,
Все еще им мало!

По тропе таинственной
Возле двух рябнинок
Ходит еж воннственный:
— Кто на поединок?

Звезды зажигаются
Над макушкой ели,
Скромно дожидаются,
Чтобы их воспели!

МАРГАРИТА АЛИГЕР

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Облетают деревья, в которых
затаился и жил для меня
еле слышный, немолкнувший шорох
отгремевшего майского дня.
Эти самые листья весною,
недоверчивым, вкрадчивым днем,
содрогнуло короткой волею,
опалило внезапным огнем.
И раскаты горячего грома
задержались в прохладной
листве.

Я с тех пор в этой роще
как дома,
мы в глубоком и крепком родстве.
Я дымком неосевшим дышала,
прислоняясь к душистым стволам,
и она мне ни в чем не мешала,
все делила со мной пополам.
Утешала меня как умела,
птичьи споры со мною вела,
умудрению и мерю шумела,
зеленела, ветвилась, росла.
Угощала меня земляничкой,
приводила мне в ноги ручей...
И от этой заботы великой
я сдалась и поверила ей.

Был так верен и так бескорыстен
наш немой безусловный союз...
Осыпаются тихие листья.
Молкнет роща, а я остаюсь.
Сокрушительным ветром подул.
Гром умолк, и развеялся дым.
Что ж ты, роща, меня обманула?
Грош цена утешеньям твоим!

Раздаются упреки глухие
наступлению осени в лад...
Осыпаются листья сухие,
но стволы нерушимо стоят.
И шумит непреклонно и грозно
их прямая и голая суть:

Невозвратно, напрасно и поздно!
Молодую листву позабудь.
Укрываться от правды — пустое!
Будь ясна, как осенняя тишь,
и решай, облетишь ли с листвою
или твердо, как мы, устоишь.
Нам лукавый обман ненавистен,
утешенья ничтожно малы...

Облетают последние листья,
но стоят нерушимо стволы.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

КОРАБЕЛЬНЫЙ БОР

Все чаще снится мне
Мой корабельный бор.
В надгорной вышине
Раскинул он шатер.
У ног его простерт
Седой гордец Урал.
Здесь куст и тот растет
Веками,
Как кристалл.
Здесь бродит тишина
Сторожкая, как рысь.
Здесь каждая сосна
Бросает шапку ввысь.
Упрямый, как гранит,
Стоит на гребне гор
И день-деньской звенит
Мой корабельный бор.

ГРОЗОВАЯ ТУЧА

Все окна настежь мы раскрыли:
Пусть в дом врывается гроза!
У тучи темные подкрылья
И злые острые глаза.

Она летит
Совсем как птица,
Все убыстряя свой полет.
...К птенцам торопится орлица
И в клюве молнии несет!

ИЮЛЬ В ТАЙГЕ

Полон ягоды подол
У лесной поляны.
Охраняют тиходол
Сосны-несмеяны.

У оленя на губах
Алый сок клубники,
И запутался в рогах
Колокольчик дикий.

ВАДИМ ШЕФНЕР

СТИХИ ПРИРОДЫ

Окрестность думает стихами,
Но мы не разбираем слов.
То нарастает, то стихает
Шальная ритмика ветров.

Неся дожди на берег дымный,
В раструбы раковин трубя,
Моря себе слагают гимны —
И сами слушают себя.

И скачут горные потоки
По выступам и валунам,
Твердя прерывистые строки,
Но только грохот слышен нам.

Лишь в день прощанья, в час ухода,
В миг расставальной тишины
Не шумы, а стихи природы,
Быть может, каждому слышны.

В них сплетены и гром, и шорох
В словесную живую нить —
В те строки тайные, которых
Нам негде будет разгласить.

ОДНАЖДЫ В ТАЙГЕ

На откосе крутого оврага,
Там, где не было встреч и разлук,
Красота, как медовая брага,
Закружила мне голову вдруг.

Я шагнул по нетоптаной глине,
Я нагнулся — и чистый родник,
Одиноко журчащий донныне,
Благодарю к ладоням приник.

И в кипенье, в хрустальных изломах
Отразил он сверканье дня,
И доверчиво ветви черемух
Наклонились, касаясь меня.

И цветы засияли, как звезды,
Будто славя рожденье свое —
Будто я красоту эту создал
Тем, что первым увидел ее...

ЯСТРЕБ

Природа все учла и взвесила.
Вы, легкодумные стрелки,
Не нарушайте равновесия
И зря не жмите на курки.

Вот кружит ястреб. Вредный вроде бы.
Но пусть летает, невредим:
Кому-то вреден, а природе он
Полезен и необходим.

Ты рай себе уютный выстроил,
Но без тревог не проживешь.
Убьешь печаль — но тем же выстрелом
И радость, может быть, убьешь.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

ДЕРЕВЬЯ

У нас была юрта с дырявой крышей,
с поющим в щели сверчком.
Мы сидели в ней в полдень
и пили дымную воду
с консервированным молоком.

Пятую ночь дует ветер с Хингана,
наступают осенние дни...

— Я так давно не видел деревьев!

Расскажи мне, какие они?

— Они очень, очень высокие,
они выше этой травы,
ни один двугорбый верблюд не дотянется
до их шумящей листвы.

— Листва!

Но я сам забыл ее шелест,
скитаясь по этим степям;
большие и маленькие
кусочки зеленого,
прицепленные к ветвям...

Деревья — их не с чем здесь сравнить,
они огромные, как облака,

они зеленые, как монгольский закат,
и шумные, как река.

А если их много,
целая роща,

зеленое море огня,
зеленое утром,
черное ночью,
синее на исходе дня... —
Но, прервав наши речи на полуслове,
грохот
донесся из-за реки,
как будто по очень глубоким ухабам
проехали грузовики.
И сразу на желтом пустом горизонте,
в белой степной пыли,
круглая темно-синяя роца
выросла из-под земли.
Она выросла сразу.
Она выросла молча.
Она выросла как стена —
красивая темно-синяя роца,
синяя дочерня.
Ну что же, смотри на нее, любуйся,
ты забыл здесь шелест листьев...
Но тот, кто давно не видел деревьев,
не повернул головы,
он только поглубже надвинул каску:
— Весь день облака и ветра,
опять эти роцы на горизонте.
Опять бомбежки с утра...

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

* * *

Хотел бы ты видеть рожденье земли?
Взойди на один из донецких курганов,
И ты различишь в неподвижной пыли
Свечение морей и кипенье вулканов.

Ты ясно увидишь на склоне крутом
Зарницы и молнии резкого цвета,
Туманные пятна, из коих потом
Возникла и наша жилая планета.

Дымится порода, и тлеет трава,
Как будто бы всех взбудоражив сиреной,
Какой-то гигант, засучив рукава,
Готовит похлебку для целой вселенной.

Ночной небосвод раскален и багров.
Всю степь от Вергунки до Красного Яра
Наполнили вздохи подземных миров,
Шипенье и свист паровозного пара.

Ты свет ее сразу узнаешь во мгле,
Увидишь огни, что ни разу не гасли, —
И низко поклонись этой земле
В железных ромашках, в мазуте и масле.

ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня.
Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

А рассвет уже все заметнее.
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ЛЕБЕДЕНОК

Ночные прожекторы видели
Заката багровую ленту.
Построившись в ряд, истребители
Дремали под мокрым брезентом.

Усталость пришла после ужина,
И каждому разное снится.
Но летчики были разбужены:
Кричала какая-то птица.

Так жалобно, призывающе,
И кажется — рядышком, близко.
Усиуть невозможно, товарищи,
От этого детского писка.

Со спичками вышли на выручку,
Ворча и ругаясь спросонок.
Расправив подбитое крылышко,
Лежал на траве лебеденок.

Нежданиго полуиочника,
В палатку внеся осторожно,
С ладоней бензиновых летчики
Кормили ватрушкой творожной.

Механик лекарства притаскивал,
Радист уносил их обратно;
Пригрели они его ласково,
Как будто больного собрата.

Поспал лебеденок, оправился...
И утром туманным и серым
Он к югу за стаей отправился,
А мы улетели на север.

МИХАИЛ ДУДИН

* * *

Нынче осень, как поздняя слава,
Пенадежна и так хороша!
Светит солнце весеннего сплава,
За холмы уходить не спеша.

А по кромке озерной у леса
Зеленеют в воде камыши.
И под тенью густого навеса
Тишина и покой. Ни души.

У опушки сухого болота
Вырастает вторая трава.
Красота! — и стрелять неохота —
Поднимаются тетерева.

Я нарочно оставил двустволку,
Чтоб не трогать внимательных птиц.
А по лесу звенит без умолку
Комариная песня синиц.

В рыжей хвое лесные дороги.
Листья падают, тихо шурша.
И душа забывает тревоги,
И обиды прощает душа.

Видно, лето не кончилось повесть,
И запас у природы богат.
Бронзовая, прямые, как совесть,
Смотрят старые сосны в закат.

* * *

Гроза развернется с размаха
И лес в оборот заберет.
Ударит хоралами Баха
И Листом по листьям пройдет.

Потом без учета нагрузок
На гулкий небесный орган
Всей силой неслыханных музык
Дремучий ответит курган.

Рассыпчатой дробью капли
Пустой запоем водосток.
И встанет из сумрачной прели
Зеленый, как пламя, росток.

Заглянет на дно водоема
Умытая ливнем гора.
И в гул уходящего грома
Вилетется струна комара.

И этой струной и органом
Положено сердцу гудеть.
...Повита легчайшим туманом
Заката червленная медь.

ВАСИЛИИ ФЕДОРОВ

* * *

Луна.
На тропке облюбованной
Теней волшебная игра.
Снег и березы...
Все отковано
Из молодого
Серебра.

А утром...
Утром снег синей,
Еще синей
И розовой,
Чем под полозьями саней
Боярыни Морозовой.

* * *

Беспокойно.
Дома не сидится.
Ухожу в окрестные леса.
Радуюсь деревьям,
Травам,
Птицам...
Чудеса!
Ей-богу, чудеса!

Песни птичьи
Заманили в дебри,
К вековому дубу привели.
Что ты знаешь
О таком шедевре
Истинной художницы —
Земли?
Может быть,
Под золотою грудой
Этих листьев
С мезозойских лет
Затаилось
И тантся чудо,
Так и не рожденное на свет.

* * *

И видел я
Незримое доселе:
Над головой моей издалека,
Похожие на древних птиц,
Летели
Напуганные чем-то облака.

Да, да, они летели,
А не плыли,
Они спешили,
Изнизу горя,
Как будто серо-пепельные крылья
Им обожгла высокая заря!

А по земле
Неся с собой прохладу,
Хлеба и травы делая темней,
Еще тревожней пробегало стадо,
Причудливое стадо
Их теней.

Казалось,
Не был мир еще распознан
И, смутный,
Ждал рожденья моего,

Казалось,
Был он только-только создан
И я свидетель
Первых дней его.

Казалось,
Все, что есть под небесами,
Я должен был
Обжить и обогреть...

Как хорошо
Однажды посмотреть
На старый мир
Таковыми вот глазами!

МИХАИЛ ЛУКОНИН

* * *

Зима в городах неказиста,
ей холодно, тесно, темно.
Легла бы —
просторно и чисто.
Да нет —

 в городах не дано.
Заметно неснящим поэтам —
у дворников снег не в чести.
Услышишь,

 как перед рассветом
они начинают скрести.
Снежинки искрят на лопатах,
нежны и сложны — не разбей!
Но с крыш,

 нестерпимо покатых,
сгоняют их, как голубей.
Урчит, подвигаясь рывками,
машина, грозна и строга;
стальными своими руками
она загребает снега.

Готово шоссе для разбега,
проснулись большие дома.
Зима остается без снега, —
а это уже не зима.

А вы поезжайте к Заволжью,
к подножью Уральской гряды.
Ликующей

радостной дрожью
охватит вас
степь Кулунды.
Взлетите-ка вы

над Казанью,
и вас позовет Бугульма.
Я видел своими глазами,
как дружит с народом зима.
Земля дорогая искрится,
простор беспределен
земной.

К Альметьевску —
к новой столице —
летите сюда

за зимой.
Снега и снега без предела,
пурга подымает дымы.
Найдешь себе место и дело, —
ты только

не бойся зимы.
Мороз пробирает до пота,
железные ходят грома:
вот это — скажу вам —
работа,
вот это — скажу вам —
зима!

Бетонные крыши оставив,
покинув вдали города,
на крышах товарных
составов
снег едет и едет сюда.
Края позабуду иные,
но этот —

забыть не смогу.
Здесь соки земли нефтяные
чернеют
на белом снегу.

ПАВЕЛ КОГАН

ГРОЗА

Косым,

стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падает гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далеко, может быть, в края,
Где девушка живет моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг замахнулась и в кусты
Упада выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.
И снова мир,
Как равнодушие, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

МАРК МАКСИМОВ

БАЛЛАДА О ВЕСНЕ

За окном, на пригорке низком
и похожем на пьедестал,
клен обугленный обелиском
в память битв отгремевших встал.

Гол и птицам не люб.
Лишь ворона
причитает на нем с утра:
мол, была, как корона, крона
и красивой была кора...

И сочувственно смотрят солдаты,
как, изранен и опален,
за окном госпитальной палаты
он стоит, искалеченный клен.

И мрачнеют у раненых лица:
может, снится ему, что жива,
что, как прежде, на нем шевелится
мной срезанная листва!

Тишина.
И сиделка заметит,
сколько боли в такой тишине,
что-то скажет о резком свете
и полотна задернет в окне.

А за тонким, за очень тонким
госпитальным стеклом
весна
босоногим шальным ребенком
в лужах шлепает у окна!

И однажды врывается ливень:
рамы — настезь,
и шторы — вплавь!

И, растерянным и счастливым,
видно раненым, видно въявь,
что весна,
нет, что жизнь — упряма:
клен,
обрубленный догола,
выгнал поросли,
выгнал прямо
из простреленного ствола!..

И выходит солдат, опьяненный,
из пропахших карболкой палат,
и подходит к веселому клену
Невеселый безрукий солдат.

Но солдата не мучит зависть.
И весна стоит на своем.
И, взглянув на зеленую завязь,
он смеется:
— Так, значит, живем!

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

ЛОСЬ

Лесные пни, лесные скаты,
Лесное бойкое шоссе,
А у дороги — зверь губатый,
Живой сохач во всей красе.

Снуют авто, гремят подводы,
А он стоит и смотрит вслед —
Лесной хозяин, вождь породы,
Прошедший дсбни тысяч лет.

И вот по всем дорогам леса
Познавший глубь своих наук,
Он смотрит с явным интересом
На все изделия наших рук.

Июльский прах овеял ноги...
Он шею вытянул, трубя...
И вдруг на камне у дороги
Он видит самого себя:

Из гипса собранный сохатый
Стоит и мыслит перед ним.
И умилился зверь косматый
Впервые над собой самим.

И пьет из круглого колодца,
И даже побыл на мосту.

Он видит наше превосходство
И верит в нашу доброту.

Снуют авто, гремят подводы,
А он стоит и смотрит вслед
Глазами темными природы,
Из дебрей глянувшей на свет.

* * *

Люблю я слушать голоса земли
В постели утром, в лени полудремой...
Вон где-то там, под окнами, шмели
Гудят, бормочут, как деды на бревнах.

А вот к реке проходит ребятя
И все о чем-то громко митингует.
А там — с дороги — ржание коня
И грузовик ревет, — видать, буксует.

Дожди прошли, великие дожди —
Земле на пользу, шоферам на муку.
А ты пока за шторку не гляди,
Жизнь принимай по запаху, по звуку.

Лежи в постели — в полувласти грез —
И вспоминай неведомое что-то.
Пусть гуд шмеля и рокот дальних гроз
Придут к тебе сквозь дым полудремоты.

И ты услышишь мир, как в первый раз,
Таким, как в детстве слышать приходилось.
И будет он прекрасен без прикрас,
Какого, может, и во сне не снилось.

И сам ты будешь слухом той земли,
Чей тихий вздох ты чуешь под собою,
А речка та, и травы, и шмели
Окажутся в сообществе с тобою...

Не упускай мгновений дорогих
И слушай мир сквозь дым полусознания.
Да будет слаще сладостей иных
Великая мелодия слиянья!

НАТАЛЬЯ БУРОВА

* * *

Весна сырая. Будет много тли,
Что под завесой лиственной ютится.
Меня волнуют запахи земли,
Звереныши, и пауки, и птицы.

Я всматриваюсь в бусинки-глаза,
В соцветия заглядываю часто.
Таращит свои бельма стрекоза,
Как будто бы к судьбе моей причастна.

Но ведь к моей судьбе причастно все —
Ветра, землетрясения, и войны,
И солнце, что бессмертие несет,
И горечи неповторимость хвойной.

Но сколько б ни гремело канонад,
Каких бы ни случилось преступлений, —
Окутит кто-то молодой гранат
И к человеку подойдут олени,

Чтобы слизать с его ладони соль.
Нерастворимые осядут взвеси —
И ненависть и ревностную боль
Живая человечность перевесит.

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

О ГОЛУБОМ ЦВЕТКЕ

Над черным логом белый день
Вставал, и чист, и нов.
Он шел из дальних деревень,
Из дальних городов,
Где, не боясь из тьмы невзгод
Тягчайшую принять,
Нас ждут с тобой который год,
Не уставая ждать.

Но я, забыв про тех, кто ждал,
Не помня ни о чем,
Упав в траву, ничком лежал
С раздробленным плечом.

Подпав под смертной боли власть,
Впадая в забытие,
Впервые я посмел проклясть
Земное бытие.

Но тут, тоскуя и скорбя,
Мешая с кровью вздох,
Вблизи себя увидел я
Растоптанный цветок.

По лепесткам и вдоль стебля
Осели гарь и грязь,
И с грязью кровушка моя,
Смешавшись, запеклась.

Но через кровь и через грязь
Простой цветок земной
Невыносимою для глаз
Снял голубизной.

И, словно вызов и укор
Надломленному мне,
Он цвел и смерти вперекор,
И вперекор войне.

«Так вот оно, — подумал я, —
Земное бытие!
Так вот она, судьба моя,
И торжество мое!»

В нас всех сияет этот свет,
Он ярче света звезд...
Любой из нас сквозь сотни бед
Его в душе пронес.

Его ничем не превозмочь,
Ничем не погасить...
Пройдя через такую ночь,
Такую волчью сыть,

Где властно правили душой
Железо и свинец,
Мы не расстались с чистотой
Простых своих сердец.

Земля моя! Судьба моя!
Безмерный свет мой,
Живая радость бытия,
Цветок мой голубой!

Пусть я страдаю и скорблю,
Но, слабый человек,
Я жалобой не оскорблю
Свой злой и быстрый век.

Но всем дыханием своим
Я славлю эту жизнь,
Где праздников шум неразделим
С печальным шумом тризны.

Я славлю путь земной любви,
Сошедший в черный лог,
Я славлю пеплу и крови
Не сдавшийся цветок!

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна, —
Не потому, что пушки бьют,
А потому что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют.
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Ведь завтра снова будет бой.
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, недолюбив,
От наших жен, от наших нпв.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

БОРИС СЛУЦКИЙ

ПОСЛЕВОЕННОЕ
БЕСПТИЧЬЕ

Оттрепетали те тетерева,
перепелов война испепелила.
Безгласные, немые деревья
в лесах от Сталинграда до Берлина.

В щелях, в окопах выжил человек,
зверье в своих берлогах уцелело,
а птицы все ушли куда-то вверх,
куда-то вправо и куда-то влево.

И лиственные не гласят леса,
и хвойные не рассуждают боры.
Пронзительные птичьи голоса
умолкли.
Смолкли птичьи разговоры.

И этого уже нельзя терпеть.
Полещуку бесптичье хуже казни.
О, если соловей не в силах петь —
ты, сойка, крикни
или ворон каркни!

И вдруг какой-то редкостный и робостный,
какой-то радостный,
забытый много лет назад звукоч:
какой-то «чок»,
какой-то «чок-чок-чок».

ДЕРЕВО В ОКНЕ

Было бы окно: хоть одно,
а в окне чтоб дерево стояло.
Ель или береза — все равно,
хоть одно
дерево росло бы постоянно.

Если дерево в окне растет,
вырастает, сколько надо за год,
легче жить, не замечаешь тягот

Если дерево в окне растет,
если зелено оно весною,
пусть оно не жнет, не пашет,
пусть оно ветвями только машет,
пусть оно ликует надо мною.

ДАВИД САМОЙЛОВ

КРАСНАЯ ОСЕНЬ

Внезапно в зелень вкрался красный лист,
Как будто сердце леса обнажилось,
Готовое на муку и на риск.

Внезапно в чаще вспыхнул красный куст,
Как будто бы на нем расположилось
Две тысячи полураскрытых уст.

Внезапно красивым стал окрестный лес
И облако впитало красный отсвет.
Светился праздник листьев и небес
В своем спокойном благородстве.

И это был такой большой закат,
Какого видеть мне не доводилось.
Как будто вся земля переродилась —
И я по ней шагаю наугад.

ПЕРЕД СНЕГОМ

И начинает уставать вода.
И это означает близость снега.
Вода устала быть ручьями, быть дождем,
По корню подниматься, падать с неба.

Вода устала петь, устала течь,
Снять, струиться и переливаться.
Ей хочется утратить речь, залечь
И там, где залегла, там оставаться.

Под низким небом, тяжелей свинца,
Усталая вода сияет тускло.
Она устала быть сама собой.
Но предстоит еще утратить чувства,
Но предстоит еще заледенеть
И уж не петь, а, как броня, звенеть.

Ну, а куда — в мире тишина.
Торчат кустов безлиственные прутья.
Распутица кончается. Распутья
Подмерзли. Но земля еще черна.
Вот-вот повалит первый снег.

* * *

Там дуб в богатырские трубы
Играет на сильном холме.
Но светлые, тихие струны
Звучат на душе и в уме.

И слиться с землею и небом
Мечтает беспечный артист,
С закатом, где тополь над берегом
Так легок, летуч и ветвист.

Какое прекрасное свойство —
Уметь отрешиться от зла,
Бродить, постигая устройство
Пространства, души, ремесла!

Слияния легкая тризна!
Дубы замолкают тогда.
И грозные трубы отчизна
Сменяет на флейту дрозда.

Захотелось мудрым землянам
Распрощаться с домом зеленым,
Побродить по нездешним лонам,
По иным морям-океанам.

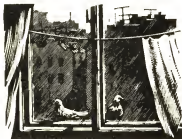
И откуда такое желанье?
Почему со времен Дедала
Рвутся в небо наши земляне,
Неужели земли им мало?

Но пенцы готовятся летом
К их осенним большим перелетам.
Так нас тянет к дальним планетам,
К безначальным тянет высотам.

Кличет осень из синих далей,
Осыпаются листья клена...
От великих наших печалей
Звезды манят нас с небосклона.

Бурой, желтой, красной метелью
Закружились жухлые листья...
От великих наших веселий
Манят нас надзвездные выси.

Журавли курлычут. По далям
Оплывают сосны, как свечи.
И, раскрыв глаза, упадаем,
Упадаем небу навстречу.

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

СОСНА

На белом, розовом, на синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя нней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластаясь,
Вся зелена, вся золота.
И в кроне солнцем обливаясь,
Звенит и рвется высота.
Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшись когда-то,
Назад лет двадцать, на снегу.

Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит сосна.
Не властно время
Того, что было, изменить.

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются...
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидоров раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзины,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежшь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну,
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.
И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадью,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

НЕОПЛАВЛЕННЫЙ СНЕГ

Люблю неоплавленный снег,
Увенчанный бронзою дуба,
Искрится он так белозубо,
Как будто бы девичий смех.

Сощурю глаза половчей
И, встав против солнца заране,
Увижу на белой поляне
Я сонмы зажженных свечей.

День красен, как долг платежом,
И, вклинившись между снегами,
Дорога скрипит под ногами,
Что спелый арбуз под ножом.

Уста наши схожи с костром,
Когда свое сердце мы слышим
И на руки женщинам дышим,
Их грея над снежным ковром.

Ах, чей это промысел, чей?
Была б моя добрая воля,
Я с женщин, деревьев и поля
Вовек не сводил бы очей.

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

ДОБРЫЙ ДОЖДЬ

Дождь засуху трясет,
аж пыльный шлях клубится.
Как из пчелиных сот,
вода в поля стремится.
Старухи крестятся,
дождю подставив лица.
Кто с ливнем встретится,
тот сразу прослезится.
На зависть петухам,
дождь запекает звонко.
Пройдет по лопухам —
слышны удары гонга.
В реке завертится —
идет кругами пена.
Кто с ливнем встретится,
полюбит непременно.

Дождем промыт дубняк,
стволы дубов набрякли.
На гололобых пнях
слезой застыли капли.
Дождем размыта гать,
каменей чернеют туши.
Я склонен полагать:
дожди имеют души.

Есть добрая душа,
есть злая, очень злая.
Тогда, дубы круша,
дождь ходит, завывая.
А эту добрую
узнал по лентам ярким.
Дождь ходит с торбою
и раздает подарки:
кому водицы жбан,
кому грибы на ужин.
Как будто в барабан,
дождь бьет в тугие лужи.
— Нет больше за-су-хи! —
орет он в полумраке.
Цепляясь за суки,
за пни и за коряги,
бредет лесами дождь,
туда, за перевалы.

Спроси:
— Куда идешь? —
махнет рукой устало.
Еще немало дел
в полях у работяги.
Он вымок.
Он вспотел.
Он воду пьет
из фляги!

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

* * *

К морю стремился,
 морем дышал на юге.
Но когда мое сердце
 слушать начнут врачи —
они услышат отчетливо
 посвист вьюги
и голос филина,
 ухающего в ночи.
Бьет кабарга копытцами
 дробно-дробно.
Бьется над логом
 сохатого трубный зов.
Это Сибирь
 в груди моей
 дышит ровно
всей протяженностью
 древних своих лесов.
Это во мне
 снега по весне не тают
и ноздреватый наст
 у краев примят.
Птицы Сибири
 в груди у меня
 летают.

Реки Сибири
в крови у меня
гремят.
Это во мне
медведи заводят игры,
грустно кряжи качаются
на волне.
Ветер низовый.
Кедры роняют иглы.
Хвойные иглы —
это во мне, во мне.
Это во мне поднялся
и не стихает
ветер низовый,
рвущийся напролом.
Смолка
по старой лиственнице
стекает.
Бьет копалуха раненая
крылом.
Я уйду из вьюги,
из белой вьюги.
Лодка моя качается
на волне.
Еду куда-то.
Морем дышу на юге.
Белые вьюги
глухо гудят во мне.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

* * *

Тишайший снегопад —
Дверьми обидно хлопнуть.
Посередине дня
В столице как в селе.
Тишайший снегопад,
Закутавшийся в хлопья,
В обувке пуховой
Проходит по земле.

Он формами дворов
На кубы перерезан,
Он конусами встал
На площадных кругах.
Он тучами рожден,
Он окружен железом, —
И все-таки он кот
В пуховых сапогах.

Штандарты на древках,
Как паруса на штиле.
Тишайший снегопад
Посередине дня.
И я, противник од,
Пишу в высоком штиле,
И тает первый снег
На сердце у меня.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

БЕРЕЗА

В лесу еловом все неброско,
Приглушены его тона.
И вдруг белым бела березка
В угрюмом ельнике одна.

Известно, смерть на людях проще
Видал и сам я час назад,
Как начинался в дальней роще
Веселый, дружный листопад.

А здесь она роняет листья
Вдали от близких и подруг.
Как от огня, в чащобе мгlistой
Светло на сто шагов вокруг.

И непонятно темным елям,
Собравшимся еще тесней:
Что с ней? Ведь вместе зеленели
Совсем недавно. Что же с ней?

И вот, задумчивы, серьезные,
Как бы потупив в землю взгляд,
Над угасающей березой
Они в молчании стоят.

ПОГИБШИЕ ПЕСНИ

Я в детстве был большой мастак
На разные проказы,
В лесах в испуганных местах
По птичьим гнездам лазал.
Вихраст, в царапинах всегда
И подпоясан лычкой,
Я брал из каждого гнезда
На память по яичку.
Есть красота своя у них:
И у скворцов в скворечие
Бывают синими они,
Как утром небо вешнее.
А если чуточку светлей,
Величиной с горошину, —
Я знал, что это соловей,
И выбирал хорошее!
А если луговка — у той
Кругом в зеленых точках.
Они лежат в траве густой,
В болотных рыхлых кочках...
Потом я стал совсем большим
И стал любить Ее.
И я принес ей из глуши
Сокровище свое.
В хрустальной вазе на комод
Они водружены.
В большом бестрепетном трюмо
Они отражены.
Роса над ними не дрожит,
Как на лугу весеннем.
Хозяйка ими дорожит
И хвалится соседям.
А я забуду иногда
И загорю снова:
Зачем принес я их сюда
Из детства золотого?
Дрожат над ними хрустали,
Ложится пыль густая,
Из них ведь птицы быть могли,
А птицы петь бы стали!

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

РАННИЙ ЧАС

Туманы тают. Сырость легкая.
И, ежась, вздрагивает сад.
Росинки падают неловкие.
Заборы влажные блестят.

Еще лежит на травах изморось.
Не шелохнется речки гладь.
И вся природа словно выпалась
И только ленится вставать.

ВЕСЕННЯЯ ПРИРОДА

О, первые весенние мазки,
Природы ученическая робость!
Разрознённые пробные листки, —
От пышных рощ их отделяет пропасть.

Удаче каждой радуется глаз.
Зацвел орешник — нет его дороже.
Казалось бы, уже в который раз,
И всякий год почти одно и то же.

Наверное, есть навык, мастерство, —
В который раз кроит она и лепит.
Но мысль: «А вдруг не выйдет
ничего?» —
В который раз ее ввергает в трепет.

Я спал на свежем клевере, в телеге,
 И ночью вдруг почувствовал во сне,
 Как будто я стремлюсь куда-то в беге,
 Но тяжесть наполняет ноги мне.

Я, пробудившись резко и тревожно,
 Увидел рядом крупного коня,
 Который подошел и осторожно
 Выдергивал траву из-под меня.

Над ним стояло звездное пыланье,
 Цветущие небесные сады —
 Так близко, что, наверно, при желании
 Я мог бы дотянуться до звезды.

Там шевелились яркиe спирали,
 Там совершали спутники витки.
 А с добрых, мягких губ его свисали
 Растрепанные мелкие цветки.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

* * *

Дайте полночь в мои осторожные руки,
Чтоб шумела широкой и мокрой сиренью.
Я не трону ее, только в шумы и звуки
Осторожно поставлю кой-где ударенья.

Дайте плотные ливни и молнии мая,
Закоулки лесные и даль зоревую.
Я листка не сомну, стебелька не сломаю,
Только шелесты трав и берез зарифмую.

Дайте полные неба речные затоны
В острых искорках звезд, и откосы крутые.
Я в полях предвечерних травинки не трону,
Лишь, волнуясь, помечу кой-где запятые.

* * *

Она бывает там, где все вразброд.
Нет глуше, сокровенней, своенравней,
Чем музыка, что вдруг плеснула в борт
Иль поздней ночью громыхнула ставней.

И чую: бездны темные дрожат,
Как будто доски зыбкого настила.

И был мой рот нетерпеливо сжат,
И волосы куда-то относило.

И влажно били ветки по плечу.
Когда ж пустая синь на небосклоне,
Я, запрокинув голову, кричу:
— Прелей немного музыки в ладони!

ЗЕМНЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Есть тяга к беспредельности — ходьба.
По валунам, по пахоте, по межам.
Какая это радость, что судьба
Тебя случайно уродила пешим!

И коль в ходьбе ты понимаешь смак,
Иди, тоской пространственной влекомый.
На гориюм склоне задремавший мак
Тебя с утра встречает, как знакомый.

А что там путь? Переставленье ног
До той черты, где облаков престолы.
И ты идешь велик и одиноч.
Тебя вбирают в глубь себя просторы.

И наконец, усвоенный совсем
И без остатка растворясь в пейзаже,
Ты станешь вдруг невидим, глух и нем,
Но это ты и не заметишь даже.

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

* * *

Как-то в летний полдень на корчевье
Повстречал я племя пней лесных.
Автобиографии деревьев
Кольцами написаны на них.
Кольца, что росли из лета в лето,
Сосчитал я все до одного:
Это — зрелость дерева, вот это —
Юность тонкоствольная его.
Ну, а детство где же?

В середине,
В самое заветное кольцо,
Спряталось и стало сердцевиной
Тонкое смешное деревцо.
Ты — отец. Так пусть же детство сына
Не пройдет перед тобой, как сон.
Это детство станет сердцевиной
Человека будущих времен.

СЕМЕНА НА СНЕГУ

Здесь сучья лип чернеют строго,
Морозный блеск и тишина.
И облетают понемногу
С продрогших веток семсна.

Кружат над снежною поляной
И падают, оцепенев.
И странно видеть бездыханный,
На снег ложащийся посев.

Для невнимательного взора
Природа севера бедна.
Но разве беден лес, который
Доверил снегу семена?

Весна идет. Весна растопит
Невозмутный белый пласт.
И все, что в нем зима накопила,
Земле разбуженной отдаст.

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

* * *

Россия средней полосы...
Туман лугов, и запах прелый
Копны, промокшей от росы.
И карий глаз ромашки белой.
И тропка узкая в кусты,
В орешник уведет. А выйдешь,
Такую сразу даль увидишь,
Что встанешь, замирая, ты.
Бескрайняя какая воля!
Блестит изгиб Тверцы-реки.
С размаху вишь простерлось поле,
В нем тонут леса островки.
Сужается, летит шоссе...
Стоишь. И словно шире плечи.
И крепче дух от этой встречи
С землей во всей ее красе.
А возле, на кусту в росе,
Как часики, стучит кузнечик.

Стояли цитрусы стеной,
Стучали в крепкие ладошки,
Но все всплывал передо мной
Непризнанный цветок картошки...

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

Деревья черные стояли
На желтом дерне и листе.
Их ветки черные торчали
В пустой и голой синеве.

Деревья черные качались,
Как только воздух наплывал.
А птицы белые бросались
Вверх, точно в тянущий провал.

Я утром вышел в этот сад.
Он, весь заросший белым мохом,
Просил, чтоб даже легким
вздохом

Я не нарушил тишь оград
И взлетов серых воробьят.

Ни тропки нет. А я и рад
Тому, что все, как в белой шали,
Там, где лишь день тому назад
Деревья черными стояли.

Забыв про хлынувшую стужу,
Белеет сад, едва дыша,
Как будто явлена наружу
Деревьев чистая душа.

* * *

На крайнем юге, солнечном и снем,
Так много листьев глянцевых, любых.
Октябрь уж наступил. Но не для них.
А мы их все ж так весело покинем.
И улетим на север, на восток,
Где, испытанье выдержав на ветхость,
Желтеет каждый болдинский листок
Как библиографическая редкость.

МУРАВЕИ

Извилист путь и долог,
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший
Под иошею своей,
Как скажет самый старший
Мудрейший муравей:

«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

«Звезда полей, звезда полей над отчим домом
И матери моей печальная рука...» —
Осколок песни той вчера за тихим Доном
Из чуждых уст настиг меня издалека.

И воцарился мир, забвенью не подвластный.
И воцарилась даль — во славу ржи и льна...
Нам не нужны слова в любви настолько ясной,
Что ясно только то, что жизнь у нас одна.

Звезда полей, звезда! Как искорка на сини!
Она зайдет? Тогда зайти звезде моей.
Мне нужен черный хлеб, как белый снег пустыне,
Мне нужен белый хлеб для женщины твоей.

Подруга, мать, земля, ты тленью не подвластна.
Не плачь, что я молчу: взрастила, так прости.
Нам не нужны слова, когда настолько ясно
Все, что друг другу мы должны произнести.

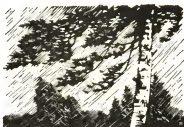
Черные ветки России
В белом, как небо, снегу.
Эти тропинки глухие
Я позабыть не смогу.

С веток в лесу безымянном
Падает маленький снег.
Там, в отдаленье туманном
Тихо прошел человек.

Между сугробами дровни
Прошелестели едва.
Белая сль, как часовня,
Ждет своего рождества.

Белые ветки России
В синем, как небо, снегу.
Эти проселки седые
Я позабыть не смогу...

Острое выставив ушко,
Белка, мала и бела,
Как часовая кукушка,
Выглянула из дупла.

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

* * *

Здравствуй, крона вековая до небес!
Здравствуй, временем непролитая чаша!
Летний лес, птичий лес, вечный лес —
Это молодость моя или наша?

Начинаются и шорох и возня
Где-то в сумраке зеленом, в тайных гнездах.
Словно капли дождевые, щебетня
Сквозь мерцающий, пульсирующий воздух.

Переплеск, перестук, перелив...
Я мелодию угадываю все же:
— Рад, что жив! Рад, что жив! Рад, что жив!
— И я тоже! И я тоже! И я тоже!

Дикий голубь, зимородок, соловей...
Я прошу тебя, лесное бездорожье,
Ты печаль мою трамвайную развей!
Все мы были и юнее и моложе.

Переплеск, перестук, перелив.
Голос птицы родниковый и глубокий:
— Рад, что жив! Рад, что жив! Рад, что жив!
Брызжет с веток и охлестывает щеки.

Это песни широты и доброты.
Небо есть. Солнце есть. Так чего же?
— Ну, а ты? Ну, а ты? Ну, а ты?
— Я не знаю... Ну, конечно... И я тоже.

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

* * *

Лает собака с балкона,
С девятого этажа.
Странно и беспокойно
Вдруг встрепенулась душа.

Что ты там лаешь, собака?
Что ты мне хочешь сказать?
Кто-то высоко, однако,
Вздумал тебя привязать!

Падает снег осторожно
В белые руки берез...
Но почему так тревожно
Лает привязанный пес?

Вспомнилась черная пашня,
Дальних собак голоса.
Маленький, одноэтажный
Домик, где я родился.

* * *

Тихое поле над логом.
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рошица тонких берез.

Родня! Свет предосенний
Неограченного дня.
Желтым потерянным сеном
Чуть золотится стерня.

Бледные ломкие стебли
Жмутся к косому плетню.
Эту неяркую землю
Каждой кровинкой люблю.

Если назначена доля
Мне умереть за нее —
Пусть упаду я на поле,
В это сухое жнивье.

Чтобы уже не подняться,
Чтобы в последней беде
Нежно щекою прижаться
К пыльной сухой борозде.

* * *

Осень, опять начинается осень.
Листья плывут, чуть касаясь воды.
И за деревней на свежем покое
Чисто и нежно желтеют скирды.

Град налетел. Налетел и растаял
Легким туманом в лесной полосе.
Жалобным криком гусиная стая
Вдруг всполошила домашних гусей.

Что-то печальное есть в этом часе.
Сосны вдали зеленей и видней.
Сколько еще остается в запасе
Этих прозрачных стремительных дней?

Солнце на миг осветило деревья,
Мостик, плотину, лозу у пруда.
Словно мое уходящее время,
Тихо в затворе струится вода.

ВЛАДИМИР ЦЫБИН

* * *

На Иртыше снега,
на Каме...

Покрыты зимы соболями.
Из облаков летят снега,
как будто белая листва.

И по полям
и по еланям
запахнет вдруг

морозным, ранним,
и банным, и лесным, и синим...
Зима в России пахнет ливнем,
зима в России пахнет летом,
еловой шишкой на земле.
И бел мороз грибным

и вербным
запахнет густо на заре.
Вытаивает синева,
отряхиваясь, как подранок.
И вот уже зима-вдова
снега ведет на полустанок
через сугробы и кусты
с крутой горы
и снова — в осмыль.
Она в ладони леденцы
сосне и ясеню подносит.

По всей России, как стога,
отряхиваются снега!
Такое вдруг навьюжит вьюга:
хоть чуда нет —
поверишь в чудо.
Нет синевы, но в синеву
невесть кому кричишь «Ау!»
Хоть эха нет, услышишь эхо.
Хоть снега нет,
светло от снега,
хоть нет за облаком зари,
горят на соснах снегири.
Горит мороз...
И возле хат
снега,
 снега,
 снега горят

РИММА КАЗАКОВА

* * *

Ухожу в лесок —
как вода в песок.
И в зеленый лист,
и в заветный свист.

В воду талую,
в хвою палую
и в сиренику
пятипалую.

Ухожу в травники невзрачные
и в грунтовые воды незрячие.

И в сумерки чащи,
и в ключик блестящий,
и в лучик полянки-прогалинки...

Только сыну скажу:
«Ухожу, ухожу!» —
он поймет,
потому что он маленький.

* * *

Не поеду я в Сочи,
где солнце, песок...

А поеду я в сопки,
на Дальний Восток.

Там у склонов колючих,
упав с высоты,
светлый ключ, будто ключик,
обронен в кусты.

Там у синей Дюанки,
безвестной реки,
не поляны — диваны,
пуховики!

Там ало от саранок,
взметнувших луга,
будто горных баранов
крутые рога.

На востоке — просторы,
моря, острова.
Все такое простое —
как хлеб и трава.

Что мне смутно и ложно
темнит белый свет,
там прочтется несложно,
как заячий след.

Мне нужны эти сопки —
в вершке от небес, —
как врачебные скобки
на сильный порез.

Мне нужны эти сопки
в закатном огне,
чтоб весенние соки
не сохли во мне.

Мне нужны эти сопки,
высоты мон.
Мое сердце, как соты,
тяжело от любви.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

* * *

Метель заходит в город
как запоздалый гость.
Но чтоб пройти сквозь город,
необходима злость.
Многоэтажный ярус
домов.

Углы.

Мосты...

Метель приходит в ярость
от этой тесноты.

Нахлестывает хлестко
закутанных людей
в квадратах перекрестков,
в овалах площадей.

Ей негде разогнаться
на этих площадях,
немного разгуляться
на белых лошадях.

Раскачивая знаки
над черной мостовой,
закручивает флаги,
кружит над головой.
Обламывает ветви,
несется под уклон.

Свистит на белом свете
сплошной антициклон!
Проигрывает в споре —
и вот уже на спад
выходит в чисто поле,
где никаких преград.
Ни голоса, ни звука.
Окончено вытье.
И пропадает вьюга,
Как не было ее.

* * *

Весеннее темное небо.
Огни. Бормотанье воды.
Качается нежная верба
в лучах одинокой звезды.
и чувство присутствия в мире
ветвями уходит в весну,
становится шире и шире,
теряя свою глубину.

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ТАЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Не привез я таежных цветов —
извини.

Ты не верь,
если скажут, что плохи
они.

Если кто-то соврет,
что об этом читал...

Просто
эти цветы
луговым не чета!
В буреломах,
на кручах
пылают жарки,
как закат,
как облитые кровью желтки.
Им не стать украшеньем

городского
стола.

Не для них
отшлифованный блеск
хрусталя.

Не для них!
И они не поймут никогда,

что вода из-под краиз —

это тоже вода...

Ты попробуй сорви их!

Попробуй сорви!

Ты их держишь,

и кажется,

руки в крови!..

Но не бойся,

цветы к пиджаку приколи...

Только что это?

Видишь?

Лишившись земли,

той,

таежной,

неласковой,

гордой земли,

на которой они на рассвете взошли,

на которой роса

и медвежьи следы, —

начинают стремительно вянуть

цветы!

Сразу гаснут они!

Тотчас гибнут они!..

Не привез я

таежных цветов.

Извини.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

СОВЕРШЕНСТВО

Тянет ветром свежо и студено.
Пахнет мокрой сосною крыльцо.
И потягивается освобожденно
утка, вылепившая яйцо.

И глядит непорочною девой,
возложив, как ей бог начертал,
совершенство округлости белой
на соломенный пьедестал.

А над грязной дорогой подталой,
над зацвельми крышами изб
совершенство округлости алой
поднимается медленно ввысь.

И дымится почти бестелесно,
все пронизанное зарей,
совершенство весеннего леса,
словно выдох земли — над землей.

Не запальчивых форм новомодность
и не формы, что взяты взаймы, —
совершенство есть просто природность,
совершенство есть выдох земли.

Не казись, что вторично искусство,
что ему отражать суждено

и что так несвободно и скудно
по сравнению с природой оно.

Избегая покорности гриму,
ты в искусстве себе покорись
и спокойно и неповторимо
всей природностью в нем повторись.

Повторись — как природы творенье,
над колодцем склонившись лицом,
поднимает свое повторенье
из глубин, окольцованных льдом...

ДОЛГИЕ КРИКИ

Дремлет избушка на том берегу.
Лошадь белеет на темном лугу.
Криком кричу и стреляю, стреляю,
а разбудить никого не могу.

Хоть бы им выстрелы ветер донес,
хоть бы слышал какой-нибудь пес!
Спят как убитые... «Долгие крики» —
так называется перевоз.

Голос мой в залах гремел, как набат,
площадки тряс его мощный раскат,
а дотянуться до этой избушки
и пробудить ее — он слабоват.

И для крестьян, что, устало дыша,
спят, словно пашут, спят не спеша,
так же неслышен мой голос, как будто
шелесты сосен и шум камыша.

Что ж ты, оратор, что ж ты, пророк?
Ты растерялся, промок и продрог.
Кончились пули. Сорван твой голос.
Дождь заливает твой костерок.

Но не тужи, что обидно до слез.
Можно о стольком подумать всерьез.
Времени много... «Долгие крики» —
так называется перевоз.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

РОЩА

Не трожь человека, деревце,
костра в нем не разводи.
И так в нем такое делается —
боже, не приведи!
Не бей человека, птица.
Еще не открыт отстрел.
Круги твои —

ниже, тише.

Неведомое — острей.
Неопытен друг двуногий,
вы, белка и колонок,
снимите силки с дороги,
чтоб душу не наколол.
Не браконьерствуй, прошлое.
Он в этом не виноват.
Не надо, вольная рощица,
к домам его ревиовать.
Такая стоишь тенистая,
с иголками до бровей —
травили его, освищивали,
ты-то хоть не убей!
Отдай ему в воскресенье
все ягоды и грибы,
пожалуй ему спасение,
спасением погуби.

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

* * *

Под прошлогоднею листвою
Источник сумрачный клокочет.
Туманно-синий колокольчик
Покачивает головой.

А над водою бурелом
Навис, готовый обвалиться:
Под ним течение шевелится,
Как будто пламя под котлом.

Туда пойти бы как-нибудь,
Найти знакомый муравейник,
И в муравейник заглянуть,
Как в закипающий кофейник,
И злого ежика спугнуть...

И странный стебель, что до плеч
В травинку трубчатую вложит,
Как мягкий меч — из мягких ножен,
Со свистом шелковым извлечь.

И палец — просто так — продеть
В кольцо бересты... Посидеть
На том поваленном стволе,
С которого сбегает пятна
Теней... Найти в его дупле
Орех... И положить обратно...

АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ

* * *

И вот луна над миром встанет,
И в дебрях каждого куста
Зашевелится ночь
И глянет —
Светла,
Таинственна,
Пуста.

Весь мир,
От звезд до лунных пятен,
Стоит
Прозрачен и велик,
Но каждый хруст его
Внезапен
И неожидан
Каждый крик.

В глубоком омуте оврага
Блестит недвижная река,
Торчит застывшая от страха
Коряги черная рука.

И в поле чистом,
В поле чистом
Над лунным сумраком дорог

Всю ночь
Проносится со свистом
Такой знобящий ветерок!

И вот
У края неба где-то
Взметнутся резко,
Напрямик
Два ярких,
Движущихся света,
И ночь раздвинется на миг.

И все
В ночной и одинокой
Душе моей
Очнется вдруг
И отзовется на далекий
Живой,
Работающий звук

РАВНИНА

Еще во власти дня и шума,
Еще в усталости дневной,
Я шел за городом угрюмо,
Оставив город за спиной.

Я шел с самим собой сначала...
Но смутно слышал, как сквозь сон,
Что где-то музыка звучала,
Звала меня со всех сторон.

Все необъятнее, все шире
Росла звенящая волна,
Пока не понял я, что в мире —
Луна. Равнина. Тишина.

Что ночь блистает, серебрится,
Кусты и травы ослепя,
Что под луной ночная птица
Поет и слушает себя.

И, на равнину тихо выйдя,
В сиянье лунного огня
Со всех сторон, меня не видя,
Деревья смотрят на меня.

И все живет вокруг, толпится,
И по мерцающей земле
Идет ко мне, и прячет лица,
И вновь скрывается во мгле...

* * *

Ты, как прежде, проснешься, поэт,
На рассвете летящего лета,
И, как прежде, встречая рассвет,
Ты опять не узнаешь рассвета.

Словно в первый почувствовал раз
Этот час неподвижный и чистый,
Словно только увидел сейчас
Этот мир золотой и росистый.

Ты стоишь у ограды сырой,
И душа твоя бедная рада,
Что меж вами — тобой и зарей —
Только тихая эта ограда...

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

ЛУННЫЙ ВЕЧЕР

...Я жил всю жизнь глухой мечтой о чуде...
Сергей НАРОВЧАТОВ

Взошла сирень над белым палисадом,
тоскливая, счастливая кипень,
а вечер, напоенный звездопадом,
навек увел отбушевавший день,

а темнота в обнимку с тишиною
ушли, качаясь, в гулкий березняк.
Чудак поэт назвал луну женою
под смех людей и лаянье собак.

Но вот луна как будто покачнулась
и на глазах у изумленных всех
с небес сошла, назад не оглянувшись,
пришла к поэту, и умолкнул смех.

Захлопотали суетные лица,
засплетиничали — всяк на свой мотив,
но поднялась высоко медунница,
собою тропы к дому зарастив,

где по ночам, в безоблачном безлунье,
от скудной повседневности вдали
цвела струна, кипело многострунье
и шла тропа от неба до земли.

Однако жизнь была жестокосердна
и вбила в полночь журавлинный клин:

луна ясна, свободна и бессмертна,
поэт — сын века, смутный, смертный сын.

Он вдруг забыл прохладные ладони,
в густую горечь губы окунул,
и голос переливчатой гармонии
тоскою дикой за душу рванул.

Она вернулась в середину неба
к законам солнц, созвездий и планет
и среди них с тех пор была нелепа,
вобравшая земного счастья свет.

Бессмертные мучительно и глупо:
века, века — зачем еще века?
Она светила холодно и скупно
с высокого, пустого потолка.

Никто не знал — ни люди, ни планеты,
что горячи холодные огни,
что луны плачут сладко, как поэты,
смеются так же горько, как они.

* * *

Я все пересказала сказки
и все позамела пути,
чтоб к неожиданной развязке
неотвратимо подойти.

В ручье настойчиво и глухо
с камнями говорит вода.
Напрасны откровенья духа,
но невозможна немота.

Всему вселенскому виною,
отдать готова жизнь свою,
пред миром, как перед войною
настороженная стою.

И до конца видна дорога,
и путь просвечивают весь
три тени, как подобье бога:
Былое,
Будущее,
Днесь.

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

ДЕТСТВО

За круглым озером, за рощей,
За нетуманной далью лет
Я шел тропой полузаросшей.
В густой траве терялся след.

Подобно маленьким ледышкам,
Прикосновеньем щекоча,
Роса скользила по лодыжкам,
Кругла, светла и горяча.

Нога как будто пропадала,
Когда к упругости стопы
Земля безмолвно припадала
Живой упругостью тропы.

Тропинка узкая со мною
В одно сливалась существо.
И между мною и землею
Не оставалось ничего.

* * *

Глубина и прозрачность в природе.
Вон, вдали, расстоянием не скрыт,
В опустевшем лесу на колоде
Человек, пригорюнясь, сидит.

Но кручина его — не кручина,
А неслышно легка и светла,
И летуча. Она беспричинна.
Неизвестно откуда пришла.

В ней и шелест, и дальняя сойка,
И летящая тонкая нить.
И печали в ней ровно настолько,
Чтобы счастьем — законченным бычь.

* * *

Опять тишина. И, тиха и забыта,
Сквозь голые ветки синее река.
Здесь только что глухо стучали копыта.
И хрустко, как сучья, трещали рога.

И время от времени, дик и короток,
Как голос утробный древесных стволов,
Из туго напрягшихся, сдавленных глоток
Взвивался напрягшийся, сдавленный рев.

Безгласная, тихая вьется тропинка.
Расслабленный воздух прозрачен и пуст.
Глазами ищу я следы поединка —
Обломки рогов, окровавленный куст...

Но — чисто вокруг отгремевшее поле.
Ни мет, ни царапин на лице земли.
Всю боль от ударов, все признаки боли
Олени с собою, в себе унесли.

* * *

На безвестной, на малой речушке
Деревушка. А в той деревушке
Приблизительно двадцать дворов.
Соответственно — двадцать коров.

Шел по клеверу я, по малине.
Но другие места поманили.

Потянула другая мечта.
И ушел я в другие места.

Есть во мне предвкушение свиданья.
И пусть даже уже никогда
Не придется вернуться туда,
Все равно хорошо от сознания,
Что в глуши, на краю далека,
Как исходный момент мирозданья,
Есть изба, есть трава, есть река.

* * *

Я вернусь — ты узнать постарайся.
Разгляди среди новых примет.
На лице оставляет пространство
След глубокий. Как времени след.

Губы мне безразличьем простора
Обожгла молчаливая степь.
На лицо мне упали озера,
Реки. Галок летящая сеть.

Перелески, луга, переправы.
Сотни верст незнакомой земли..
По лицу моему величаво
Угловатые горы прошли.

ИЛЬЯ ФОНЯКОВ

* * *

Объехав, может быть, полсвета,
На полустанке близ Москвы
Приляжешь в роще, в сердце лета,
Раскинешь руки средь травы.

Вверху — шептанье, шелестенье,
Вокруг тебя — стволы толпой,
И по лицу — все тени, тени,
Как руки матери слепой.

* * *

О зимовьях в Сибири написано тысячу раз,
Но представил я вновь, как таежник
по доброй привычке
Для идущего следом дровец пополняет запас,
Соль в тряпнице кладет, сухари оставляет и спички.
Пусть к тому, кто придет,
будет ветхая кровля добра,
Пусть его не пугают ни голод, ни холод,
ни волки...
О, сказать бы по праву и мне, когда будет пора:
«Люди, я уйду. Будьте счастливы!
Спички — на полке».

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

* * *

Сапоги мои — скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною — гриб,
Подосиновик!
Знаешь: ведьмы в такой глуши
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружа,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
Все дышало бы,
Будто видит твоя душа
сновидение.
И закружат твои глаза
Тучи плавные
Да брусничных глухих трясин
Лапы, лапушки...
Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.

Сапоги мои — скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною — гриб,
Подосиновик...

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

Тихая моя родина!
Ивы, реки, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина!
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЕР

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы...

И ночь, растроченная вся
На драгоценные забавы,
Редает, выше вознося
Небесный купол, полный славы.

Прощай, костер! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...

Хотя доносятся уже
Сигналы старости грядущей,
Надежды, скрытые в душе,
Светло восходят в день цветущий.

Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

* * *

В саду ли, в сыром перелеске,
На улице, гулкой, как жечь,
Нетрудно, в сиянье и блеске,
Казаться печальней, чем есть.
И, в сторону глядя, в два счета,
У тусклого стоя пруда,
Пленить незаметно кого-то
Трагической складкой у рта.

Так действует эта морщинка!
Но с возрастом как-то ясней
Ты видишь: не стоит овчинка
Той выделки хитрой, ей-ей!
Все чаще с растерянным, жарким
И незащищенным лицом
Стоишь перед светлым подарком:
Опушкой, парком, дворцом.

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

ОСЕНЬ

Не действуя и не дыша,
все слаще обмирает улей.
Все глубже осень, и душа
все опытнее и округлей.

Она вовлечена в отлив
плода, из пустяка пустого
отлитого. Как кропотлив
труд осению, как тяжело слово.

Значительнее, что ни день,
природа ум обременяет,
похожая на мудрость лень
уста молчаньем осеняет.

Даже дитя, велосипед
влекущее, вертя педалью,
вдруг поглядит на белый свет
с какой-то ясною печалью.

* * *

Глубоким голосом пророка,
донесшимся издалека,
«Возьми!» — сказала мне природа
о чистых струях родника.

Она мне воду даровала,
назначенную для корней.
Поскрипывая деревянно,
ступени приводили к ней.

Среди цветов, густых, истошных,
воды желающих, воды,
в моих ладонях тек источник.
В нем были камушки видны.

— Ну пей же, пей, — земля просила, —
купайся, запускай суда.
— Да, да, — сказала я, — спасибо,
какая чистая вода.

Как все живое к ней стремится,
как сохнет в горле у него,
а вот она — ко мне струится,
желанья ищет моего.

Но я не жажду утоления.
Я долго на воду смотрю.
И медлю я. И промедленья
никак в себе не поборю.

Человек в чисто поле выходит,
травку клевер зубами берет.
У него ничего не выходит.
Все выходит наоборот.

И в работе опять не выходит.
И в любви, как всегда, не везет.
Что же он в чисто поле выходит,
травку клевер зубами берет?

Для чего он лицо поднимает
улыбается, в небо глядит?
Что он видит там, что понимает
и какая в нем дерзость гудит?

Человече, тесно ль тебе в поле?
Погоди, не спеши умереть.
Но опять он до звона, до боли
хочет в белое небо смотреть.

Есть на это разгадка простая.
Нас единой заботой светло.
Человечеству сроду пристало
делать дерзкое дело свое.

В нем согласие беды и таланта
и готовность опять и опять
эти древние муки Тантала
на большие плеча принимать.

* * *

Ты говоришь — не надо плакать.
А может быть, и впрямь, и впрямь
не надо плакать — надо плавать
в холодных реках. Надо вплавь

одолевать ночную воду,
плывущую из-под руки,
чтоб даровать себе свободу
другого берега реки.

Недаром мне вздыхалось сладко
в Сибири, в чистый сторонс,
где доверительно и слабо
растенья никиули ко мне.

Как привести тебе примеры
того, что делалось со мной?
Мерцают в памяти предметы
и отдают голубизной.

Байкала потаенный омуг,
где среди медленной воды,
посверкивая, ходит омуль
И перышки его видны,

И те дома, и те сараи,
заметные на берегах,

и цвета яркого саранки,
мгновенно сникшие в руках.

И в белую полосу чудо —
внезапные бурндуки,
так испытующе и чутко
в меня вперявшие зрачки.

Так завлекала и казнила
меня тех речек глубина.
Граненая вода Кизира
была, как пламень, холодна.

И опровергнуто лукавство
мое и все слова твои
напоминающей лскарство
целебной горечью травы.

Припоминается мне снова,
что там, среди земли и ржи,
мне не пришлось сказать ни слова.
ни слова маленького лжи.

* * *

Опять сентябрь, как тьму времен назад,
и к вечеру мужаст юный холод.
Я в таинствах подозреваю сад:
все кажется — там кто-то есть и ходит.

Мне не страшной, а только веселей,
что призраком населена округа.
Я в доброте моих осенних дней
ничьи шаги приму за поступь друга.

Мне некого спросить: а не пора ль
списать в тетрадь — с последнею росой
траву и воздух, в зримую спираль
закрученный неистовой осою.

И вот еще: вниманье чьих очей,
воспринятое некогда луною,
проделало обратный путь лучей
и на земле увиделось со мною?

Любой, чье зренье вобрала луна,
свободен с обожаньем иль укором
иных людей, иные времена
оглядывать своим посмертным взором.

Не потому ль в сиянье и красе
так мучат нас ее пустые камни?
О, знаю я, кто пристальней, чем все,
ее посеребрил двумя зрачками!

Так я сижу, подслушиваю сад,
для вечности в окне оставив шелку.
И Пушкина неотвратимый взгляд
ночь напролет мне припекает щеку.

ЮННА МОРИЦ

БЕЛОЕ

На этом свете этот белый снег,
И белый сад, и выбеленный домик,
И этот белый склон, и белый след,
И этот белый лист, и белый томик,
Где белый стих о дюнах и любви
Уже предсказан белоснежным Блоком,
И вихри белые над белыми людьми
Я вижу в просветлении глубоком.

С чего, с чего же это началось?
Кто это все к моей душе придвинул,
Из белого колчана стрелы вынул
И белым свыше все пронзил насквозь?
Сперва была метели кутерьма
И ветер смазал очертанья мира,
Свихнулись океан, квартира, лира,
К которой льнули люди и дома.

Казалось, было все повреждено
Разрухой и тиранством урагана,
И он убил, как выстрел из нагана,
Все то, что душу радовать должно.
Но чудный опыт, свойственный душе,
Предсказывал и намекал подспудно,
Что это буйство перенести не трудно,
Но — при тетрадке и карандаше.

Тринадцать дней топтала нас пурга,
Клубился мрак в ребристых дебрях леса.
А напоследок рухнула завеса
И небеса украсила дуга.
И, словно пряди вымытых волос,
Скрипят и блещут дачные тропинки.
Но кто пошлет мне столько слов и слез,
Чтоб рассказать об этом без запинки.

* * *

Шел дождик, и в роще знобило лошадку,
И не были мысли природы ясны —
Для осени слабо тянуло к упадку,
Но слишком тянуло для ранней весны

Ольха и орешня ветвями обвисли,
Другие деревья воспряли душой,
И так хорошо становилось от мысли,
Что еду в телеге по роще большой.

Такое бывает в беспмятном детстве
С душою, согласной со всеми вокруг, —
На даче, когда с мезонином в соседстве
Березовой заросли замкнутый круг.

Лошадка дремала, своими шагами
Топтала дорогу, виднелась трава.
Я прутья ольхи разводила руками,
И нежная влага лилась в рукава.

И было такое блаженство, и чудо,
И счастье в размере прекрасного дня,
Что я позабыла, куда и откула
Ржаная лошадка увозит меня.

АЛЕКСАНДР ПЛИТЧЕНКО

ЗИМНЕЕ УТРО

От звезд слетев по темным небесам,
Сел тетерев на тихую березу,
И долго-долго сыпался куржак.
Малиновый,
Серебряный,
Широкий.
И синие сутробы у плетия
Застыли,
Осыпаемые светом.
И темный небосвод заголубел.
И запылал закранной зимы
Восход вокруг лохматого светила,
И брошенное осенью зерно
В земле перевернулось
С боку на бок.

* * *

Там, где мы тихо ступали
Полею и по-над рекой, —
Долгие росы упали,
И воцарился покой.

И —
От реки до дубравы,
И —
От волиы до хвои
Тихо расправили травы
Дикие стебли свои.

Движим судьбой неизменной,
Сиизу и до высоты
Весь закоулок вселенной
Прежние принял черты.

Только под лапой еловой
За небольшим бугорком
Произнесенное слово
Возится добрым зверьком.

* * *

Ясная ночь была холодна.
Вымерзли лужи до дна.

От ясной ночи остался лишь
Серебряный холод крыш.

От ясной ночи осталась одна
Подтаявшая луна.

Ясная ночь, она позади.
Синь-холодок в груди.

За огородами, у огия
Четыре
Белых
Коня

БОРИС ЛЕОНТЬЕВ

ЛЕС

Он благороден. Он с обычным тактом
Меня встречает — хвойный и большой,
Протягивая руку, скажет: «Так-то!
Входите, друг, ведь вы здесь не чужой»

И в этот миг так радостно-знакомы
Стаиваются и свет его, и мгла.
Я чувствую себя совсем как дома,
В кругу семьи у общего стола.

Он много интересного расскажет,
То торопясь, то будто в забытьи.
Все помыслы в единый узел свяжет,
Все чувства он сольет в одной любви,

В которой все вовек неудержимо,
Как бег ручья, как сосен разговор.
И влага в зелень вдавленных озер
Сверкнет зрачками женщины любимой

АЛЕКСЕЙ ПРАСОЛОВ

* * *

Весна —
От колен шершавой
До льдинки утренней — моя.
Упрямо
В мир выходят травы
Из темного небытия.

И страшно молод и доверчив,
Как сердце маленькое,
Лист.
И стынет он
По-человечьи,
Побегом вынесенный ввысь.

И в нас
Какое-то подобье:
Мы прорастаем только раз,
Чтоб мир застать
В его недобрый
Иль напоенный солнцем час.

Нам выпало
И то и это,
И хоть завидуем другим,
Но, принимая зрелость лета,
Мы жизнь
За все благодарим.

Мы знаем,
Как она боролась
У самой губительной стены, —
И веком
Нежность и суровость
В нас нераздельно сведены.

И в постоянном непокое
Душе понятны
Неспроста
И трав стремление штыковое,
И кроткость детская листа.

НАТАН ЗЛОТНИКОВ

* * *

Вот заболит и отпустит,
На волю отпустит меня.
И первый же низенький кустик
Укроет, будто броня.
И встанут во чистом поле
Деревья стеною живой,
На дальних подступах боли —
Заставою сторожевой.
И листья стремительной стаей
Сорвутся с привычных высот,
В защиту меня совершая
Единственный перелет.
И, силы теряя по капле,
Сама живая едва,
Поднимет ржавые сабли
Сраженная ветром трава...
Какая, какая досада.
Что я не могу унять
Грохочущий день листопада
И заболеваю опять!
Какая, какая нелепость,
Что я без боя сдаю
Природу — прекрасную крепость,
Последнюю крепость мою?!

ВИКТОР АФАНАСЬЕВ

* * *

Нет, не тепло нам жить на свете,
но всюду есть тепло и свет,
ведь и в таком дождливом лете
весны и солнца виден след.

Жемчужно светит день неясный,
и в роще темной и сырой
сосна горит корою красной,
береза белую корой.

Спокойно тут и неугрюмо
все пронизала пыль дождя,
шуршит неслышно дождик-дума,
забылся, мимо проходя.

Сырой и теплый полдень года
в кругу дождливых летних дней
секрет покоя и свободы
хранит среди листьев и корней.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

НА РЕКЕ

Желтеет за нахохленную станцией
Далекими кувшинками река.
И, уплывая в длительное странствие,
Цепляются за звезды облака.

Уходит деревень размытый облик —
В туманах жизни зернышко судьбы.
А в речке заблудившееся облако
Встает перед баркасом на дыбы.

Я снова здесь под облаками древними
О родине негромко говорю.
И снова за прибрежными деревьями
Выщипывает лошадь тень свою.

Под утро станет звякать каплей с ветки
О патронташи тракторных следов.
И я поставлю на окно соседке
Сырое пламя сорванных цветов.

* * *

Рябины куст. Размытые строенья.
Столбы пустого воздуха стоят.
Так высоки воздушные деревья,
Что вниз не долетает листопад.

И слышно, как на землю оседает
Туман — за полосой полоса.
Тень путника скользит — полусквозная
И сизая по сизые глаза.

И горечь ягод, и скупого слова
Пронзительная горечь — глубока,
От одного мгновенья до другого
Порожние проходят облака.

ЦВЕТЫ

Зачем цветы под этим небом,
Когда они не пахнут хлебом?
После дождя полны водой
Лиловой, желтой, голубой,
Или туманною прохладой
Стоят как дымка за оградой.
Явление необъяснимо,
Взгляни, порадуйся, и мимо!
Туман. Но дует с моря ветер,
И словно стих в тебе возник.
И вспышки красные гвоздик
Темны на бледном полусвете.
Через толпу наискосок,
Как искра, пробежит цветок.
Вниманья знак? Души привет?..
Благоухая, гаснет след.
Но аромата на поляне
Сквозит невидное сиянье.
Жар мать-и-мачехи блестит
И мелко воздух золотит.
И золотится эта ветка
В объемной мысли человека.
И обернулись тишиной
Души сомненья и тревоги.
Я шел. Травой пропахли ноги
И стали, собственно, травой.
Легко, свободно было там,
Где я читал стихи цветам.

Чернела брошенная лодка,
Светила в лилую луна.
Я был один — и жизнь одна,
Душа смеялась беззаботно.
О, ночь фиалки и сверчка,
Ночь аромата и смычка!
Цветы исполнены свободы,
Как простодушные народы.
Я видел в пламени и дыме
Людей, которых больше нет.
Летали пули между ними
И собирали жизни цвет.
Бил пулемет издалика —
Из голубого василька.
Прошел с огнем наперевес
По эдельвейсам — «Эдельвейс».
Я видел мертвые кусты,
Восстали поздние цветы.
Не плачь, родимая, о сыне!
К нему пути не отыскать.
Цветы — нашли его в долине,
Цветы нашли... утешься, мать.
Из голубого василька
Восстало око Василька.
А блеск цветов стоит на листьях
И на далеких детских лицах.

Цветы любви, цветы бессмертья,
Цветы железного столетья,
Я наугад раскрыл ваш том,
Он ни о чем — и обо всем.

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ

* * *

В последних числах февраля
я спал в лесу.

Я спал, к сосне широкой привалясь.
Ее тяжелый ход
туда, наверх,
где ничего, где все, где небо,
кружил мне голову.

Кора, нагретая и цепкая, меня
не отпускала.
Под корой спала
крылатая и кольчатая тварь.

Дышали сосны мягко — засыпал
морозный влажный бор,
пригретый нежным солнцем, —
вы знаете, оно какое
в последних числах февраля?

Я не закрыл глаза — ничто
им не мешало.
И если бы не дятел,
мне севший на плечо
и в ухо нацелившийся,

я бы не проснулся,
неотличимый от коры сосновой,

с улыбкой золотой — там, где лицо
черты разгладило, где два сучка
торчало вместо глаз.

СТРОЙКА СПИТ

И снег и звезды. Иссиня-бело
и тихо. Слышен снег. Спит автобаза.
Такая тишина боится сглаза:
отчаянно взрывается баллон.

Ему взрываться явно не резон:
давно остыли, отдохнули скаты,
но долго весь холмистый горизонт
перебирает и дробит раскаты.

Поднявший молот — так и спит копер
в заснеженной низине котлована.
Он потрудился, как в лесу топор:
чернеют сваи — пни лесоповала.

Но ветви — перемятые стержни —
из них уже торчат змееподобно,
и тихо распрямляются они,
как будто бы от соков почвы доброй.

В конструкциях из железобетона —
горбатых фермах, брошенных на грунт, —
пучки ребристых арматурных струн
напряжены — до пения, до стога.

И каждая волнистая струна,
натянута в каменном пространстве,
поет глубоко, чисто и прекрасно —
сама же не видна и не слышна.

И это только сверху — снег и сон.
Неровен грунт, и час ночной неровси,
и колоколу главному подобен
ушедший в землю наглухо кессон.

Чуть шевельнется в гулких корпусах
диевное заблудившееся эхо,
ледок чуть треснет, дрогнет на лесах
доска, прогнувшись под навалом снега, —
прислушиваюсь...

ИГОРЬ ШКЛЯРЕВСКИЙ

* * *

Буянил май! Навстречу мне бежала
река. В бору кукушка куковала.
В черемухе кружилась голова!
Но смутная тревога нарастала...
Я присмотрелся — желтая листва
вииз по течению медленно сплывала.

И вздрогнул я! Ведь это же не сон...
И обошел холма цветущий склон.
И вдруг увидел желтую березу.
Под ней лежал распоротый мешок,
и, распыляя в воздухе угрозу,
блестел какой-то едкий порошок.
Земля страдала — тяжелобольная,
в ожогах, язвах, белых волдырях.
Наверно, летчик, иву опыляя,
худой мешок оставил второпях.
А может быть, шофер заторопился
и у холма тряхиуло грузовик...
Над майским лугом желтый лист кружился,
как будто где-то в будущем возник
флажок сигнальный грозного намека —
твоя беспечность или не твоя —
не только осень может раньше срока
прийти в твои цветущие края...

Больной земле я пожелал здоровья,
мешок песком и дерном забросал,
вдохнул весенний воздух Приднепровья
и всей земле здоровья пожелал!

ЛЕС

Широкий шум березовых лесов
и грозный гул летящих в небе сосен
нагадывали мне, что скоро осень,
и грянула она в конце концов!
В конце концов нагрянула она
молчаньем птиц и просекой в безбрежность
А по ночам болотная луна
бросала в дрожь притихшую окрестность.
И прямо в душу смутную мою
светила, нет, — задумчиво смотрела,
как будто знать далекая хотела,
зачем живу, страдаю и люблю?
А на рассвете рощица звала,
аукала меня грибной охотой,
и одиноко падала листва,
чуть тронутая смертной позолотой.
А лес шумел! Зелено-золотой.
Шумел мой лес, живицей опьяняя,
и лось трубил, и белка молодая
ловила лист, летящий над землей.

И вот опять в орешнике дымок...
Под елью две нахоленные воли —
два мальчика... — Эй, почему не в школе? —
— Не выучили, дяденька, урок! —
Я оглянулся — факелы рябин,
туман, ползущий в старые траншеи,
слепой землянки солнечные щели,
обглоданный водою карабин,
изжеванный землей противогаз...
Покой! И Слава вечная и тризна —
уж этот лес душе не преподаст
поверхностный урок патриотизма.

Я должен был бродяжек пожурить,
но был подкуплен бульбочкой печеной
и промычал, едою увлеченный:
— Костер не позабудьте погасить... —
И потянуло в детство — в Черный бор,
такой богатый клюквой и грибами.
Я перешел ручей, и за холмами
пустое небо глянуло в упор...
Здесь звон дробить должны перепела
и радость белкой прыгать в поднебесье,
но сократила острая пила
мою главу веселую о лесе...

Какими жизнестойкими словами,
как передать свою любовь к лесам,
дням настоящим и грядущим дням?
Вдруг шелест, голос: «Передай с лесами!»
Откуда голос? Рядом — над рекой —
маячил бор, пока что не подсочный!
Шагнул ко мне высокою стеной,
позвал меня, задумчивый и мощный.
Я не запомнил, что и где растет,
не любовался яркими дроздами,
но, подпирая кроной небосвод,
опять стоит сосна перед глазами!
Корнями почва вся оплетена,
внизу река поет и русло режет.
На круче одинокая сосна
за землю держится и землю держит!

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Озеров. Природу
воспевает человек . . . 5

Михайло ЛОМОНОСОВ
Вечернее размышление о
божьем величии при слу-
чае великого северного
сияния 19
«Кузнечик дорогой...» . . . 20

Гаврила ДЕРЖАВИН
Осень во время осады
Очакова 21
Водопад 22
Ласточка 23
Соловей 24
Похвала сельской жизни 25
Задумчивость 26

Николай КАРАМЗИН
Осень 28

Иван КОЗЛОВ
Заря погасла. Сельская
жизнь 30

Василий ЖУКОВСКИЙ
Приход весны. «Там не-
беса и воды ясны...» . . . 32
Летний вечер 33
Жаворонок. Птичка. Не-
выразимое 34
Море 35

Николай ГНЕДИЧ
Осень 37

Константин БАТЮШКОВ
«Есть наслаждение и в
дикости лесов...» 39

Федор ГЛИНКА
Жатва. Родина 40

Петр ВЯЗЕМСКИЙ
Первый снег (в 1817 го-
ду) 42
Еще тройка. Царскосель-
ский сад зимою 44

«Мне нужны воздух
вольный и широкий...» . 45

Александр ГРИБОЕДОВ
Освобожденный . . . 46

Николай ЦЫГАНОВ
«По полю, полю чисто-
му...» . . . 48

Кондратий РЫЛЕЕВ
Весна (из поэмы «На-
ливайко») . . . 49

Вильгельм КЮХЕЛЬБЕКЕР
Родство со стихиями . 50

Александр БЕСТУЖЕВ
Осень . . . 51

Федор ТУМАНСКИЙ
Птичка . . . 52

Антон ДЕЛЬВИГ
Домик . . . 53

Александр ПУШКИН
«Простите, верные дуб-
равы...» Домовому . . 54
«Редает облаков летучая
гряда...» . . . 55
Приметы. К морю . . 56
Аквилон. Зимний вечер . 58
Зимняя дорога . . . 59
«Еще дуют холодные вет-
ры...» Зимнее утро . . 60
Из «Евгения Онегина» . 61
Кавказ . . . 64
Бесы . . . 65
Осень . . . 68
Туча . . . 70
«...Вновь я посетил...» . 71

Евгений БАРАТЫНСКИЙ
Водопад . . . 73
Буря . . . 74
«Где сладкий шепот моих
лесов?..» . . . 75
«Весна, весна! как воз-
дух чист!..» . . . 76
Осень . . . 77
Приметы . . . 78

Александр ПОЛЕЖАЕВ
Белая ночь . . . 80

Николай ЯЗЫКОВ
Родина. Две картины . 82
К П. А. Осиповой . . 83
Буря . . . 84
Тригорское . . . 85

Федор ТЮТЧЕВ
Весенняя гроза. Летний
вечер . . . 87
Осенний вечер. Весенние
воды . . . 88
«Что ты клонишь над
водами...». «С поляны
коршун поднялся...». «О
чем ты воешь, ветер ноч-
ной?..» . . . 89
«Не то, что мните вы,
природа...» . . . 90
«Зима недаром элится...» 91
«Неохотно и несмело...» . 91
«Тихой ночью, поздним
летом...». «Овеян вещею
дремотой...» . . . 92
«Как весел грохот лет-
них бурь...». «Чародей-
кою Зимою...» . . . 94
«Есть в осени первоона-
чальной...». «Осенней по-
зднее порою...». «Певу-
честь есть в морских вол-
нах...» . . . 95

«Ночное небо так угрю-
мо...» 96

Алексей ХОМЯКОВ

Желание 97

Степан ШЕВЫРЕВ

Стансы 98

Владимир БЕНЕДИКТОВ

Озеро 99

Вечерние облака . . . 100

Нестор КУКОЛЬНИК

Жаворонок 101

Алексей КОЛЬЦОВ

Песня пахаря. Косарь . 102

Цветок. Лес 104

Утешение 105

Николай ГРЕКОВ

Приметы осени 106

Николай ОГАРЕВ

Дорога 107

«Туман над тусклою ре-
кой...». Осенью 108

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Парус. «Когда волнуется
желтеющая нива...» . . 109

Из Гёте. Тучи 110

Родина. «На севере ди-
ком...» (из Гейне) . . . 111

Утес. Листок 112

«Выхожу один я на до-
рогу...» 113

Петр ЕРШОВ

Выезд 114

Алексей К. ТОЛСТОЙ

«Колокольчики мои...» . 115

«Где гнутся над омутом
лозы...». «Край ты мой,
родимый край...». «Острою
секирой ранена береза...» 116
«Звонче жаворонка пе-
нье...». «Осень. Обсы-
пается весь наш бедный
сад...». «Прозрачных об-
лаков спокойное движе-
ние...» 117

Иван ТУРГЕНЕВ

Осень 119

Весенний вечер. (В доро-
ге). Другая ночь . . . 120

Дрозд 121

Яков ПОЛОНСКИЙ

Зимний путь 123

Ночь 124

В Имеретии. Ночь в
Крыму 126

«Чтобы песня моя раз-
лилась, как поток...» . 127

Вечерний звон 128

Афанасий ФЕТ

«Печальная береза...» .
«Чудная картина...» . . 129

«Я пришел к тебе с при-
ветом...». «Как здесь све-
жо под липою густою...» 130

«Еще весны душистой не-
га...». Степь вечером . 131

Вечер. Весенний дождь . 132

«На стоге сена ночью
южной...». «По ветви ниж-
ние леса...» 133

«Солнце нижег лучами в
отвес...». «С гнезд зама-
хали крикливые цапли...» .

«Учись у них — у дуба,
у березы...» 134

На рассвете. Кукушка .	135
«Была пора, и лед пото- ка...». «Еще люблю, еще томлюсь...». «Ель рука- вом мне тропинку заве- сила...»	136
«Опять осенний блеск денницы...»	137

Александр ЯХОНТОВ

«Пронеслася гроза сторо- ною...»	138
---	-----

Аполлон МАЙКОВ

Октава. Пейзаж	139
«Весна! выставляется первая рама...». Журавли	140
Летний дождь. Сенокос .	141
Осень. «Ласточка при- мчалась...»	142
Ласточки. Болото	144
Весна	145
Гроза	146

Иван МАКАРОВ

«Однозвучно гремит ко- локольчик...»	148
---	-----

Алексей ЖЕМЧУЖНИКОВ

Осенние журавли	149
---------------------------	-----

Юлия ЖАДОВСКАЯ

Нива	150
----------------	-----

Николай НЕКРАСОВ

Перед дождем. За горо- дом	151
Несжатая полоса	152
Саша (из поэмы)	153
«В столицах шум, гре- мят витии...»	155

На Волге. Рыцарь на час	156
Крестьянские дети	157
Зеленый Шум. Мороз — красный нос (из поэмы)	158
Железная дорога. Нача- ло поэмы	160

Лев МЕЙ

Сосна	162
Сумерки	163

Аполлон ГРИГОРЬЕВ

Комета	164
------------------	-----

Иван АҚСАКОВ

«Жар свалил. Повеяла прохлада...»	165
--	-----

Иван НИКИТИН

«Тихо ночь ложится...» .	166
«Когда закат прощаль- ными лучами...» Русь .	168
Утро. «Ярко звезд мер- цанье...»	170

Алексей ПЛЕЩЕЕВ

Мой садик	172
«Скучная картина!...». «При- рода-мать! К тебе нду...»	173
«Отдохну-ка, сяду у лес- ной опушки...». «Травка зеленеет...»	174
Весна	175

Михаил МИХАЙЛОВ

«Снова дней весенних...»	176
--------------------------	-----

Лев МОДЗАЛЕВСКИЙ

Вечерняя песня весною .	177
-------------------------	-----

Константин СЛУЧЕВСКИЙ

«Полдневный час. Жара гнетет дыханье...» . . .	178
---	-----

Рассвет в деревне. «Старый дуб листвы своей лишился...» 180

Леонид ТРЕФОЛЕВ

Пошехонские леса . . . 181

Алексей АПУХТИН

Проселок 182

Иван СУРИКОВ

Рябина 183

«Заялася заря...». «Всю ночь кругом метель шумела...» 184

В ночиом 185

На берегу 186

Детство 187

Спиридон ДРОЖЖИН

Родина 188

На сеюкосе. Весеннее царство 189

Арсений

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

«Сиилось мне утро лазурное, чистое...» . . . 191

Иннокентий АННЕНСКИЙ

Май 192

Сентябрь. Просвет . . . 193

Владимир СОЛОВЬЕВ

Сойма в бурю 194

Петр ЯКУБОВИЧ

«Ярко небо стран далеких...». «Не в шуме гроз, не в красоте стыдливой...» 195

Новая весна 196

Семен НАДСОН

На заре. «Неужели сейчас только бархатный луг...» 198

Старая беседка 199

Константин ФОФАНОВ

«Звезды ясные, звезды прекрасные...». «Прекрасна ты, осенняя пора!..» . 200

После грозы 201

«Не мигают зарницы вечерние..» В роще . . . 202

«Вечера все белей и беззвездней...» 203

Константин ЛЬДОВ

«Не знаю почему — недвижная природа...» . . . 204

Феодосий САВИНОВ

Родное 205

Аполлон КОРИНФСКИЙ

«К пустыниному приволью...» 206

Константин БАЛЬМОНТ

Август. Аромат солища . 207

Зима 208

Максим ГОРЬКИЙ

Монолог Буслаева (из пьесы о Василии Буслаеве) 209

Песня о Буревестнике . 210

Из рассказа «Весенние мелодии» (Песня жаворонка. Песня ручьев). «Нравится мне вся земля...» 211

Мирра ЛОХВИЦКАЯ

«Из царства пурпура и злата...»	212
«Быть грозей! Я вижу это...» Не убивайте го- лубей	213

Николай РЕРИХ

Наш путь	214
--------------------	-----

Иван БУНИН

«Какая теплая и темная заря...». «Не видно птиц...»	215
«Бушует полая вода...» .	216
«Еще от дома на дворе...» .	
«Догорел апрельский свет- лый вечер...»	217
Костер. Плеяды	218
Листопад (осенняя поэ- ма). «Нет солнца, но светлы пруды...»	219
Родник	220
«Зеленый цвет морской воды...». «Еще и холоден, и сыр...» Детство	222
«Густой зеленый ельник у дороги...» Последний шмель	223
Плоты. Старая яблоня .	224

Валерий БРЮСОВ

У земли	225
Февраль. Век за веком .	226
Сеятель	227
В моей стране	228

Максимилиан ВОЛОШИН

«Быть черною землей...»	230
-------------------------	-----

Александр БЛОК

«Полный месяц встал над лугом...» Летний вечер .	231
---	-----

«Ночной туман застал меня в дороге...» После дождя	232
Перед грозой. «Ночь теп- лая одела острова...» .	233
Осенняя элегия. «Ветер принес издалека...» . .	234
«Золотистою долиной...» .	
«Мне снились веселые думы...»	235
«На перекрестке...» . . .	236
«Осень поздняя. Небо от- крытое...» Россия	237
Осенний день	238
«Там неба освещенный край...». «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» .	239
«На небе — празелень...»	240

Андрей БЕЛЫЙ

Зима	242
----------------	-----

Василий КАМЕНСКИЙ

Песня о Каме	244
------------------------	-----

Велимир ХЛЕБНИКОВ

«Нам много ль надо?...» .	
«Весеннего Корана...» .	246
«Весны пословицы и ско- роговорки...» Поэт . . .	247

Павел РАДИМОВ

Север	249
Перед весной	250

Самуил МАРШАК

Вчера я видел	251
Ландыш. «Как порабо- тала зима!...»	252
«О том, как хороша природа...». «Апрельский дождь прошел впервые...»	
Счастье	253

«Ты много ли видел на свете берез?..». «Пусть будет небом верхняя строка...» 254

Анна АХМАТОВА

«Цветов и неживых вещей...». «Перед весной бывают дни такие...» 255

«Все мне видится Павловск холмистый...». «Приду туда, и отлетит томленье...» 256

«Я слышу иволги всегда печальный голос...». «Все души милых на высоких звездах...». Приморский сонет 257

Родная земля 258

Николай ПОЛЕТАЕВ

Песня о соловьях 259

Николай АСЕЕВ

Снегири 261

Ива 262

Борис ПАСТЕРНАК

Степь 263

Иней 264

Сосны 265

Хлеб 266

Стога 267

Снег идет. Осенний лес 268

Все сбылось 269

Пахота 270

Вера ИНБЕР

«Скупа в последней четверти луна...» 272

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Московский дождик 273

Рюрик ИВНЕВ

Одуванчик 274

Осенняя прогулка 275

Марина ЦВЕТАЕВА

«Сини подмосковные холмы...» 276

«Август — астры...». «Два дерева хотят друг к другу...» 277

«Русской ржи от меня поклон...» 278

Сергей ОБРАДОВИЧ

Березка 279

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Тучкины штучки. Весенний вопрос 280

Канцелярские привычки 283

Александр

ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

Лани 286

Дмитрий СЕМЕНОВСКИЙ

Лицо земли 288

Вера ЗВЯГИНЦЕВА

«Есть между всех очарований...» 289

Красота 290

Сергей ЕСЕНИН

«Там, где капустные грядки...» Береза 292

Пороша. С добрым утром! «Топи да болота.» 293

Песнь о собаке 294

Таун. «О красном вечере задумалась дорога...» 295

«Прячет месяц за овинами...». «Нивы сжаты, рощи голы...»	296
«Я по первому снегу бреду...». «Я покинул родимый дом...»	298
«Закружилась листва золотая...». «Душа грустит о небесах...»	299
«Не жалею, не зову, не плачу...». «Мы теперь уходим понемногу...»	300
«Отговорила роща золотая...»	301
«Синий май. Заревая теплынь...»	302
«Неуютная жидкая лунность...»	303
«Каждый труд благослови, удача!...». «Я иду долиной. На затылке кепи...»	304
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	305
«Клен ты мой опавший...»	306

Надежда ПАВЛОВИЧ

Гроза	307
-----------------	-----

Эдуард БАГРИЦКИЙ

Осень	308
Стансы	309
Последняя ночь	310
Возвращение	311
Весна, ветеринар п я	312

Всеволод

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

«Заблудилась меж сосен звезда...»	313
Из окна (март)	314

Николай ТИХОНОВ

«Не заглушить, не вы-	
-----------------------	--

топтать года...» Болотный лес	315
Дождь	316
Цинандали	317
Час тишины	318
«Здесь мы, родясь когда-то...»	319

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Камень	320
------------------	-----

Илья МУХАЧЕВ

Серебряная вода	321
В лесу	322

Василий КАЗИН

Байдарские ворота	324
-----------------------------	-----

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

О родине	325
--------------------	-----

Николай УШАКОВ

Осень	327
Лесопосадка. На луне	328

Степан ЩИПАЧЕВ

Возчики везут лед. «Была недолгой жизнь цветка...»	329
«Себя не видят синие просторы...». «Стоит на пашнях талая вода...»	
Черемуха	330

Алексей СУРКОВ

Грибной дождь. Предчувствие весны	332
---	-----

Иван ДОРНИН

«На улыбку тихую зари...»	334
-------------------------------------	-----

Александр ПРОКОФЬЕВ

«Густая роща в зареве заката...» Я все зову по имени...»	336
--	-----

«Коль сердце любовью
согрето...» 337

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Ветер. Вишня 338
Пели две подружки 339
Опять печалится над лу-
гом 341
Летят перелетные птицы 342

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Зяблик запел 343
Вот тогда. Гуси 344
Звезда 345

Николай БРАУН

Шиповник 346

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Лицо коня 347
В жилищах наших 348
Осень 350
Венчание плодами 352
Ночной сад. Вчера, о
смерти размышляя 354
Засуха 355
Север 356
Лесное озеро 358
Гроза. Я не ищу гармо-
нии в природе 359
Журавли 360
Сквозь волшебный при-
бор Левенгука 361
«Я воспитан природой
суровой...» 362
На закате 363

Михаил СВЕТЛОВ

Утро 364
Весна. Россия 365

Иосиф УТКИН

Ветер 367

Виссарион САЯНОВ

«Года прошли—и сердцу
пособили...» 368
Соболиная охота 369
«Дай руку мне, пойдем
со мною...» 370

Елена БЛАГИНИНА

Дерево 371

Михаил СКУРАТОВ

«Снег хлопьями весь день
валил густыми...». «Я ви-
дел далекие синие сол-
ки...» 372

Леонид МАРТЫНОВ

Деревья 374
Голос природы 376
Дым отчества 377
Лисенок. «Я понял!..» 378
«Примерзло яблоко...» 379
Земля. Дрема луговая 380
«Под зеленый тополь я
прилег...» 381

Елизавета СТЮАРТ

Родине. Журавли 382
«Весна опять разводит
нежность.» 383

Агния БАРТО

Мы не заметили жука.
За цветами в зимний лес 384
Весенняя гроза 385

Сергей МАРКОВ

Современник 386
Ночь в горах 387

Семен КИРСАНОВ

Осень. Зима 388
«Скоро в снег побегут
струйки...» 389

Арсений ТАРКОВСКИЙ

«Хорош ли праздник мой...»	Иванова Ива . . .	390
Кузнечики. Шиповник . . .		391
Посредине мира . . .		392

Дмитрий КЕДРИН

Подмосковная осень. Бес- смертие		393
Природа		394
«Я не знаю, что на све- те проще?» Приглаше- ние на дачу		395
«Все мне мерещится по- ле с гречихою...»		396

Юлия НЕЙМАН

Зерно. Начало осени . . .		398
После дождя. Поле за Шафрановом		399

Борис ҚОРНИЛОВ

«Усталость тихая, вечер- няя...»		400
---	--	-----

Николай РЫЛЕНКОВ

«Все богатства русского пейзажа...». «Не оторвешь подошв горячих от зем- ли...»		401
«На опушке зной заме- шан густо...». «Все: и ве- черних облаков изло- мы...». «В лугу отава скошена...»		402
«Как мне жалко людей, про которых...». «Вста- вать привыкший с дет- ства в час восхода...» . .		403

Иван БАУКОВ

Это я придумал соловья		404
------------------------	--	-----

Виктор ГУСЕВ

Клен		405
----------------	--	-----

Варлам ШАЛАМОВ

«У деревьев нет уро- дов...» Мой архив . . .		408
«Озерная вода прозрач- ней, чем глаза...». «На небе, бледно-василько- вом...»		409

Яков БЕЛИНСКИЙ

«Из тьмы ветвей — ве- личье вечных дум...» . .		410
---	--	-----

Петр СЕМЫНИН

«Горит и вьется...» . . .		411
Предчувствие весны . . .		412

Павел ВАСИЛЬЕВ

Лето (из поэмы)		413
Иртыш		414
«Родительница степь, при- ми мою...»		415
«Снегири взлетают крас- ногруды...»		416

Александр ТВАРДОВСКИЙ

«Рожь отволновалась...».		
«Рожь, рожь... Дорога полевая...»		417
«Как только снег начнут буравить...». «Снега по- темнеют синие...» . . .		418
Еще о Сибири		419
В тайге Приморья . . .		420
«Мне сладок был тот шум сонливый...». «Спа- сибо за утро такое...» . .		421
«Чуть зацветет иван-чай...»		422

Николай ЛЕОНТЬЕВ

«Куда ни кинут люди взгляд...»		423
---	--	-----

<i>Клара АРСЕНЕВА</i>	
Городская весна. Грозовое лето	424
Осень в Голицыне	425

<i>Ольга БЕРГГОЛЬЦ</i>	
Ласточки над обрывом	426
Бабье лето	427

<i>Николай ГРИБАЧЕВ</i>	
Со мной заодно...	429

<i>Петр КОМАРОВ</i>	
Кедр	430
Зеленый пояс	431
Дуб. Олень-цветок	432
На краю России	433
Приамурье	434

<i>Семен ЛИПКИН</i>	
В роще	436

<i>Александр КОВАЛЕНКОВ</i>	
Грибы	437

<i>Сергей ОСТРОВИИ</i>	
Живой дождь. Разные деревья	438

<i>Сергей ВАСИЛЬЕВ</i>	
Белая береза	440

<i>Ксения НЕКРАСОВА</i>	
Весна. На закате	441

<i>Ярослав СМЕЛЯКОВ</i>	
Пейзаж	444
Пейзаж у окна. Полевые цветы	445

<i>Александр ЯШИН</i>	
Первая борозда. Сосновая грива	447

Осень-красавица	448
---------------------------	-----

<i>Алексей НЕДОГОНОВ</i>	
Дыхание	449
Осень	450

<i>Павел ШУБИН</i>	
Утренний свет	451

<i>Лев ОЗЕРОВ</i>	
«Сад изнывал от птичьей ворожбы...». «В каждом колосе вижу поле...»	452
Надпись на томе Пришвина. «Краюха озера с отломленным бочком...»	453

<i>Виктор БОКОВ</i>	
«Отыми соловья от зарослей...». «Без радуги, без грома и без молнии...»	454
«Ельничек-березничек...»	455

<i>Маргарита АЛИГЕР</i>	
Березовая роща	456

<i>Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА</i>	
Корабельный бор. Грозная туча	458
Июль в тайге	459

<i>Вадим ШЕФНЕР</i>	
Стихи природы	460
Однажды в тайге. Ястреб	461

<i>Константин СИМОНОВ</i>	
Деревья	462
Родина	463

<i>Михаил МАТУСОВСКИЙ</i>	
«Хотел бы ты видеть рождение земли?...»	465

Подмосковные вечера . . . 466

*Евгений
ДОЛМАТОВСКИЙ*

Лебеденок 467

Михаил ДУДИН

«Нынче осень, как позд-
няя слава...» 469

«Гроза развернется с раз-
маха...» 470

Василий ФЕДОРОВ

«Луна...». «Беспокойно...» 471

«И видел я...» 472

Михаил ЛУКОНИН

«Зима в городах нека-
зиста...» 474

Павел КОГАН

Гроза 476

Марк МАКСИМОВ

Баллада о весне 477

Николай ТРЯПКИН

Лось 479

«Люблю я слушать го-
лоса земли...» 480

Наталья БУРОВА

«Весна сырая...» 481

Сергей НАРОВЧАТОВ

О голубом цветке . . . 482

Алексей ФАТЬЯНОВ

Соловьи 484

Борис СЛУЦКИЙ

Послевоенное бесптичье . 485

Дерево в окне 486

Давид САМОЙЛОВ

Красная осень. Перед
снегом 487

«Там дуб в богатырские
трубы...» 488

«Захотелось мудрым зем-
лянам...» 490

Сергей ОРЛОВ

Тыква. Сосна 491

Жеребенок 492

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Неоплавленный снег . . 493

Семен ГУДЗЕНКО

Добрый дождь 494

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

«К морю стремился...» . 496

Александр МЕЖИРОВ

«Тишайший снегопад...» . 498

Владимир СОЛОУХИН

Берега 499

Погибшие песни 500

Константин ВАНШЕНКИН

Ранний час. Весенняя
природа 501

«Я спал на свежем кле-
вере, в телеге...» 502

Евгений ВИНОКУРОВ

«Дайте полночь в мои
осторожные руки...». «Она

бывает там, где все
вразброд...» 503

Земные пределы 504

Валентин БЕРЕСТОВ

«Как-то в летний пол-
день на корчевье...» Се-

мена на снегу 505

<i>Владимир СОКОЛОВ</i>	
«Россия средней полосы...»	507
Первый иней. «На крайнем юге, солнечном и синем...»	508
Муравей. Звезда полей	509
«Черные ветки России...»	510

<i>Фазиль ИСКАНДЕР</i>	
«Здравствуй, корона вековая до небес!...»	511

<i>Анатолий ЖИГУЛИН</i>	
«Лает собака с балкона...». «Тихое поле над логом...»	512
«Осень, опять начинается осень...»	513

<i>Владимир ЦЫБИН</i>	
«На Иртыше снега, на Каме...»	514

<i>Римма КАЗАКОВА</i>	
«Ухожу в лесок...». «Не поеду я в Сочи...»	516

<i>Станислав КУНЯЕВ</i>	
«Метель заходит в город...»	518
«Весеннее темное небо...»	519

<i>Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ</i>	
Таежные цветы	520

<i>Евгений ЕВТУШЕНКО</i>	
Совершенство	522
Долгие крики	523

<i>Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ</i>	
Роща	524

<i>Новелла МАТВЕЕВА</i>	
«Над прошлогоднею листвою...»	525

<i>Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ</i>	
«И вот лупа над миром встанет...»	526
Равнина	527
«Ты, как прежде, проснешься, поэт...»	528

<i>Лариса ВАСИЛЬЕВА</i>	
Лунный вечер	529
«Я все пересказала сказки...»	530

<i>Василий КАЗАНЦЕВ</i>	
Детство. «Глубина и прозрачность в природе...»	531
«Опять тишина...». «На безвестной, на малой речушке...»	532
«Я вернусь — ты узнай постарайся...»	533

<i>Илья ФОНЯКОВ</i>	
«Объехав, может быть, полсвета...». «О зимовьях в Сибири написано тысячу раз...»	534

<i>Николай РУБЦОВ</i>	
«Сапоги мои — скрип да скрип...»	535
«Тихая моя родина...»	536
Прощальный костер	538

<i>Александр КУШНЕР</i>	
«В саду ли, в сыром перелеске...»	539

<i>Белла АХМАДУЛИНА</i>	
Осень. «Глубоким голосом пророка...»	540

«Человек в чисто поле выходит...»	541
«Ты говоришь — не надо плакать...»	542
«Опять сентябрь, как тому времен назад...»	543

Юнна МОРИЦ

Белое	545
«Шел дождик...»	546

Александр ПЛИТЧЕНКО

Зимнее утро. «Там, где мы тихо ступали...»	547
«Ясная ночь была холод- на...»	548

Борис ЛЕОНТЬЕВ

Лес	549
---------------	-----

Алексей ПРАСОЛОВ

«Весна — от колен шер- шавой...»	550
---	-----

Натан ЗЛОТНИКОВ

«Вот заболит и отпустит...»	552
---------------------------------------	-----

Виктор АФАНАСЬЕВ

«Нет, не тепло нам жить на свете...»	553
---	-----

Юрий КУЗНЕЦОВ

На реке. «Рябины куст...»	554
Цветы	555

Владимир ЛЕОНОВИЧ

«В последних числах февраля...»	557
Стройка спит	558

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

«Буянил май!..»	559
Лес	560

О 95 **Очей очарование** (сост. Л. Г. Андреев и О. К. Мамонтова, вступ. статья Льва Озерова). Хабаровск, Кн. изд., 1976.

576 с. с ил. 100 000 экз. 1 р. 67 к.

Сборник знакомит массового читателя с образцами классической и современной русской поэзии о природе.

О $\frac{70500-51}{M160(03)-76}$ 34-76

РС

ОЧЕЙ ОЧАРОВАНИЕ

Стихи русских поэтов о природе

Редактор *П. Н. Богоявленский*
Художественный редактор *А. Н. Посохов*
Технический редактор *Н. А. Лызова*
Корректор *Л. М. Гракович*

Подписано к печати 11/VI 1976 г. ВЕ 01687. Бумага типографская № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 23,97. Тираж 100 000 экз. (25 001—60 000 экз.). Заказ № 542. Цена 1 р. 67 к. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опустятся поди,
И, как бы сквозь прутья, встало.
Вся грудь реки примет небесный дождь
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излуч.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диких
В его живых чертах распознаешь.

НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКИИ

Вновь растворилась дверь на влажное

крыльцо,

В полуденных лучах следы недавней стужи

Дымятся. Теплый ветер повеял нам в лицо

И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливками огня

Минувший тесный мир зимы напоминая,

Но жаворонок там, над озимью звеня,

Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,

Про счастье и любовь, и юность, и доверье,

И громко вторят им бегущие ручьи,

Колесбля тростника желтеющие перья.

Пускай же, как они, по глине и песку

Растаявших снегов, журча, уносят воды,

Бесследно унесет души твоей тоску

Врачующая власть воскреснувшей природы.

АЛЕКСЕЯ К. ТОЛСТОГО

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опустятся поди,
И, как бы сквозь прутья, встает ло.
Вся грудь реки принимает небесаду,
И загорится влажно и вглубо.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош.
И ты, ликуя, множество диких
В его живых чертах распознаешь.

НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКИИ

ТИПОГРАФИЯ № 1

красного управления издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

КОНТРОЛЕР № 1

При обнаружении
недостатков в книге
просим возвратить книгу
вместе с этим ярлыком для обмена